60 1/3
626

60/3

Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи выпускъ XXVI.

Ж. А. Кастанье

Вице-Президентъ Оренб. уч. Арх. Ком. Хранитель музея.

НАДГРОБНЫЯ СООРУЖЕНІЯ КИРГИЗСКИХЪ СТЕПЕЙ.

28 таблицъ—77 рис.

Les monuments funéraires

de la steppe des Kirghizes

avec 28 planches et 77 figures

Par

Joseph Castagné.

Conservateur du Musée d'Orenbourg.

3259

ОРЕНБУРГЪ.
Типографія Турк. Област. Правленія.
1911.

Печатано по постановленію Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи.

60 1/3

Ин 160 2/228

І. А. Кастанье

Вице-Президентъ Оренб. уч. Арх. Ком. Хранитель музея.

НАДГРОБНЫЯ СООРУЖЕНІЯ КИРГИЗСКИХЪ СТЕПЕЙ.

28 таблицъ—76 рис.

Les monuments funéraires

de la steppe des Kirghizes

avec 28 planches et 76 figures

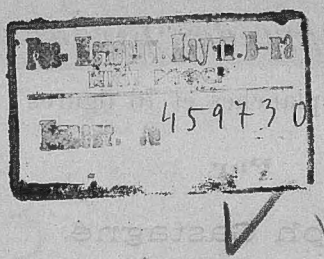
Par

Joseph Castagné.

Conservateur du Musée d'Orenbourg.

Г. ОРЕНБУРГЪ.
Типографія Тургайскаго Обл. Правленія.
1911.

1


Инв. № 459730

Надгробныя сооруженія
Киргизскихъ степей

Введеніе.

Всѣ первобытные народы имѣли такое понятіе объ искусствѣ, которое всегда соотвѣтствовало ихъ духовному развитію. Кочевники степей не избѣжали этого закона и, хотя ихъ родъ жизни, не могъ создать ничего великаго и долговѣчнаго, однако смерть породила серію надгробныхъ сооруженій, разнообразіе которыхъ, также, какъ и ихъ структура, поражаютъ всякаго. Путешественникъ, близко знакомый со степью, любитъ смотрѣть на эти странные памятники, возвышающіеся тамъ и сямъ, среди высокихъ травъ, саксауловыхъ рощъ или песчаныхъ пустынь. То одинокіе, то сгруппированные на какомъ-нибудь уединенномъ холмѣ, возвышаются они, какъ бы царя надъ равниной, и видъ ихъ не безъ пре-

Les monuments funéraires
de la steppe des Kirghizes

Avant-Propos.

Toutes les peuplades primitives ont eu de l'art une conception qui répondait toujours à leur mentalité. Les nomades des steppes n'ont pas échappé à cette loi, mais tandis que leur genre de vie ne pouvait créer quelque chose de grand et de durable, la mort donnait naissance à une foule de monuments funéraires dont la variété étonne autant que la structure. Le voyageur, familier de la steppe, aime à voir ces monuments étranges surgissant comme à plaisir parmi les hautes herbes, les bois de saxaoul ou les déserts de sable. Tantôt isolés, tantôt groupés sur quelque mamelon solitaire, ils dominent la plaine et leur aspect ne

лести для этихъ пустынь, гдѣ все, даже малѣйшая неровность земли, принимаетъ необыкновенные размѣры, иногда даже наводя невольный страхъ на путешественника.

Моя настоящая работа будетъ посвящена: 1) Изученію этихъ типовъ надгробныхъ сооруженій киргизскихъ степей; 2) одновременно съ этимъ ознакомленію съ похоронными обрядами кочевниковъ.—Жестокая рука человѣка еще болѣе, чѣмъ всесокрушающее время, коснулась уже многихъ изъ этихъ памятниковъ, поэтому я не сомнѣваюсь, что эти замѣтки въ недалекомъ будущемъ пріобрѣтутъ неоспоримую историческую цѣнность.

Для болѣе удобнаго ознакомленія съ сутью этого труда, раздѣлимъ его на двѣ части: первая обниметъ эпоху, предшествующую Исламу, которую назовемъ: «*До-Исламской*»; вторая часть, которая займетъ эпоху съ VIII вѣка, время появленія Ислама въ южныхъ предѣлахъ киргизской степи и до нашихъ дней, которую мы посвятимъ спеціально изученію искусства надгробныхъ памятниковъ киргизъ.

I. K.

manque pas de charme dans ces déserts où tout, jusqu'au moindre pli de terrain, prend des proportions démesurées et parfois inquiétantes.

L' étude des monuments funéraires types de la steppe des Kirghizes, ainsi que des cérémonies funèbres s'y rattachant, font l'objet de ce présent travail. La main de l'homme, plus encore que l'injure du temps a déjà porté atteinte à bon nombre de ces monuments, aussi sommes-nous en droit d'espérer que ces notes, ne tarderont pas à acquérir une valeur historique incontestable.

Pour faciliter notre étude, nous diviserons ce travail en deux parties. La première (préislamique) embrassera l'époque antérieure à l'islam; la seconde, consacrée plus spécialement à l'art funéraire kirghize, comprendra cette période de temps qui du VIII-ème siècle (date de l'apparition de l'islam sur les confins des steppes kirghizes) s'étendra jusqu' à nos jours.

J. C.

Доисламская эпоха.

Киргизская степь покрыта безконечнымъ числомъ бугровъ, которымъ рука человѣка придала всевозможныя формы и подъ которыми почиваетъ немалая доля исторіи нашей вселенной. Эти бугры или насыпи, болѣе извѣстные въ Россіи подъ именемъ кургановъ встрѣчаются тысячами, и ихъ число, несмотря на то, что оно очень значительно, въ наше время, даетъ намъ очень слабое представленіе о томъ каково оно было тогда, когда степь, нетронутая культурой, покрывала своими высокими травами весь западъ азіатскаго материка.

Названіе «*курганъ*», которое нѣкоторые производятъ отъ турецкаго, носитъ еще имя «*маръ*» въ нѣкоторыхъ частяхъ Оренбургской губерніи, иногда же «шишканъ». Киргизы даютъ ему общее названіе «*оба* или *уба*». Однако, желая опредѣлить видъ,

Époque préislamique.

La steppe des Kirghizes est couverte d'une infinité de tertres que la main de l'homme façonna et sous lesquels repose une bonne partie de l'histoire du monde. Ces tertres ou tumulus, plus connus en Russie sous le nom de *kourganes* se rencontrent par milliers et leur nombre, de nos jours bien que considérable, ne nous donne qu'une bien faible idée de ce qu' il fut autrefois, alors que la steppe, vierge encore de toute culture, couvrait de ses hautes herbes l'occident du continent asiatique.

Le nom de *kourganes* que d'aucuns font dériver du turc porte encore le nom de *mar* dans certaines parties du gouvernement d'Orenbourg, parfois encore de *chichan*. Les Kirghizes leur donnent le nom général d'*oba*

матеріалъ, форму, окраску этихъ памятниковъ, киргизы прибавляютъ къ слову «оба» еще опредѣляемое «тассъ, кишкене, кизилъ, саръ, кара, коссъ» и т. д., образуя такимъ образомъ слѣдующія сложныя слова:

Тасъ-оба=каменный курганъ.
Кара-оба=черный курганъ.
Кызылъ-оба=красный курганъ.
Кишкене-оба,
Сары-оба,
Косъ оба и т. п.

Иногда еще, нарушая мусульманскій законъ, и безъ вѣдома своихъ муллъ, киргизы хоронятъ своихъ мертвецовъ на краю какого—нибудь кургана, и съ тѣхъ поръ этотъ послѣдній носитъ имя покойнаго. (См. рис. 6). Такимъ образомъ получаются названія:

Саидъ-оба
Темирбай-оба
Омаръ-оба,
Селимъ-оба и т. п.

Въ Сыръ-Дарьинской области они носятъ названіе «тюбе», тогда какъ въ Семипалатинской, особенно въ Зайсанскомъ уѣздѣ, эти самые курганы, по словамъ г. М. Никитина, называются «муйктенъ-уй». Въ сосѣднемъ же уѣздѣ, именно въ Устькаменогорскѣ, это слово служитъ

ou d'*ouba*. Cependant voulant préciser l'aspect, le matériel, la forme, la couleur de ces monuments, les Kirghizes ajoutent au mot oba les qualificatifs de tass, kichkénè, kizil, kara, sar, koss, etc, formant ainsi les composés suivants:

Tass-oba=tumulus de pierres
Kara-oba=tumulus noir
Kizil-oba=tumulus rouge,
Kichkénè-oba,
Sar-oba,
Koss-oba, etc...

Parfois encore, enfreignant la loi musulmane et à l'insu de leurs mullahs, les Kirghizes ensevelissent leurs morts sur les flancs même de quelque ancien tumulus et dès lors ce dernier prend le nom du défunt (v. fig. 6). On trouve ainsi le:

Saïd—oba
Temirbaï—oba
Omar—oba,
Sélim—oba, etc.

Dans la province du Syr-Daria ils portent le nom de *tubè* alors que dans celle de Semipalatinsk et plus particulièrement dans le district de Zaïssansk ces mêmes tumulus d'après, M. Nikitine sont appelés *muktenouy*. Dans le district voisin, celui d'Oustkamenogorsk, ce mot sert à dési-

для обозначенія развалинъ, а въ Тургайской области такъ называются гроты. Наконецъ въ Семирѣченской области, въ Вѣрненскомъ уѣздѣ, курганы часто называются «мукъ» или «мугъ» (см. по этому поводу предыдущія мои статьи въ трудахъ Оренбургской ученой архивной комиссіи. Вып. XIV, стр. 193 и вып. XXII стр. 241).

Существуетъ еще категорія кургановъ, которые не имѣютъ ничего общаго съ погребальными курганами и которые можно было бы назвать сторожевыми. Расположенные на извѣстномъ разстояніи, они, видимо, должны были служить указателями дороги, замѣняя съ успѣхомъ наши путевые столбы. Нѣкоторые другіе могли легко служить границей между двумя территоріями сосѣднихъ родовъ, волостей и уѣздовъ. Къ этой категоріи принадлежатъ еще памятные курганы, которые воздвигались въ воспоминаніе о какомъ—нибудь родственникѣ, другѣ или начальникѣ, умершемъ вдали отъ своей семьи, своего племени, или же въ честь какого—нибудь великаго событія. Для подтвержденія этого предположенія стоитъ только припомнить курганъ ог-

gner des ruines, et dans la province de Tourgaï,—des grottes. Enfin dans la province des Sept-Rivières (Semiriet-chensk) district de Vierny, les tumulus sont fréquemment appelés *muik* ou *moug* (v. à ce sujet mes précédents articles dans les (Travaux de la Com. scient. des Archives d'Orenbourg. T. XIV p. 193 et XXII p. 241).

Il existe encore une catégorie de tumulus qui n'ont rien de funéraire et qu'on pourrait appeler *indicateurs*. Disposés de distance en distance, ils devaient marquer les directions à suivre, remplaçant avantageusement les poteaux indicateurs de nos routes. Certains autres pouvaient fort bien limiter deux territoires entre tribus, cantons ou districts. A cette catégorie appartiennent encore les tumulus *commémoratifs* qu'on élevait en souvenir d'un parent, d'un ami ou d'un chef, mort loin de sa famille, de sa tribu, ou bien, en commémoration d'un grand événement. A l'appui de cette thèse il suffit de rappeler le tumulus aux dimensions grandioses élevé en 1820 aux environs de Cracovie en

ромныхъ размѣровъ, воздвигнутый въ 1820 году въ окрестностяхъ Кракова, въ честь польскаго патріота Костюшко.

Курганы безъ погребенія были найдены не только въ Россіи, но и въ различныхъ частяхъ свѣта.—Въ Европѣ, въ Балканахъ, Босніи, въ Моравіи, на берегахъ Дуная; въ Азіи, въ Индіи и въ Америкѣ*). Въ своемъ сочиненіи о «Древностяхъ андской мѣстности Аргентинской республики и пустынѣ Атакамы, Т. I, Парижъ, 1908». Г. Боманъ говоритъ о курганахъ долины Лярмы, которые расположены сотнями по одной линіи и не содержатъ никакого погребенія. Ихъ значеніе очень загадочно, говоритъ авторъ.

Внѣшняя форма кургановъ разнообразна до безконечности; однако въ киргизскихъ степяхъ можно встрѣтить до тридцати однородныхъ типовъ, описаніе которыхъ, одновременно съ наглядными изображеніемъ ихъ на рисункахъ найдутъ ниже.

Прежде всего идетъ курганъ куполообразной формы или

*] Въ Соединенныхъ штатахъ сѣверной Америки курганы носятъ названіе „*mounds*“, въ Мексикѣ ихъ называютъ „*mogote*“.

l'honneur du patriote polonais Kosciusko.

Des tumulus dépourvus de sépulture ont été trouvés non seulement en Russie mais dans les divers pays du monde: en Europe dans les Balkans, en Bosnie, en Moravie, sur les bords du Danube, en Asie, dans l'Inde et en Amérique*). Dans son ouvrage sur les (Antiquités de la région andine, T. I. Paris 1908) M. Boman parle des tumulus de la vallée de Larma lesquels, disposés par centaines sur une même ligne ne contiennent aucune sépulture. Leur signification dit l'auteur, est très énigmatique.

La forme extérieure du tumulus varie à l'infini, cependant pour les steppes kirghizes, on peut la ramener à une trentaine de types dont on trouvera ci-dessous la description en même temps qu'un aperçu visuel dans les dessins.

Tout d'abord le tumulus, forme coupole ou plutôt, forme soucoupe

*) Dans les Etats-Unis de l'Amérique du nord les tumulus portent le nom de „mounds“; au Mexique on les appelle „mogotes“.

скорѣе формы опрокинутаго блюдечка, типа наиболѣе распространеннаго между курганами степей (рис. 1). На одной изъ сторонъ, иногда въ серединѣ его, киргизы вырываютъ свои могилы, надъ которыми они воздвигаютъ часто надгробный памятникъ. Въ Зайсанскомъ уѣздѣ, Семипалатинской области, этотъ памятникъ носитъ названіе «мулушка». Родъ этого памятника съ могилой кочевника Актюбинскаго уѣзда изображенъ здѣсь на табл. I рис. 6. Другой, заканчивающійся мулушкой, который былъ встрѣченъ мною во время путешествія по берегамъ Арыса въ Чимкентскомъ уѣздѣ, Сыръ-Дарьинской области, изображенъ на табл. V рис. 34.

Менѣе распространенъ типъ 2-й, встрѣченный въ Каркаралинскомъ уѣздѣ, Семипалатинской области. Его форма напоминаетъ кибитку кочевника.

Курганъ, куполообразной формы, весь сдѣланный изъ земли и законченный одной или нѣсколькими статуями—бабами встрѣчается часто въ Семирѣченской области (рис. 3).

renversée, de tous le plus répandu (fig. 1). Sur l'un des côtés, parfois en son milieu, les Kirghizes y creusent leurs tombes au-dessus desquelles ils élèvent souvent un monument funéraire. Dans le district de Zaïssansk, province de Sémipalatinsk, ce monument porte le nom de *moulouchka*. Un tumulus de ce genre avec tombe de nomade du district d'Aktioubinsk est représenté ici à la planche I fig. 6. Un autre surmonté d'une moulouchka rencontré durant mon voyage sur les bords de l'Arys dans le district de Tchimkent, province du Syr-Daria est représenté à la planche V fig. 34.

Moins répandu est le type № 2 signalé dans le district de Karkaralinsk, prov. de Semipalatinsk. Sa forme, dans son ensemble, rappelle une tente de nomade.

Le tumulus, forme coupole, entièrement fait de terre et surmonté d'une ou de plusieurs statues-babas se rencontre fréquemment dans la province des Sept-Rivières. (fig. 3).

Иногда эти «бабы» замѣняются простымъ надгробнымъ камнемъ, не носящимъ никакого слѣда надписи и который извѣстенъ у киргизъ подъ именемъ: «кульпъ-тассъ» (рис. 4).

Но курганъ можетъ имѣть неправильную форму; нѣкоторые, сдѣланные также изъ земли, имѣютъ продолговатую форму, какъ таковой въ окрестностяхъ Бурлинскаго Базара, въ Уральской области, который изображенъ на рис. 5 съ фотографіи г. Хворостанскаго. Этотъ курганъ необыкновенныхъ размѣровъ называется киргизами: «Тинъ-Кара-Оба».

Очень часто въ верхней части кургана продѣлываютъ углубленіе, напоминающее воронку, въ которой иногда находятъ одну или нѣсколько бабъ (см. рис. 7—8). Этотъ родъ надгробнаго памятника очень распространенъ въ степяхъ.

По скатамъ кургана часто выкладываютъ одинъ или нѣсколько рядовъ камней, вѣроятно съ цѣлью укрѣпить землю, которая прикрываетъ погребеніе. Этотъ родъ надгробнаго памятника, изображенный на табл. II рис. 9, 10, 11, довольно рас-

Parfois les statues-babas sont remplacées par une simple stèle ne portant aucune trace d'inscription que les Kirghizes désignent sous le nom de *koulp-tass* (fig. 4).

Mais le tumulus peut avoir une forme irrégulière; certains, également faits de terre, ont une forme allongée tel celui des environs de Bourlinski-Bazar, province d'Ouralsk que représente la fig. 5, d'après une photographie de M. Kvorostanski. Ce tumulus de dimensions anormales est appelé par les Kirghizes *Tine* ou *Dine-Kara-Oba*.

Très souvent, dans la partie supérieure du tumulus on a pratiqué un enfoncement rappelant un entonnoir dans lequel on trouve parfois une ou plusieurs statues-babas. (v. fig 7—8). Ce genre de monument funéraire est très répandu dans les steppes.

Sur les côtés du tumulus on a parfois disposé un ou plusieurs rangs de pierres dans le but, très certainement de fixer la terre qui recouvre la sépulture. Ce genre de monument funéraire représenté ici à la planche II, fig. 9—10—11, est assez répandu

пространенъ въ степяхъ. Типъ 11, выложенный рядомъ камней у основанія, тотъ, который наиболѣе часто встрѣчается.

Типъ кургана, изображенный рисункомъ 12, встрѣчается въ Кустанайскомъ уѣздѣ, Тургайской области, сѣверный склонъ котораго, болѣе отвѣсный, былъ укрѣпленъ большими камнями.

Бѣлый цвѣтъ камней, покрывающихъ курганъ, имѣетъ огромное значеніе въ глазахъ киргизъ, которые видятъ въ немъ указаніе на богатства, спрятанныя внутри его. Этотъ родъ кургановъ, которые носятъ имя «бай-оба» встрѣчается въ Тургайской области въ Актюбинскомъ и Кустанайскомъ уѣздахъ и даже въ Семипалатинской области, однако въ довольно незначительномъ количествѣ (см. рис. 13).

Курганы, покрыты одинаково бѣлыми, розовыми и черными камнями, принесенными иногда изъ очень далека, были замѣчены въ различныхъ мѣстахъ киргизской степи и особенно въ Тургайской и Уральской областяхъ.

Нѣкоторые курганы, куполообразной формы, укрѣплены нѣсколькими рядами камней,

dans les steppes. Le type 11 renforcé à sa base d'un rang de pierres est celui qu'on rencontre le plus fréquemment.

Le type de tumulus représenté par la fig. 12 se rencontre dans le district de Koustanaï, province de Tourgaï; le côté nord plus abrupt a été fixé par de grosses pierres.

La couleur blanche des pierres recouvrant le tumulus est d'une grande importance aux yeux des Kirghizes qui voient en elle l'indice de richesses cachées à l'intérieur. Ce genre de tumulus qui porte le nom de *baï-oba* se rencontre dans la province de Tourgaï districts d' Aktioubinsk et de Koustanaï et dans celle de Semipalatinsk, toutefois en assez petit nombre. (v. fig. 13).

Des tumulus recouverts de pierres uniformément blanches, roses ou noires apportées parfois de fort loin ont été signalés en différents endroits de la steppe kirghize et plus particulièrement dans les provinces de Tourgaï et d'Ouralsk.

Certains tumulus, forme coupole, renforcés de plusieurs rangs de pierres sont parfo surmontés d'une ou

иногда заканчиваются одной или нѣсколькими бабами, какъ это изображаетъ рис. 14. Этотъ типъ кургана былъ встрѣченъ въ Павловскомъ уѣздѣ, Семипалатинской области.

Подобный уже родъ кургановъ съ куполомъ, укрѣпленный по бокамъ нѣсколькими рядами камней, встрѣчается въ Актюбинскомъ уѣздѣ, Тургайской области, но статуя-баба, замѣнена здѣсь стелой, на которой былъ выгравированъ какой нибудь знакъ, тамга рода или лица, которое погребено внутри его (рис. 15) см. отчетъ моихъ раскопокъ, въ Актюбинскомъ уѣздѣ стр. 101—116, появившійся въ Трудахъ Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи Т. XIX—1907 г. Курганы подобнаго вида встрѣчаются на Кавказѣ и въ Индіи (сравнить съ рисунками г. Сизова въ «матеріалы для археологіи Кавказа» Т. II 1889).

Но вотъ у основанія куполообразнаго кургана сдѣланъ ровъ (рис. 16). На одной изъ сторонъ былъ оставленъ проходъ. Этотъ видъ надгробнаго памятника обыкновенно огромныхъ размѣровъ очень распространенъ въ степяхъ.

de plusieurs statues-babas comme le représente la fig. 14. Ce type de tumulus a été signalé dans le district de Pavlodar, province de Semipalatinsk.

Ce même genre de tumulus à coupole renforcé sur les côtés de plusieurs rangs de pierres se rencontre dans le district d'Aktioubinsk, province de Tourgaï mais la statue est remplacée par une stèle sur laquelle a été gravé un signe quelconque, le sceau de la tribu ou du personnage que recouvre la sépulture (fig. 15).— v. Compte-rendu de mes fouilles dans le district d'Aktioubinsk p. 101—116 paru dans le Bull. de la société scient. des Archives d'Orenbourg T. XIX—1907. Des tumulus de ce genre se rencontrent au Caucase et dans l'Inde (Comparer av. dessins de M. Sizoff dans „Matériaux pour l'archéologie du Caucase T. II 1889).

Mais voici qu'à la base du tumulus à coupole un fossé a été pratiqué (fig. 16). Sur l'un des côtés un passage a été ménagé. Ce genre de monument funéraire, généralement de grandes dimensions, est fort répandu dans les steppes.

Къ этой категоріи кургановъ можно присоединить тѣ, которые изображены на таблицѣ III рис. 17—18. Оба окружены рвомъ у основанія и укрѣплены земляной оградой. Верхняя часть имѣетъ иногда форму воронки, въ глубинѣ которой растутъ кустарники или деревца.

Курганъ, изображенный на рис. 19, заслуживаетъ совершенно отдѣльнаго описанія. Этотъ памятникъ дѣлается изъ кучи камней и встрѣчается понемногу по всей степи и очень распространенъ во всѣхъ частяхъ свѣта. Что его особенно характеризуетъ, это то, что вообще онъ сооружается на возвышенныхъ точкахъ степи, чаще всего на вершинѣ холмовъ или горъ. Киргизы не дѣлаютъ никакого различія между этимъ памятникомъ и вышеупомянутыми курганами, однако въ Вѣрненскомъ уѣздѣ, въ Семирѣченской области имъ даютъ названіе «санъ» или «юганъ-гашъ».

Въ своихъ путевыхъ запискахъ г. фонъ-Гернъ указываетъ на подобные памятники, на р. Чу, на границѣ Сыръ-Дарьинской и Акмолинской областей, которые онъ приписываетъ монгольскому населенію. Извѣстно,

A cette catégorie de tumulus on peut rattacher ceux que nous avons représenté à la planche III fig 17-18. Tous deux sont entourés d'un fossé à leur base et renforcés d'une enceinte de terre. La partie supérieure a parfois la forme d'un entonnoir au fond duquel croissent des fourrés ou des arbustes.

Le tumulus représenté par la fig. 19 mérite une description toute particulière. Ce monument fait d'un amas de pierres qu'on rencontre un peu partout dans les steppes est très répandu de par le monde. Ce qui le caractérise c'est qu'en général il a été édifié sur les points élevés de la steppe, le plus souvent au sommet des collines ou des montagnes. Les Kirghizes ne font aucune distinction entre ce monument et les tumulus précités, cependant dans le district de Vierny, province des Sept-Rivières, on leur donne le nom de *san* ou *iougan-tach*).

Dans ses notes de voyage sur le Tchou, à la limite des provinces du Syr-Daria et d'Akmolinsk, M. von Hern signale des monuments semblables qu'il attribue à une population mongole. On sait, dit-il, que les

говоритъ онъ, что монголы имѣютъ привычку нагромождать кучу камней, называемую «обо», горному духу въ благодарность за благополучный переходъ черезъ ущелье, гору и т. п. И такъ, «обо» не есть только надгробный памятникъ, но еще болѣе священный памятникъ, посвященный человѣкомъ генію горъ. Прежвальскій, Гюкъ и нѣкоторые другіе изслѣдователи говорятъ объ нихъ въ своихъ путевыхъ замѣткахъ.

«Обо» монголовъ встрѣчается еще въ Алжирѣ подъ именемъ «нза». Онъ образованъ изъ кучи булыжника, къ которой каждый вѣрный прибавляетъ обыкновенно свою лепту-камень. Эти святилища, которыя сплошь усѣиваютъ сѣверную Африку, очень многочисленны въ Сахарѣ, гдѣ отсутствіе матеріаловъ съ трудомъ позволяетъ воздзигать постройки на могилахъ «марабу» (святыхъ). «Нза» служатъ, то для указанія мѣста, гдѣ умеръ марабу, то чаще всего для того, чтобы увѣковѣчить воспоминаніе о какомъ—нибудь чудѣ, совершившемся на этомъ мѣстѣ (см. трудъ г. Е. Дутте «Алжирскій Исламъ въ 1900 году».

Mongols ont coutume d'élever un tas de pierres appelé *obo* à l'Esprit des montagnes, en reconnaissance de l'heureuse traversée d'un défilé, d'une montagne etc. Ainsi l'obo n'est pas seulement un monument funéraire mais encore, et par dessus tout, un monument sacré, dédié par l'homme au Génie des montagnes. Prjévalsk, Huc et quelques autres explorateurs en parlent dans leurs notes de voyage.

L' obo des Mongols se retrouve encore en Algérie sous le nom de *nzâ*. Il est formé d'un amas de cailloux auquel chaque fidèle ajoute généralement sa pierre. Ces sanctuaires qui constellent toute l' Afrique du Nord sont très nombreux dans le Sahara où l'absence de matériaux permet difficilement d'élever des constructions sur les tombes des marabouts. Les nzâ servent soit à indiquer l'endroit où un marabout est mort, soit le plus souvent, à perpétuer le souvenir d'un miracle accompli en cet endroit (V. l'ouvrage de M. Doutté „L'Islam algérien en l'an 1900)"

По словамъ г. Трюмеле*) слово «нза» обозначаетъ спеціально то мѣсто, гдѣ было совершено убійство и этотъ авторъ приписываетъ этому слову смыслъ агоніи, вопля. Въ Марокко мѣста, гдѣ человѣкъ умеръ въ поляхъ называются «мензе» или «мешедъ». Въ большей части мѣстностей Магрибъ кучи камней «реджемъ» или «керкуръ», какъ ихъ называютъ арабы, по словамъ г. Дутте употребляются во многихъ другихъ случаяхъ.

Часто находятъ «керкуръ», говоритъ этотъ авторъ, въ горныхъ перевалахъ даже сравнительно высокихъ. Въ большей части «керкуръ» воздвигнутъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ на дорогѣ видѣли въ первый разъ знаменитаго марабу (могила святого). Напримѣръ, по дорогѣ отъ Казабланки до Азаммура въ Марокко, въ томъ мѣстѣ, откуда открывается въ первый разъ видъ на бѣлющій городъ Азаммуръ и далѣе на «зауйю» (монастырь, святыня) Мулеи Бу Шаибъ, находится «керкуръ».

*) Трюмела. Французы въ пустынѣ. 2-ое изд. 1885.

**) Эдмундъ Дутте. Мусульманское общество Магриба, Магія и религія въ сѣверной Африкѣ, стр. 420—435, Алжиръ 1909.

Au dire de M. Trumelet*) le mot *nzâ* désigne spécialement l'endroit où un assassinat a été commis et cet auteur donne à ce mot le sens d'agonie, de plainte. Au Maroc les emplacements où un homme est mort dans les champs sont appelés *menzeh* ou *meched*. Dans la plupart des régions du Maghrib, les tas de pierres, les *redjem* ou *kerkoûr*, comme on les appelle en arabe sont, au dire de M. Doutté, usités en mainte autre circonstance**).

On trouve souvent un kerkoûr, dit cet auteur dans les cols des montagnes, même élevés.... Dans un grand nombre de cas le kerkoûr est édifié à l'endroit où, sur une route, on voit pour la première fois un marabout célèbre... Par exemple, sur la route de Casablanca à Azemmoûr, au Maroc, à l'endroit d'où l'on découvre pour la première fois les blancheurs de la ville d'Azemmoûr et par conséquent la zaouïa de Moûlaye Bou Cha'îb se trouve un kerkoûr.

*) Trumelet. Français dans le désert 2-e éd. 1885.

**) Edmond Doutté. La société musulmane du Maghrib. Magie et Religion dans l'Afrique du Nord p. 420—435—Alger 1909.

Иногда около керкура строятъ вдоль дороги маленькія пирамиды изъ камней, образующія прямую линію, какъ напр., въ окрестностяхъ Могадора въ Марокко. Дороги ими иногда такъ усѣяны, что можно двигаться впередъ съ большими предосторожностями изъ боязни опрокинуть одну изъ этихъ кучъ, что было бы гибельно для неосторожнаго. Керкуръ воздвигается обыкновенно по сосѣдству или на самой могилѣ святого, однако не всегда необходимо, чтобы святой былъ похороненъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ выстроенъ керкуръ. Вблизи Мерракеша въ Марокко виднѣется керкуръ посвященный великому святому, останки котораго покоятся очень далеко въ Гербѣ, недалеко отъ Мекинеса.

Впрочемъ не всѣ кучи камней, которыя встрѣчаются въ Сѣверной Африкѣ, священнаго происхожденія. Многочисленны «реджемъ» или «джидаръ», которые въ Сахарѣ служатъ только для указанія дороги. Другіе воздвигаются въ память какого нибудь важнаго событія. Въ Марокко, напр., воздвигаютъ часто кучи камней въ мѣстахъ, гдѣ проѣзжалъ султанъ. Въ

Quelquefois, à côté du kerkoûr, on construit le long de la route de petites pyramides de pierres formant des alignements comme dans les environs de Mogador au Maroc. Les chemins en sont parfois tellement parsemés que l'on n'avance qu'avec précaution par crainte de renverser l'un de ces tas ce qui serait funeste à l'imprudent. Le kerkoûr est généralement élevé dans le voisinage ou sur la tombe même d'un saint, cependant point n'est toujours besoin que le saint soit enterré à l'endroit où a été construit le kerkoûr. Tout près de Marrâkech au Maroc, l'on voit un kerkoûr consacré à un grand saint dont la dépouille repose bien loin de là dans le Gherb, non loin de Méquinez,

Cependant tous les tas de pierres que l'on trouve dans l'Afrique du Nord ne sont toujours pas de nature sacrée. Nombreux sont les *redjem* ou *djidâr* qui dans le Sahara servent à indiquer la route. D'autres commémorent simplement un événement important. Au Maroc par exemple on élève souvent un tas de pierres aux endroits où a passé le sultan. Dans

Оранской провинціи, говоритъ намъ г. Дутте, обозначаютъ подъ именемъ «x'dâda», кучу камней, лежащую на границѣ нѣсколькихъ племенъ, надъ которой собираются приносить присягу во имя мѣстнаго марабу, чтобы свести неразрѣшенные счеты; однако, добавляетъ авторъ, эти кучи отличаются отъ предыдущихъ тѣмъ, что нѣтъ обычая оставлять на ней камень.

Подобные обряды были замѣчены или указаны въ странахъ самыхъ разнообразныхъ свѣта, Мергамы евреевъ, какъ предполагается, были священныя кучи камней. Греки воздвигали нѣкогда подобныя кучи на перекресткахъ дорогъ, гдѣ находились изображенія Гермеса. Въ Испаніи древніе кантабры воздвигали своимъ мертвымъ памятники, имѣвшіе видъ кучи камней. Въ наши дни еще подобные обычаи продолжаютъ практиковаться у цивилизованныхъ народовъ, однако точный смыслъ ихъ неизвѣстенъ.

Въ Америкѣ обычай воздвигать кучи камней въ посвящае-

la province d'Oran nous dit M. Ed Doutté, on désigne sous le nom de *h'dâda* un tas de pierres situé à la limite de plusieurs tribus sur lequel on vient prêter serment au nom du marabout de la région pour régler les litiges pendants. Cependant, ajoute l'auteur, ces tas diffèrent des précédents par ce fait qu'il n'est pas d'usage d'y laisser une pierre.

Des rites semblables ont été signalés ou observés dans les pays les plus divers du monde entier. Les *margama* des Hébreux semblent avoir été des tas de pierres sacrés. Les Grecs élevaient autrefois de pareils tas aux carrefours des routes où se trouvaient des images d'Hermès. En Espagne, les anciens Cantabres élevaient à leurs morts des monuments ayant l'aspect de tas de pierres. De nos jours encore des usages semblables continuent à être pratiqués chez des peuples civilisés sans toutefois en connaître exactement le sens.

En Amérique l'usage d'élever des tas de pierres en des lieux consacrés est

мыхъ кому нибудь мѣстахъ очень распространенъ въ нѣкоторыхъ ся частяхъ. Вотъ впрочемъ краткое описаніе памятника рода «обо», рис. 19—20, на которомъ надо остановить вниманіе не потому чтобы приписать этимъ памятникамъ какую нибудь родственную связь съ памятниками другихъ странъ, но чтобы показать какъ велика связь идей между различными народами свѣта. Эта общность мыслей, на которую я намекалъ въ моемъ очеркѣ о «бабахъ» Россіи въ ихъ связи съ первобытными изваяніями другихъ странъ земного шара*), встрѣчается здѣсь ярче, чѣмъ гдѣ либо. Пусть же мнѣ будетъ позволено настаивать на этомъ фактѣ, и подчеркнуть его при случаѣ. Такимъ образомъ, г. Боманъ, говоря о нѣкоторыхъ обѣтныхъ сооруженіяхъ, которыя можно встрѣтить на высотахъ, окружающихъ индійскія деревни гористыхъ мѣстностей Пуны Атакамы, ихъ называетъ «апачета». Апачета—это алтарь Пачамамы, который встрѣчается повсюду въ андской мѣстности Аргентинской Республики и на высокомъ плоскогоріи Боливіи.

*) См. мой трудъ „Древности киргизской степи и Оренбургскаго Края".

très répandu dans certaines de ses parties. Qu'on en juge par la courte description qu'en donne M. Boman et sur laquelle nous attirons l'attention du lecteur, non pour attribuer à ces monuments un lien de parenté quelconque avec ceux des autres pays mais pour montrer combien est grande l'affiliation des idées entre les différents peuples du monde. Cette communauté d'idées à laquelle je faisais allusion dans mon étude sur les babas de Russie dans leurs rapports avec les sculptures primitives des autres pays du globe*) se retrouve ici plus vivace que jamais. Qu'il me soit donc permis d'insister sur ce fait et de le souligner en toute occasion. Ainsi donc, M. Boman parlant de certains monticules votifs qu'on rencontre sur les hauteurs entourant les villages indiens des districts montagneux de la Puna de Atacama les désigne sous le nom de *apachetas*. L'apacheta est l'autel de Pachamama que l'on trouve partout

*) V. mon ouvrage „Antiquités des steppes kirghizes et du pays d'Orenbourg".

Предпринимая путешествіе индійскій путникъ долженъ сюда зайти, чтобы положить свое приношеніе, чаще всего большой камень, за которымъ онъ спустится вглубь сосѣдняго оврага и принесетъ до «апачеты», чтобы присоединить его къ тѣмъ, которые приносились его предками впродолженіи нѣсколькихъ вѣковъ*).

Изъ всего вышеизложеннаго можно вывести, что куча камней, за которой мы сохранимъ монгольское названіе «обо» какъ наиболѣе распространенное здѣсь, можетъ быть воздвигнута не только съ религіозною цѣлью, но можетъ еще служить памятнымъ сооруженіемъ въ воспоминаніе о какомъ нибудь событіи. По объясненію г. Аниховскаго «обо» Джаугашты и Шортанды въ Кустанайскомъ уѣздѣ Тургайской области напоминаютъ, одинъ—побѣду киргизъ надъ калмыками, другой—пребываніе одного почитаемаго богомольца по имени Ксюпъ.

*) Боманъ. Древности Андской мѣстности Аргентинской республики и пустыни Атакамы. Т. I. Парижъ 1908.

dans la région andine de la république Argentine et sur le haut plateau bolivien. Durant son voyage le pieux Indien doit venir y déposer son offrande, le plus souvent une grosse pierre qu'il va chercher au fond du ravin voisin et qu'il porte jusqu'à l'apacheta pour la joindre à toutes celles que les ancêtres y ont amenées depuis des siècles*).

Par ce que nous venons de voir le tas de pierres auquel nous conservons le nom mongol *obo* peut avoir été élevé non seulement dans un but religieux mais encore pour servir de monument commémoratif en souvenir d'un événement important. D'après M. Anikhovski l'obo de Djaougachti et celui de Chortandi dans le district de Koustanaï, province de Tourgaï, rappelleraient: l'un, une victoire des Kirghizes sur les Kalmouks, l'autre, le séjour d'un pélerin vénéré nommé Kciup.

*) Boman. Antiquités de la région andine de la république Argentine et du désert d'Atacama T. I. Paris 1908.

Этотъ типъ кургановъ, сдѣланныхъ изъ кучи камней, разнится иногда только углубленіемъ въ его верхней части см. рис. 20. Нѣкоторые другіе заканчиваются однимъ или нѣсколькими монолитами безъ всякихъ признаковъ надписи, какъ тотъ, который изображенъ на рисункѣ 21, по рисунку г. Фетиссова. Это родъ памятниковъ былъ открытъ на сѣверъ отъ Иссыкъ-Куля, въ Токмакскомъ уѣздѣ Семирѣченской области. Эти монолиты чаще всего замѣняются одной или нѣсколькими статуями-бабами. (см. рис. 23—24), иногда еще простыми булыжниками, грубо обработанными, округленная форма которыхъ напоминаетъ человѣческую голову. Мнѣ пришлось встрѣтить памятникъ въ этомъ родѣ въ Актюбинской степи рис. 22. Раскопки этого кургана повели за собою открытіе погребенія и скромнаго погребальнаго инвентаря.

Къ курганамъ, только что описаннымъ, можно присоединить категорію памятниковъ съ насыпью или безъ оной, большею частью съ оградой, которая изображена здѣсь на таблицѣ

Ce type de tumulus fait d'un amas de pierres diffère parfois par un enfoncement dans la partie supérieure fig. 20. Certains autres sont surmontés d'un ou de plusieurs monolithes sans traces d'inscriptions comme celui que nous reproduisons à la fig. 21 d'après un dessin de M. Fétissoff. Ce genre de monuments fut découvert au nord du lac Issyk-Koul, dans le district de Tokmak, province des Sept-Rivières. Ces monolithes sont le plus souvent remplacés par une ou plusieurs statues-babas (v. fig. 23—24), parfois encore par de simples cailloux grossièrement travaillés dont la forme arrondie rappelle une tête humaine. Je rencontrai un monument de ce genre dans la steppe d'Aktioubinsk fig. 22. Les fouilles de ce tumulus amenèrent la découverte d'une sépulture et d'un modeste mobilier funéraire.

Aux tumulus que nous venons de décrire il convient de rattacher une catégorie de monuments avec ou sans tertre, la plupart à enceinte que nous représentons ici à la planche IV. L'un

IV. Одинъ изъ нихъ, окруженный каменной оградой (см. рис. 31) былъ замѣченъ въ Зайсанскомъ уѣздѣ въ Семипалатинской области. Эти курганы обыкновенно большихъ размѣровъ встрѣчаются часто въ Монголіи. Такой же типъ кургановъ съ оградой, образованной иногда изъ нѣсколькихъ рядовъ камней, былъ встрѣченъ въ Ауліеатинскомъ уѣздѣ, Сыръ-Дарьинской области. Въ каждой сторонѣ ограды были оставлены проходы для входа въ четыреугольникъ.

Курганы съ оградой встрѣчаются равнымъ образомъ и въ Актюбинскомъ уѣздѣ. Тѣ, которые мнѣ удалось видѣть въ Бистамакской волости, были сдѣланы изъ земли и покрыты разноцвѣтными камнями. Они были расположены среди большихъ оградъ изъ камней, иногда ближе къ одной изъ сторонъ, но всегда на самый высшей точкѣ. Ограда въ свою очередь заключала серію маленькихъ оградъ среди которыхъ были замѣтны слѣды погребенія (рис. 32).

Меньшихъ размѣровъ передъ нами является могила съ ограd'eux entouré d'une enceinte de pierres fig. 31, a été signalé dans le district de Zaïssansk, province de Sémipalatinsk. Ces tumulus, généralement de grandes dimensions se rencontrent fréquemment en Mongolie. Ce même type de tumulus à enceinte formée parfois de plusieurs rangs de pierres a été signalé dans le district d'Aouliéata prov. du Syr-Daria. Sur chacun des côtés de l'enceinte des passages ont été réservés.

Des tumulus à enceinte se rencontrent également dans le district d'Aktioubinsk. Ceux qu'il me fut donné de voir dans le volost de Bistamak étaient faits de terre etrecouverts de pierres de couleur. Ils étaient situés au milieu de grands cercles de pierres, parfois sur l'un des côtés mais toujours au point le plus élevé. L'enceinte à son tour comprenait une série de petits cercles dans lesquels on remarquait des traces de sépulture (fig. 32).

De moindres dimensions nous apparaît la tombe à enceinte du dis

дой Каркаралинскаго уѣзда, Семипалатинской области, изображенная на рис. 25. Ограда состоитъ изъ десятка двухъ монолитовъ, высотою отъ одного метра до полутора метровъ. Такой же типъ могилы съ оградой встрѣтился г. Фетиссову на сѣверъ отъ Иссыкъ—Куля въ Токмакскомъ уѣздѣ, Семирѣченской области. Могила, прикрытая маленькими камнями, какъ это изображаетъ рис. 25, окружена оградой также изъ камней.

Иногда могила, совершенно лишенная насыпи, но все таки окруженная оградой, снабжена въ срединѣ камнемъ безъ всякихъ слѣдовъ надписи, который видимо замѣняетъ стелу. Этотъ типъ могилы съ оградой (рис. 27) довольно распространенъ въ киргизскихъ степяхъ. Одна изъ нихъ, разрытая въ Актюбинскомъ уѣздѣ, доставила мнѣ типъ глиняной посуды очень древній.

Изъ всѣхъ могилъ съ оградой одна изъ самыхъ интересныхъ это та, которая изображена на рис. 29. Этотъ типъ мо-

trict de Karkaralinsk province de Semipalatinsk représentée par la fig. 25. L'enceinte est formée d'une vingtaine de monolithes d'une hauteur d'environ 1 mètre 50. Ce même type de tombe à enceinte a été rencontré par M. Fétissoff au nord de l'Issyk-Koul dans le district de Tokmak, province des Sept-Rivières. La tombe, recouverte de petites pierres comme le représente notre fig. 26 est entourée d'une enceinte également de pierres.

Parfois la tombe entièrement dépourvue de tertre mais toujours entourée d'une enceinte porte en son milieu une pierre sans trace d'inscription laquelle, vraisemblablement tient lieu de stèle. Ce type de tombe à enceinte (fig. 27) est assez répandu dans les steppes kirghizes, L'une d'elles fouillée dans le district d'Aktioubinsk me révéla un genre de poterie très ancienne.

De toutes les tombes à enceinte l'une des plus intéressantes est celle que nous représentons à la fig. 29.

тилы встрѣченный г. Никитинымъ, расположенъ на берегахъ рѣки Джолоначъ, Каркаралинскаго уѣзда, Семипалатинской области. Камни ограды такимъ образомъ сложены, что образуютъ форму лодки, поперекъ ограды видны два продолговатыхъ камня, которые напоминаютъ двѣ скамьи. Этотъ видъ ограды встрѣтился въ первый разъ въ киргизскихъ степяхъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что присутствіе ихъ было констатировано только въ Балтійскомъ краѣ. Но подобные памятники встрѣчаютея въ сѣверной Германіи и особенно въ Швеціи. Могилы съ оградой въ Россіи (Лифляндіи, Курляндіи и Эстляндіи) по словамъ г. Гревинга, появляются въ первые вѣка нашей эры и обязаны своимъ существованіемъ готамъ. Болѣе недавнія принадлежатъ будтобы викингамъ.

Могилы, изображенныя на рис. 28 и 30, образуютъ новую группу, онѣ лишены ограды и украшаются только надгробной стелой, поставленной то посреди могилы, какъ напримѣръ въ

Ce type de tombe signalé par M. V. Nikitine est situé sur les bord du Djolonatch, district de Karkaralinsk, prov. de Semipalatinsk. Les pierres de l'enceinte sont disposées de façon à former une barque; en travers de l'enceinte on aperçoit deux pierres longitudinales rappelant deux bancs. Ce genre d'enceintes est signalé pour la première fois dans les steppes kirghizes. Leur présence n'a été guère constatée en Russie que dans les provinces Baltiques. Mais des monuments semblables se rencontrent dans l'Allemagne du Nord et plus particulièrement en Suède. Les tombes à enceinte de Russie, (Livonie, Courlande, Esthonie) dateraient des premiers siècles de notre ère et seraient d'après M. Greving l'œuvre des Goths. Les plus récentes appartiendraient aux Vickings.

Les tombes représentées par les fig. 28 et 30 forment un nouveau groupe; elles sont dépourvues d'enceinte et ne possèdent qu'une stèle funéraire placée tantôt au milieu de

Кустанайскомъ уѣздѣ, Тургайской области, то на нѣкоторомъ разстояніи отъ этой послѣдней (Семипалатинская область). Въ такомъ случаѣ стела принимаетъ размѣры монолита, высота котораго превосходитъ человѣка.

Кромѣ тѣхъ типовъ кургановъ, съ которыми намъ только что пришлось познакомиться, существуютъ еще и другіе, краткимъ перечисленіемъ которыхъ намъ придется довольствоваться. Такъ г. Остроумовъ говоритъ о раскопкахъ кургана, формой «усѣченнаго конуса», высотою въ 8 саженъ. Этотъ курганъ, находящійся въ Чимкентскомъ уѣздѣ, Сыръ-Дарьинской области, носилъ названіе Жуанъ Типя или Таякъ-Салды. Онъ былъ окруженъ двумя искусственными валами и тремя рвами. Съ своей стороны инженеръ Козыревъ, говоря о курганахъ Акмолинскаго уѣзда, области того же имени, сообщаетъ что большая ихъ часть покрыта камнями. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ форму усѣченнаго конуса, другіе квадратной или пирамидальной формы. Наконецъ въ Уральской области, между Ураломъ, Утвой и

la tombe (district de Koustanaï, prov de Tourgaï), tantôt à quelque distance de cette dernière (prov. de Semipalatinsk). Dans ce cas, la stèle prend les proportions d'un monolithe dont la hauteur surpasse celle de l'homme.

Outre les types de tumulus que nous venons de citer il en est encore d'autres dont nous nous contenterons de donner une succinte énumération. C'est ainsi que M. N. Ostroumoff parle des fouilles d'un tumulus en forme de *cone tronqué* d'une hauteur de 9 sajènes. Ce tumulus situé dans le district de Tchimkent province du Syr-Daria portait le nom de *Souan-Tipia* ou de *Taïak-Saldi*. Il était entouré de deux enceintes de terre et de trois fossés. De son côté l'ingénieur A. Kozyreff parlant des tumulus du district d'Akmolinsk, province de même nom, dit que la plupart d'entre eux sont recouverts de pierres. Quelques-uns ont la forme de *cones tronqués*, d'autres sont de forme *carrée* ou *pyramidale*. Enfin

ея притокомъ Кара-Оба-Сай г.г. Ларіоновъ и Соколовъ замѣтили курганы скирдообразной формы. Такой же типъ встрѣчается въ Семипалатинской области.

Ограничиваясь описаніемъ главнѣйшихъ типовъ кургановъ внѣшняя форма которыхъ тѣмъ болѣе ихъ внутреннее устройство не могутъ пока служить исключительно для ихъ этнической классификаціи, въ тоже время нельзя обойти молчаніемъ нѣкоторые способы погребенія въ нихъ. Извѣстно, что у одного народа въ одно и тоже время могутъ быть различные способы погребенія. Такъ у монголовъ погребеніе совершается шестью до семью способами: трупосожженіе, зарываніе въ могилы, выбрасываніе на съѣденіе звѣрямъ, подвѣшиваніе на дерево, опусканіе въ колодецъ, въ воду и т. д. (см. мою статью «Погребальные обряды у калмыковъ и у ламаитовъ вообще» въ Трудахъ Оренб. Уч. Арх. Ком. за 1905 г. вып. XIV). См. также докладъ В. З. Завитневича о классификаціи кургановъ по типамъ въ Трудахъ

dans la province d'Ouralsk, entre l'Outva et son affluent le Kara-Oba-Say M. M. Larionoff et Sokoloff remarquèrent des tumulus en forme de meules de foin. Ce même type se rencontre dans la prov. de Semipalatinsk.

La forme extérieure des tumulus pas plus que leur disposition intérieure ne sauraient servir exclusivement de base à leur classification ethnique. On sait en effet qu'un seul et même peuple a eu parfois et dans le même temps plusieurs modes de sépulture: chez les Mongols nous trouvons de six à sept modes de sépulture. Le corps est tantôt incinéré, tantôt enseveli dans un tombeau, jeté en pâture aux animaux sauvages, suspendu à un arbre, descendu dans un puits, plongé dans l'eau etc. (V. mon article sur les cérémonies funèbres des Kalmouks et des Lamaïtes en général dans „Travaux de la Com. scient. des Archives d'Orenbourg T. XIV 1905). Consulter également les Tr. du VIII congrès arch. de Moscou

VIII археологическаго съѣзда въ Москвѣ и докладъ Д. Н. Анучина въ этомъ же трудѣ.

Точно также одинъ и тотъ же способъ погребенія можетъ существовать у различныхъ народовъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго, и въ разныя эпохи. Съ другой стороны слишкомъ рѣдкія археологическія раскопки, произведенныя въ киргизскихъ степяхъ, еще не позволяютъ высказаться о всѣхъ различныхъ способахъ погребеній, какіе здѣсь встрѣчаются, но все же извѣстно, что курганный народъ, который создалъ такое разнообразіе въ типахъ кургановъ, питалъ безграничное уваженіе къ предкамъ. Заботы которыми онъ окружалъ своихъ мертвыхъ, достойны нашего восхищенія: заранѣе приготовленная могила принимала останки умершаго, одѣтаго въ свои лучшія одежды. Рядомъ съ нимъ клали предметы, которыми онъ пользовался при жизни: у мужчинъ-колчанъ со стрѣлами, желѣзный или бронзовый мечъ, иногда лошадь съ сѣдломъ, уздой и стременами; у женщинъ-предметы роскоши и украшенія, бронзовыя зеркальцы, сосудики (godets à fard) съ румяна-

„Classification des tumulus par types“ de M. Zavitnevitch et la communication de M. Anoutchine.

De même, un seul mode de sépulture peut avoir existé à différentes époques chez des peuples n'ayant rien de commun entre eux. D'autre part, les rares fouilles archéologiques effectuées dans les steppes kirghizes ne permettent pas encore de définir les divers modes de sépulture autrefois en usage parmi les nomades. Toutefois on peut dire sans crainte d'être démenti que le peuple de l'époque tumulaire qui édifia les tumulus professait au plus haut degré le culte des ancêtres. Les soins dont ils entouraient leurs morts sont dignes de notre admiration. La fosse, préalablement parée recevait la dépouille du mort revêtue de ses plus beaux atours. A ses côtés on déposait les objets dont il s'était servi sa vie durant; chez les hommes, un carquois avec des flèches, un glaive en fer ou en bronze, parfois un cheval avec selle, mors et étriers; chez les femmes,

ми и бѣлилами, кольца, браслеты, золотыя и серебряныя серьги, ожерелья, серебряныя чашки, глиняныя вазы и т. п. Въ нѣкоторыхъ могилахъ находили костяныя или каменныя вещи, сосуды съ пепломъ, что даетъ возможность предположить, что иногда мертвыхъ сжигали. Наконецъ курганъ заключалъ одно, два, три пять погребеній, иногда и болѣе. Нерѣдко надъ нимъ возвышалась каменная глыба, или плита, замѣняющая надгробный столбъ, на которомъ вырѣзывали какой нибудь значекъ, рѣже одна или нѣсколько каменныхъ бабъ

des objets de parure ou de toilette: miroirs de bronze, godets à fard, anneaux, bracelets, boucles d'oreille en argent, colliers, tasses en argent, vases d'argile etc. Dans certains tumulus on trouvait des objets en os ou en pierre, des vases avec des cendres ce qui donne à supposer qu'on brûlait parfois les morts. Enfin le tumulus était tantôt à une, deux, trois, sépultures, quelquefois davantage; un bloc de pierre, une dalle faisant office de stèle où l'on gravait un signe quelconque, une statue (baba), plusieurs parfois, surmontaient le tumulus.

Однако обрядъ погребенія отличается не только между двумя сосѣдними мѣстностями, но даже и между курганами одной группы. Трупы положены были то въ ровъ различной глубины, то на поверхность земли, то выше, прямо въ самомъ курганѣ, то лежащимъ на спинѣ, то на боку, иногда согнувшимся, иногда какъ бы сидящимъ (рис. 33).

Cependant le mode de sépulture varie parfois non seulement d'une localité à l'autre mais très souvent d'un tumulus à l'autre. Les cadavres ont été déposés tantôt dans une fosse à profondeur variable, tantôt sur le sol ou au-dessus, dans le tumulus même, étendu sur le dos ou sur un côté, quelquefois replié sur lui-même, ou accroupi (v. fig. 33.)

Тѣло клалось прямо на землю, на ложе изъ песка, песчаника или древеснаго угля. По совершеніи обряда на трупъ бросали землю, чтобы образовать курганъ.

Что касается до болѣе рѣдкихъ погребеній съ сожженіемъ, то легко возстановить похоронные обряды, которые ихъ сопровождали. На выбранномъ заранѣе мѣстѣ, чаще всего на возвышеніи, приготовляли большой ровъ, за исключеніемъ того случая, когда тѣло должно было класться надъ поверхностью земли, и въ подобномъ случаѣ довольствовались только набрасываніемъ основанія кургана.

Сперва ровную поверхность покрывали слоемъ мелкаго песку. Потомъ складывали костеръ, сверхъ котораго клали покойника, одѣтаго въ богатыя одежды и во всемъ вооруженіи. Рядомъ съ нимъ клали множество предметовъ, принадлежащихъ ему при жизни, которые иногда стоили очень дорого и только тогда приступали къ сожженію покойника.

Le corps a été déposé directement sur la terre, sur un lit de sable, de gravier ou de charbon de bois. La cérémonie terminée on jetait de la terre sur le cadavre pour former le tumulus.

Quant aux sépultures à incinération, beaucoup plus rares, il est facile de reconstituer la cérémonie funèbre qui l'accompagnait. Sur un emplacement choisi à l'avance, de préférence un mamelon, on préparait une grande fosse, à moins que la sépulture ne dût être au-dessus du sol dans lequel cas on se contentait de jeter les fondements du tumulus.

La surface une fois bien polie, on la recouvrait d'une couche de sable fin. On construisait alors un bûcher au-dessus duquel on déposait le défunt richement habillé et revêtu de son armure. A côté du mort on déposait quantité d'objets lui ayant appartenu lesquels parfois, atteignaient une grande valeur et l'on procédait à sa crémation.

Очень вѣроятно, что рядомъ съ покойникомъ сожигали также и лошадь, пепелъ которой, смѣшанный съ останками умершаго, сопровождалъ его въ другой міръ.

Послѣ окончанія обряда сожженія все покрывали землей, гравіемъ или камнями, и воздвигали курганъ, форма и высота котораго варьируютъ до безконечности, смотря по сану умершаго.

Какъ мы только что видѣли выше, эпоха, предшествующая Исламу, была по преимуществу языческая, ей-то мы обязаны курганами и можемъ ее назвать курганной. Она обнимаетъ неопредѣленный періодъ времени, захватывающій многіе вѣка до нашей эры, и является предшествующей или одновременной буддизму и маздеизму — этимъ двумъ великимъ религіямъ, которыя впродолженіи нѣкотораго времени оспаривали другъ у друга господство въ центральной Азіи и особенно въ той части степи, которая заключается между Китайскимъ Туркестаномъ и Сыръ-Дарьей. Проповѣдники буддизмъ, принося съ собою разсадники индійскаго и китайскаго искус-

Il est fort probable qu'à côté du mort on brûlait aussi des chevaux dont les cendres mêlées à celles du défunt, accompagnaient ce dernier dans l'autre monde.

L'incinération terminée on recouvrait le tout de terre, de gravier ou de pierres et l'on élevait un tumulus dont la forme et la hauteur variaient selon le rang du défunt.

Comme nous venons de le voir, cette époque antérieure à l'islam, à laquelle nous devons les tumulus, embrasse une période de temps indéterminée remontant à de nombreux siècles avant notre ère. C'est l'époque païenne par excellence que nous pourrions appeler „tumulaire", antérieure ou contemporaine des religions bouddhiste et mazdéiste, ces deux grandes religions qui pendant quelque temps se disputèrent la prépondérance en Asie centrale et plus particulièrement dans cette partie de la steppe comprise entre le Turkestan chinois et le Syr-Daria. Des missionnaires bouddhistes portant avec eux des

ствъ укореняются сначала въ странахъ сосѣднихъ съ Иссыкъ-Кулемъ и поселяются среди полуосѣдлаго населенія этой страны. Въ тоже самое время, но только на другомъ концѣ степи, въ части, прилегающей, къ Яксарту (Сыръ-Дарья) огнепоклонники успѣшно распространяютъ ученіе Зороастра; иранское вліяніе закрадывается вмѣстѣ съ ними къ кочевникамъ, у которыхъ менѣе чувствовалась нужда въ высшей религіи, чѣмъ у осѣдлаго населенія.

Въ первые вѣка нашей эры, когда торжествующій буддизмъ беретъ верхъ надъ маздеизмомъ, впервые появляется христіанство, занесенное изъ Малой Азіи въ южныя степи киргизской страны гордыми послѣдователями Нестора. Оно пріобрѣтаетъ право существованія среди этой мозаики племенъ, съ самыми разными исповѣданіями и распространяется съ одного конца материка Азіи до другого. Многочисленныя могилы съ символическимъ крестомъ, выгравированнымъ на камнѣ, рядомъ съ сирійской надписью, все еще встрѣчаются въ степяхъ къ сѣ-

germes d'art indien et chinois s'implantent d'abord dans les pays voisins de l'Issyk-koul et se fixent parmi la population semi-sédentaire de la contrée. Dans le même temps, mais à l'autre extrémité, dans la partie confinant à l'Iaxarte (Syr-Daria) les adorateurs du feu répandent avantageusement les préceptes de Zoroastre; l'influence iranienne pénètre avec eux parmi les monades chez lesquels le besoin d'une religion supérieure se faisait moins sentir que parmi la population sédentaire.

Aux premiers siècles de notre ère, alors que le bouddhisme partout triomphant l'emporte sur la religion mazdéiste, le christianisme pour la première fois, fait son apparition dans les steppes méridionales du pays kirghize. Importée d'Asie Mineure par les fiers disciples de Nestor, la nouvelle religion ne tarde pas à se propager d'un bout à l'autre du continent asiatique. Les nombreux tombeaux avec la croix symbolique gravée sur la pierre à côté d'une inscription araméenne qu'on trou-

вѣро-западу отъ Иссыкъ-Куля и служатъ неоспоримымъ свидѣтелями прохожденія несторіанъ.

Въ тотъ моментъ, когда происходило все это смѣшеніе народовъ и вѣрованій, новому элементу изъ всѣхъ самому могущественному суждено было сыграть рѣшительную роль въ исторіи политики и религіи народовъ центральной Азіи.

Арабы, подчинивъ Персію и завоевавъ часть Туркестана, захватываютъ Ташкентъ въ 738 г. и наводняютъ степь. Вмѣстѣ съ ученіемъ Магомета завоеватели приносятъ съ собою присущую имъ цивилизацію, своеобразное письмо и искусство. Вскорѣ уже вліяніе ихъ сказывается на понятіяхъ кочевниковъ и еще болѣе на искусствѣ, которое могло отразиться только на формѣ надгробныхъ памятниковъ, единственномъ сооруженіи доступномъ кочевному роду жизни обитателей степи. Съ этого момента погребальное искусство кочевниковъ вдохновляется массивными, но иногда изящными сооруженіями, которыя арабы воздвигали своимъ мертвымъ Однако киргизы сѣвера, вѣрные своимъ языческимъ обычаямъ, пользуются еще нѣкоторое

ve encore de nos jours au nord-ouest de l'Issyk-Koul sont autant de témoins de leur passage.

Tandis que s'opérait cet amalgame de peuples et de croyances un nouvel élément, de tous le plus important, allait jouer un rôle décisif dans l'histoire politique et religieuse des peuples d'Asie centrale.

Les Arabes, après avoir subjugué la Perse et conquis une partie du Turkestan, s'emparent de Tachkent en 738 et envahissent la steppe. Avec la doctrine de Mahomet les conquérants apportent une civilisation qui leur est propre, une écriture et un art particuliers. Leur influence se fait bientôt sentir sur la mentalité des nomades et plus encore sur l'art qui, en raison même du genre de vie des habitants des steppes, ne pouvait s'exprimer que sous forme de monuments funéraires. De ce jour l'art funéraire des nomades s'inspirera des constructions massives mais parfois élégantes que les Arabes élevaient à leurs morts. Les

время курганами, но въ XIV вѣкѣ мусульманская религія, поработивъ всю степь, навсегда отвергла эту форму погребенія. Только нѣкоторыя языческія обрядности—отголосокъ шаманства—удерживаются въ погребальныхъ церемоніяхъ кочевниковъ, но и онѣ все болѣе исчезаютъ подъ всевозрастающимъ вліяніемъ мусульманскаго духовенства.

Kirghizes du nord, fidèles à leurs usages païens, conserveront encore le tumulus mais au XIV-e siècle, la religion musulmane prenant possession de la steppe rejettera pour toujours cette forme de sépulture. Seules quelques pratiques païennes empreintes de chamanisme subsisteront encore dans les cérémonies funèbres des nomades mais elles seront de plus en plus atténuées par l'influence toujours croissante du clergé musulman.

Періодъ мусульманскій.

Простая, скромная могила съ маленькимъ холмикомъ, который имѣетъ видъ кротовины, обычная форма погребенія, наиболѣе распространенная у киргизъ. Никакое внѣшнее украшеніе не выдаетъ ея присутствія, развѣ только впадина, которая часто образуется отъ обрушившейся крыши. Извѣстно, что законъ Магомета требуетъ, чтобы могила не была засыпана землею. Она заканчивается обыкновенно чѣмъ то въ родѣ потолка сдѣланнаго изъ вѣтвей, который ей замѣняетъ крышу, и это то послѣднее уже засыпается землею; прямоугольный камень отъ 25—50 сантиметровъ въ длину и 10 въ толщину иногда прислоненъ къ могилѣ и едва привлекаетъ взоры посѣтителя. На камнѣ грубо вырѣзано арабскими буквами имя покойника часто вмѣстѣ съ какимъ нибудь изрѣченіемъ изъ корана (см. фиг. 34).

Époque musulmane.

La tombe simple et modeste avec son tertre minuscule qui lui donne un air de taupinière est la forme de sépulture la plus usitée des Kirghizes. Aucun signe extérieur ne vient révéler sa présence n'était parfois l'excavation produite après l'effondrement du toit, car ainsi le veut la loi musulmane, la fosse ne doit pas être comblée. Surmontée d'un plafond fait de branchages qui lui tient lieu de toit elle est ensuite recouverte de terre. Une pierre, de forme rectangulaire, mesurant 25 ou 30 centimètres de longueur sur dix de largeur est parfois adossée à la tombe. Sur la pierre le nom du défunt est grossièrement gravé avec, le plus souvent, un verset du Coran (v. fig. 34).

Два раза встрѣчалъ я этотъ видъ миніатюрныхъ надгробныхъ камней: на берегахъ рѣки Арыса въ Чимкентскомъ уѣздѣ, а также и въ Перовскомъ уѣздѣ Сыръ-Дарьинской области. Я долженъ однако добавить, что никогда я не встрѣчалъ подобныхъ стелъ ни на сѣверѣ, ни на западѣ киргизскихъ степей. Особенно часто встрѣчаются большіе круги, сдѣланные изъ грубыхъ, неотесанныхъ каменныхъ глыбъ, какъ бы защищающихъ входъ въ могилу, или представляющіе ограду для одной или нѣсколькихъ такихъ могилъ. На одной изъ глыбъ, обыкновенно высѣченъ знакъ, служащій тамгой роду, къ которому принадлежалъ погребенный. Эта тамга изображена на могилѣ кочевниковъ въ окрестностяхъ Акъ-Булака въ Актюбинскомъ уѣздѣ Тургайской области (см. рис. 35), а также на могилѣ другого кочевника Тургайскаго уѣзда, той-же области (см. рис. 37).

Камни положены въ безпорядкѣ вокругъ могилы, на которую они иногда обрушиваются, какъ мнѣ приходилось видѣть на берегахъ Жаксы-Каргалы въ Актюбинскомъ уѣздѣ

Je rencontrai ce genre de stèles minuscules par deux fois sur les bords de l'Arys dans le district de Tchimkent et sur les bords du Syr-Daria dans le dictrict de Pérovsk (Province du Syr-Daria). Je dois cependant ajouter que je ne trouvai jamais de stèles semblables au nord du pays kirghize pas plus qu'à l'ouest. Parfois un cercle de pierres brutes defend l'approche de la tombe. Sur l'un des blocs un signe péniblement gravé marque le sceau de la tribu à laquelle appartenait le défunt. L'un de ces sceaux est représenté ici sur l'une des tombes de nomades des environs d'Ak-Boulak dans le district d'Aktioubinsk, prov. de Tourgaï. (v. fig. 35) et sur l'une des pierres de l'enceinte d'un autre tombeau de nomade du district de Tourgaï dans la province de même nom (v. fig. 37).

Les blocs entassés le plus souvent sans aucun ordre autour de la sépulture s'effondrent parfois sur la tombe et l'enceinte disparait pour faire place à un amas de pierres. Des

Тургайской области. Эти огромныя глыбы, принесенныя иногда изъ очень далека, требуютъ усилій нѣсколькихъ человѣкъ, чтобы быть поднятыми; каменныя ограды напоминаютъ своей формой мегалитическіе памятники каменнаго вѣка, извѣстные подъ названіемъ кромлеховъ (каменные круги). Нѣкоторыя изъ вышеупомянутыхъ каменныхъ оградъ видимо были сооружены нѣсколько вѣковъ, а быть можетъ и тысяче лѣтій тому назадъ. Еще въ 1769 г. Паллась въ своихъ «Путешествіяхъ по разнымъ провинціямъ Росс. Имп.» писалъ, что близъ Орска, верстъ 8 отъ Урала на югъ ближе къ Аспидной горѣ, онъ видѣлъ киргизскія могилы, которыя теперь, какъ кажется, называются Ханскими потому что всѣ состояли изъ лучшей яшмы. Куски яшмы на нихъ были наложены кучами или составляли круги.

Этотъ видъ надгробныхъ памятниковъ съ каменными оградами очень распространенъ на сѣверѣ, востокѣ и западѣ киргизскихъ степей и главнымъ образомъ въ Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской обл.

tombes semblables se rencontrent sur les bords du Jakci-Kargala dans le district d'Aktioubinsk. Les blocs énormes qui enserrent ces tombes, le plus souvent apportés de fort loin, nécessitent l'effort de plusieurs hommes pour les soulever. Quant à l'enceinte, elle rappelle par sa forme les monuments mégalithiques de l'âge de pierre désignés sous le nom de „cromlechs“. Quelques-unes ont été édifiées il y a plusieurs centaines d'années, un millier peut-être. Dans ses notes de voyage dans les diverses provinces de l'empire de Russie en 1769, Pallas parle de certains tombeaux aperçus sur les bords de l'Oural à une huitaine de verstes de ce fleuve dans la direction du mont Aspidnoï près d'Orsk et dont l'enceinte était faite de très belle jaspe.

Ce genre de monument funéraire est très répandu dans les steppes kirghizes du nord, de l'est et de l'ouest c'est-à-dire dans les provinces de Sémipalatinsk, d'Akmolinsk, de Tourgaï et d'Ouralsk.

Къ такому типу памятниковъ относится очень ntимая могила, такъ назыв. «Ауліе-Тюбе». Она расположена при устьяхъ Ашелы-Бутака, лѣваго притока Тасты-Бутака въ Тусунской волости въ Тургайскомъ уѣздѣ (см. рис. 36). На палочкѣ, воткнутой между камнями, виднѣются лоскуты матерій, навѣшанные набожными кочевниками.

Когда нѣтъ камня для ограды, то пользуются землей, высокой травой, колючими растеніями или камышами. Этотъ родъ погребенія встрѣчается главнымъ образомъ на берегахъ Сыръ-Дарьи, въ Казалинскомъ или Перовскомъ уѣздахъ.

Менѣе грубая, обдѣланная съ большей заботой, возвышается то круглая, то четыреугольная ограда. Высота ея отъ полуметра до 2-хъ метровъ. Она обыкновенно сдѣланна изъ комьевъ земли съ однимъ маленькимъ отверстіемъ на южной сторонѣ. У ограды виднѣется надгробный каменный столбъ, врытый въ землю. На немъ вырѣзаны арабскимъ шрифтомъ имя покойника, годъ его смерти и нѣсколько изрѣченій изъ Корана.

A ce type de tombeaux à enceinte il convient de rattacher celui que nous reproduisons ici et qu'on désigne sous le nom de „Aoulié-Tubè". (v. fig. 36). Ce tombeau très vénéré des nomades est situé dans le volost de Toussoun district de Tourgai. Des bouts d'étoffe, fixés à un bâton planté entre les pierres, rappellent au passant la sainteté du lieu.

Lorsque la pierre manque on fait usage de terre, de ronces ou de roseaux. Ce genre de sépulture se rencontre principalement sur les bords du Syr-Daria dans les districts de Kazalinsk et de Pérovsk.

Moins primitive et plus soignée, tantôt ronde, tantôt carrée, telle nous apparaît encore l'enceinte; sa hauteur varie entre un mètre 50 et 2 mètres. Elle est le plus souvent faite de mottes de terre avec une petite ouverture au midi. Sur l'un des côtés de l'enceinte se dresse une simple pierre, quelquefois une stèle quadrangulaire portant en écriture arabe le nom du défunt et quelques vers du Coran.

Типъ такихъ могилъ очень распространенъ въ киргизскихъ степяхъ главнымъ образомъ въ Уральской и Тургайской обл. Рисунокъ 38 изображаетъ могилу кочевника Актюбинскаго уѣзда на границѣ съ Уральскимъ уѣздомъ въ окрестностяхъ горы Корсакъ-Басъ. Рисунокъ 41 изображаетъ могилу съ оградой изъ такъ назыв. воздушнаго кирпича въ окрестностяхъ ж. д. станціи Челкаръ. Это кладбище расположено за рѣкой Каульджуръ въ Иргизскомъ уѣздѣ Тургайской обл. Подъ вліяніемъ непогоды памятники этого рода въ виду ихъ непрочности размываются и скоро разрушаются, принимая иногда самыя разнообразныя или даже фантастическія формы (см. рис. 41 на таб. X)

Чтобы придать болѣе прочности кирпичамъ киргизы часто примѣшиваютъ къ глинѣ искусно изрубленное и размельченное сѣно.

Встрѣчаются ограды, сдѣланныя изъ лѣса, какъ напр., въ Акъ-Бай около ж. д. станціи

Ce genre de tombeaux à enceinte est très répandu dans les steppes kirghizes, principalement dans les provinces d'Ouralsk et de Tourgaï. La figure 38 représente un tombeau à enceinte de nomade de la province de Tourgaï; il est situé à la limite des districts d'Aktioubinsk et d'Ouralsk dans les environs du Korsak-Bass. La figure 41 représente également un tombeau de ce genre fait de briques crues; il est situé sur les bords du Kaouldjour aux environs de Tchelcar, district d'Irghiz, province de Tourgaï. Le manque de solidité des briques et les intempéries des saisons ont vite fait de détruire ces monuments qui disparaissent en prenant des aspects à la fois très divers et quelque peu fantastiques.

Pour rendre la brique plus consistante les Kirghizes mêlent souvent du foin haché à de la terre glaise convenablement pétrie.

On rencontre aussi des tombeaux dont l'enceinte est faite en bois comme à Ak-Baï près de Sagartchine

Сагарчина въ Актюбинскомъ уѣздѣ Тургайской обл.; иногда даже цѣлыя деревянныя постройки съ дверями и окнами, какъ можно было видѣть нѣсколько лѣтъ тому назадъ (1893), а можетъ быть и теперь на холмахъ, прилегающихъ къ озеру Тузъ-Куль въ 100 верстахъ отъ Оренбурга по лѣвую сторону р. Илека и въ 10 верстахъ отъ поселка Линевскаго. Издали эти постройки напоминаютъ русскую избу.

Бываетъ, что углы ограды заканчиваются чѣмъ то въ родѣ острія, а стѣны памятника выстроены изъ камня на глинѣ. Такой видъ имѣетъ киргизская могила Кустанайскаго уѣзда Тургайской обл., срисованная здѣсь съ фотогр. г. Ронгинскаго (см. рис. 39).

Памятники такого типа, но построенные исключительно изъ дикаго камня, встрѣчаются въ Семипалатинской и въ Акмолинской областяхъ. Прилагаемый здѣсь видъ памятника (рис. 39), срисов. съ фотографическаго

dans le district d'Aktioubinsk, province de Tourgaï. Parfois même ce sont de vrais édifices en bois avec portes et fenêtres comme on en voyait il y a quelques années à peine (1893) et peut-être de nos jours encore sur une colline avoisinant le lac Touz-Koul à 100 verstes d'Orenbourg et à une dizaine de verstes du village de Linevski sur les bords de l'Ilek. L'aspect de pareils monuments rappelle l'izba russe.

Mais voici que les angles de l'enceinte apparaissent surchargés de pointes tandis que les murs sont faits de pierres sur terre glaise tenant lieu de mortier; tel nous apparaît un tombeau kirghize du district de Koustanaï province de Tourgaï que nous reproduisons ici (fig. 39).

Des monuments de ce genre mais entièrement construits de pierres brutes ont été signalés dans les provinces de Sémipalatinsk et d'Akmolinsk. Nous donnons ici à la fig. 39 un aperçu de ces monuments qu'on

снимка г-на Хворостанскаго, находится въ Устькаменогорскомъ уѣздѣ Семипалатинской области.

Постепенно стѣны ограды изъ воздушнаго или жженаго кирпича обогащаются декоративными украшеніями, появляются геометрическія фигуры. Начинаютъ разнообразить кладку кирпичей, такъ что верхняя часть ограды съ четырехъ сторонъ дѣлается ажурной. Къ стѣнамъ ограды пристраиваются закругленныя или четырехъугольныя колонны, образующія выступъ передъ главной линіей фасада. Колонны оканчиваются остріями, или шишками; верхняя часть стѣнъ зубчата, что придаетъ оградѣ видъ укрѣпленнаго замка. Стрѣльчатая, узкая и низкая дверь представляетъ входъ во внутренность памятника, гдѣ вообще помѣщаются нѣсколько могилъ, параллельно другъ другу. Голыя стѣны украшаются снаружи линіями, образующими рамку на каждомъ изъ боковъ ограды; послѣдняя приподнята въ той части фронтона, которая служитъ рамкой для двери. Такой видъ имѣетъ большинство мавзолеевъ Сыръ-Дарьинской области, какъ напр., въ

rencontre plus particulièrement dans le district d'Oustkamenogorsk, province de Sémipalatinsk.

Puis les murs de l'enceinte s'enrichissent de motifs décoratifs; des dessins géométriques apparaissent, dessins faits par la juxtaposition des briques; la partie supérieure de l'enceinte est ajourée sur toutes ses faces. Les murs d'enceinte sont flanqués de pylones arrondis ou carrés formant saillie en dehors de la ligne frontale. Les pylones sont surchargés de pointes; la partie supérieure des murs est crénelée ce qui donne à l'enceinte un air de château-fort. Une porte ogivale, étroite et basse donne accès à l'intérieur du monument où généralement se trouvent plusieurs tombes. La nudité des murs s'agrémente extérieurement de lignes formant cadre à chacun des côtés; parfois le mur d'avant est surélevé dans la partie qui encadre la porte. Tels nous apparaissent la majorité des tombeaux de la province du Syr-Daria, ceux de Bascara par exem-

Баскарѣ (рис. 42) и въ Майлибащѣ Казалинскаго уѣзда (см. р. 43).

Самыя могилы устраиваются такъ: въ землѣ вырывается неглубокая, продолговатая яма, въ которую кладется тѣло, завернутое въ ткани и положенное прямо на землю. Яма не засыпается землею, но надъ нею устраивается потолокъ изъ хвороста, который замазывается глиной. Далѣе изъ мятой глины строятся невысокія стѣны надъ потолкомъ могилы, соотвѣственно ея размѣрамъ; ихъ покрываетъ четырескатная, тоже изъ глины, крыша, такъ что получается небольшое продолговатое зданіе, замѣняющее надмогильный камень; по бокамъ входа въ мавзолей, снаружи, обыкновенно, дѣлаются два надгробія совершенно однородныхъ по формѣ, поставленныя вдлину поперекъ линіи входа (по касательной); это-копіи внутреннихъ надгробій, безъ погребеній. Къ этимъ изображеніямъ, такъ сказать, моделямъ могилъ, приходятъ родные умершаго молиться. Такъ какъ во внутрь мавзолея не осмѣлится проникнуть ни одинъ суевѣрный киргизъ,—то тамъ царитъ смерть да кобчики, во множествѣ гнѣздящіеся въ этихъ степныхъ могилахъ.

ple (fig. 42) et de Mailibach (fig. 43) dans le district de Kazalinsk.

La tombe proprement dite est ainsi faite: on creuse une fosse peu profonde dans laquelle on dépose le corps à même sur la terre mais préalablement enroulé dans une étoffe blanche. La fosse n'est pas comblée, mais sa partie supérieure est recouverte de broussailles formant plafond sur lequel on étend une couche de terre glaise. Sur le rebord de la fosse, des quatre côtés, on construit ensuite un mur surmonté d'un toit à quatre faces, également en terre, lequel donne à l'ensemble un aspect d'édifice minuscule remplaçant avantageusement la dalle funéraire; sur les côtés du mausolée, à l'extérieur, on fait généralement deux monuments semblables disposés transversalement à l'entrée. C'est là au pied de ces monuments, fidèle reproduction des tombes du mausolée, que viennent prier les parents du mort; on sait que les superstitieux Kirghizes ne pénètrent jamais dans l'enceinte aux sépultures, domaine de la mort, où seules les bondrées viennent chercher asile.

Мавзолей надъ могилой въ южныхъ частяхъ киргизской степи называется «мазаръ». А. Калмыковъ въ статьѣ «Основные вопросы среднеазіатской археологіи»*) говоритъ, что слово «мазаръ» теперь означаетъ мавзолей надъ могилой святого. Первоначально-же это слово означало могилу... А дальше авторъ статьи говоритъ: «теперь мазаромъ называются не могилы, а мовзолеи, можетъ быть потому, что благочестіе мусульманъ украсило всѣ могилы святыхъ куполами, а оставшіяся непокрытыми не считаются достойными титула мазара». Въ сѣверныхъ частяхъ степи могилы называются «мола» или «тамъ», такъ напр. встрѣчаются названія: Акъ-Мола, Кара-Мола, Копъ-Мола, Байтакъ-Тамъ, Кызылъ-Тамъ, Айтолконъ-Тамъ и т. п.

И такъ, къ оградѣ теперь прибавляютъ сводъ, но внѣшность памятника принимаетъ самыя разнообразныя формы.

*) См. Протоколы засѣданій и сообщ. членовъ Туркестанскаго кружка люб. арх. за 1909—1910 г.

Dans les steppes méridionales avoisinant le Syr-Daria le monument funéraire porte le nom de *mazar*. M. Kalmuikoff dans ses „Questions fondamentales de l'archéologie d'Asie centrale“*) dit que le mot *mazar* désigne de nos jours le monument funéraire qui recouvre la tombe d'un saint alors qu'autrefois ce mot signifiait simplement la tombe elle-même. La raison en est peut-être nous dit cet auteur, à ce que la piété musulmane n'a voulu orner les monuments funéraires de coupoles que tout autant qu'ils appartenaient à des saints; les autres, ceux qui sont dépourvus de coupoles, n'ont pas été jugés dignes de porter le nom de *mazar*. Dans les steppes du nord les tombeaux portent généralement le nom de *mola* ou de *tam*.

Mais voici qu'à l'enceinte on ajoute une voûte, le plus souvent en terre battue et du fait, peu durable.

*) Protocoles de la société d'histoire et d'archéologie du Turkestan de 1909—1910.

Сводъ чаще всего изъ глины или изъ болѣе или менѣе прочнаго матеріала. Этотъ типъ памятника встрѣчается въ Эмбенской волости на правомъ берегу рѣки Эмбы Уральской области (см. рис. 44). Нѣкоторые изъ нихъ, некрасиво и плохо сдѣланные, имѣютъ форму наскоро высушенной кучи глины; стиль, необыкновенно грубый, отражаетъ мѣстное искусство, которое, кажется, гармонируетъ съ настроеніемъ и культурой степныхъ кочевниковъ. Примѣромъ могутъ служить могилы Шокея въ Джитагаринской волости Кустанайскаго уѣзда Тургайской области (см. рис. 45 съ фотографическаго снимка г. Аниховскаго).

Почти такіе же памятники, но съ болѣе тщательной отдѣлкой, встрѣчаются къ сѣверу Аральскаго моря по близости Большихъ Барсуковъ и даже въ Уральской области.

Самыми огромными размѣрами отличается мавзолей киргизской семьи Чиклинскаго рода, расположенный на возвышенности, господствующей надъ степью и озеромъ Челкаръ. Этотъ

Les formes du monument sont à présent des plus variables. Ce genre de mausolée se rencontre sur les bords de l'Emba dans le volost de même nom, province d'Ouralsk (v. fig. 44). Certains aux formes disgracieuses et mal définies ont l'air d'amas de boue hâtivement séchée; le style d'une barbarie peu commune reflète un art local qui semble répondre à la mentalité du nomade. Tels nous apparaissent les tombeaux de Choqueï que nous reproduisons ici fig. 45. Ils sont situés sur les bords du Djarli-Boutak dans le volost de Djitagarine, district de Koustanaï, province de Tourgaï.

Des monuments à peu près semblables mais aux formes plus définies se rencontrent au nord de la mer d'Aral sur les confins du désert du Grand-Barsouk et jusque dans la province d'Ouralsk.

De dimensions plus imposantes est le tombeau de Chimane de la tribu de Tchikli qu'on aperçoit à plus de douze verstes de distance sur une hauteur dominant l'extrémité du lac

памятникъ въ формѣ пирамиды сдѣланъ изъ глины. На каждой сторонѣ находится маленькое четырехъугольное отверстіе въ видѣ окна. Входъ въ памятникъ съ юго-восточной стороны. Внутри различаютъ восемь нишъ, устроенныхъ въ стѣнахъ и равномѣрно расположенныхъ по двѣ на каждой сторонѣ. Крыша поддерживается колесомъ отъ телѣги со всѣми его спицами, вдѣланномъ въ глину (см. рис. 46). Самыя могилы, числомъ до пяти, расположены внутри мавзолея въ безпорядкѣ и не представляютъ ничего особеннаго; разрушившаяся часть могильныхъ покрышекъ позволяетъ видѣть скелеты, между которыми очень часто гнѣздится особая порода степныхъ птицъ.

Коническая форма чаще всего приближается къ формѣ высокаго киргизскаго малахая (киргизская шапка). Этотъ родъ памятниковъ или нѣчто подобное встрѣчается въ самыхъ разнообразныхъ мѣстахъ киргизской степи, но больше всего въ

de Tchelcar. Ce monument en forme de pyramide entièrement fait de terre glaise est percé de quatre petites ouvertures disposées sur chacun des côtés du mausolée. Une petite porte formant tambour a été ménagée au sud-est du monument (v. fig. 46). A l'intérieur on distingue huit niches pratiquées dans les murs et régulièrement disposées par deux dans chaque mur. Au sommet de la pyramide, au point où les lignes se joignent, à l'intérieur du monument, est encastrée une roue de chariot avec tous ses rayons. Les tombes au nombre de cinq sont disposées sans ordre et ne présentent rien de bien particulier; la toiture des tombes en partie effondrée laisse voir les squelettes parmi lesquels la bondrée vient très souvent nicher.

La forme conique, plus fréquente se rapproche parfois du haut bonnet kirghize (malakhaï); ce genre de monuments se rencontre d'un bout à l'autre de de la steppe des Kirghizes, plus fréquemment dans la provin-

Уральской области, какъ напр., въ Джіиренкупинской волости Уральскаго уѣзда (см. рис. 47). Стѣны, чаще всего изъ воздушнаго кирпича, сливаются съ оградой, то круглой, то четырехъугольной формы и поддерживаютъ сводъ, напоминающій кибитку кочевника. Къ такому типу относятся Акчайскіе мавзолеи за рѣкой Каульджуръ въ Челкарской степи Иргизскаго уѣзда Тургайской области (см. рис. 48). Маленькія отверстія, обыкновенно ихъ четыре, расположены по одному на каждой изъ четырехъ сторонъ могилы и совпадаютъ съ четырьмя частями свѣта. Высота такихъ памятниковъ достигаетъ до восьми метровъ.

Къ этому типу подходятъ мавзолеи киргизскаго кладбища Адаевскаго рода въ Кара-Чунгулѣ у Каспійскаго моря въ Гурьевскомъ уѣздѣ Уральской области (см. рис. 49). Эти памятники лишены отверстія за исключеніемъ миніатюрной двери стрѣльчатаго вида; эта форма точная копія киргизской кибитки. Другіе памятники этого рода имѣютъ только одно отверстіе, расположеннос обыкновенно на востокъ.

ce d'Ouralsk comme on peut le voir dans la fig. 47 qui représente un cimetière de nomades du volost de Djirenkoupine district d'Ouralsk. Les murs, le plus souvent en briques crues reposent sur une enceinte de forme tantôt ronde, tantôt quadrangulaire. La partie supérieure rappelle par sa forme une tente de nomade. Tels nous apparaissent les monuments funéraires d'Ak-Tchaï près de Tchelcar, district d'Irghiz province de Tourgaï (v. fig. 48). De petites ouvertures généralement au nombre de quatre sont disposées aux quatre points cardinaux. La hauteur de ces monuments atteint parfois huit mètres.

Des monuments de ce genre se rencontrent dans le cimetière kirghize de la tribu Adaïeva au lieu dit „Kara-Tchoungoul“ près de la mer Caspienne, district de Gourieff, province d'Ouralsk (v. fig. 49). Ces monuments dépourvus d'ouvertures sauf une porte minuscule de forme ogivale à leur base rappellent fidèlement la tente des Kirghizes.

Иногда фундаментъ, вмѣстѣ съ находящимся на немъ конусомъ болѣе или менѣе сливается съ нимъ и тогда памятникъ представляетъ изъ себя нѣчто среднее между высокимъ малахаемъ (шапка) киргиза и его кибиткой. Такова могила одного кочевника Уильской волости, Темирскаго уѣзда Уральской области (см. рис. 50).

Certains autres de ces monuments funéraires ne possèdent qu'une seule ouverture généralement pratiquée à l'orient. Le soubassement portant le cône se confond quelquefois avec le cône même et l'on voit alors un monument qui tient à la fois du haut bonnet kirghize et de la tente de nomade. Tel nous apparaît le tombeau d'un nomade de l'Ouïl, district de Témir, prov. d'Ouralsk (v. fig. 50).

Еще болѣе типичная въ этомъ родѣ могила—мавзолей султана Клыша въ Устькаменогорскомъ уѣздѣ Семипалатинской области (см. р. 51). Это памятникъ огромныхъ размѣровъ, построенный изъ степного кирпича-сырца. Онъ представляетъ изъ себя видъ громаднаго конуса, или скорѣе сахарной головы, одинъ бокъ которой имѣетъ сквозное отверстіе.

Plus caractéristique encore est le monument funéraire du sultan Klych dans le district d'Oustkamenogorsk province de Semipalatinsk (v. fig. 51). Ce monument aux dimensions démesurées, fait de briques séchées simplement au soleil, a l'aspect d'un cône immense, disons plutôt d'un pain de sucre dont l'un des côtés est percé d'une ouverture.

Своимъ внѣшнимъ видомъ и грандіозными размѣрами эти мавзолеи напоминаютъ памятники Лепсинскаго уѣзда Семирѣченской области *Денгекъ* и *Козу-Керпечъ*. Первый изъ этихъ

La forme de ce mausolée aussi bien que ses proportions grandioses se rapprochent de deux autres monuments de ce genre qu'on rencontre dans le district de Lepsinsk, prov.

памятниковъ по описанію г. Пантусова стоитъ въ степи, на ровномъ мѣстѣ; онъ сложенъ изъ каменныхъ плитъ на глинѣ; основаніе его квадратное въ длину и ширину около 1 1/2 саж., въ высоту 12 аршинъ. Внутри онъ оштукатуренъ глиной съ соломой. *Денгекъ*, что въ переводѣ значитъ *столбъ*, сложенъ, какъ говорятъ, во время китайскаго владычества (см. рис. 52).

Памятникъ Козу-Керпечъ сложенъ изъ каменныхъ плитъ на глинѣ и по своему устройству точно такой же, какъ и памятникъ Денгекъ; входъ въ него находится съ Ю-З стороны. Размѣры его слѣдующіе: высотой отъ 17—18 арш. шириной въ одну сторону 7 арш. въ другую 6 арш. Съ западной стороны памятника — окно; сводъ внутри обмазанъ глиною; здѣсь уже виднѣются палки съ навѣшанными на нихъ разными тряпками и конскими хвостами — приношенія богомольцевъ киргизъ (см. рис. 53).

des Sept-Rivières: le Denguek et le Kozou-Kerpetch. D'après la description qu'en donne M. Pantoussoff le premier de ces monuments s'élève en pleine steppe. Il est construit en prierres sur glaise. La base du monument de forme quadrangulaire mesure 3 m. 85, sa hauteur est de 8 m. 50. Les murs intérieurs sont recouverts d'une couche de terre glaise mêlée à de la paille hachée. Le *denguek* qui en traduction signifie *colonne* aurait été construit sous la domination chinoise (v. fig. 52).

Le monument Kozou-Kerpetch également fait de pierres brutes sur glaise est en tout semblable au précédent. L'entrée du monument est disposée au sud-ouest; sa hauteur est de 12 à 13 mètres. Sur l'un des côtés, à l'ouest une ouverture a été pratiquée, la voûte a été recouverte de glaise. Des perches ornées de bouts d'étoffe, de chiffons, de queues de chevaux ont été plantées à même dans le monument en signe de vénération, par les Kirghizes (v. fig. 53).

Прежде чѣмъ перейти къ описанію мовзолея съ кумбезами*) слѣдуетъ еще упомянуть о памятникѣ Уильской волости Темирскаго уѣзда въ 3-мъ аулѣ Уральской области (см. рис. 56) и о мавзолеѣ Шике-Ніазъ въ Кармакчи близъ ж. д. станціи Джусалы въ Перовскомъ уѣздѣ Сыръ-Дарьинской области. Это одно изъ наиболѣе оригинальныхъ произведеній туземной архитектуры (см. рис. 57). Этотъ памятникъ имѣетъ видъ четырехугольника у основанія; надъ этимъ четырехугольникомъ возвышается конусъ большихъ размѣровъ, укрѣпленный жердями вдоль и поперекъ, которыя выступаютъ наружу. Весь памятникъ сложенъ изъ такъ называемаго воздушнаго кирпича; на стѣнѣ фундамента положена голова барана въ видѣ ex-voto. Къ такимъ типамъ подходятъ мавзолеи Семирѣченской обл. Вѣрненскаго уѣзда (см. на таб. XV рис. 54 съ фотогр. г-на Винокурова).

Съ именемъ Кармакчи, что на туземномъ языкѣ значитъ

*) Могилы съ куполомъ также называются „кумбезами“.

Avant de commencer la description des mausolées à koumbez*) il est bon de mentionner les monuments funéraires dont nous donnons ici un aperçu fig. 56 et qu'on trouve dans le volost d'Ouïl, district de Témir, province d'Ouralsk et celui de Chike-Niaz dans la nécropole de Karmaktchi, près de la station de Djoussali, district de Pérovsk, province du Syr-Daria (v. fig. 57). Ce monument, l'un des plus purs spécimens d'architecture indigène est de forme quadrangulaire à sa base. Sur le soubassement précité repose le cône entièrement fait de terre glaise, coupé en tous sens de perches qu'on aperçoit à l'extérieur du monument. Une tête de mouton tenant lieu d'ex-voto a été placée sur le soubassement du cône. Dans le même genre sont les monuments funéraires du district de Vierny, prov. des Sept-Rivières que nous reproduisons ici fig. 54.

A ce nom de Karmaktchi qui dans la langue du pays signifie „le

*) Les tombeaux à coupoles portent aussi le nom de „koumbez“.

«рыбакъ», связано интересное преданіе о святомъ того-же имени, могила котораго весьма почитаема киргизами и возвышается рядомъ съ вышеупомянутымъ мавзолеемъ Шике-Ніазъ. Этотъ памятникъ или мазаръ четыреугольной формы, покрытъ крышей, слегка покатой назадъ. Очень открытый фасадъ имѣетъ видъ навѣса. Продолговатой и полуцилиндрической формы онъ напоминаетъ печь и сложенъ, какъ и самъ мазаръ, изъ жженаго кирпича, выбѣленнаго известью; онъ весь покрытъ бѣлой матеріей и увѣшанъ предметами, принесенными по какому нибудь обѣту благочестивыми киргизами. Къ одной изъ стѣнъ прикрѣпленъ свертокъ бумаги, гдѣ описана жизнь блаженнаго кармакчи, патрона города, того же имени.

pêcheur" est liée une gracieuse légende sur le saint de même nom dont le mausolée très vénéré des Kirghizes s'élève à côté du monument précité de Chiké-Niaz. Ce monument funéraire ou mazar, de forme quadrangulaire, est protégé par un toit légèrement incliné à l'arrière. La façade très ouverte a l'aspect d'un auvent. Le sarcophage en forme de four est en briques badigeonnées de chaux; il est recouvert d'un drap blanc surchargé d'ex-votos. A l'un des murs se trouve accroché un rouleau de papiers où serait écrite la vie du bienheureux Karmaktchi, patron du bourg auquel il a donné son nom.

Отъ конусообразной формы мавзолеевъ перейдемъ къ куполообразной или кумбезообразной формѣ, столь распространенной въ той части киргизской степи, которая примыкаетъ къ Сыръ-Дарьѣ и ко всему Туркестану. Здѣсь уже чувствительно арабское или персидское вліяніе. Зданія съ куполами были въ большомъ ходу у сассанидовъ. Въ Средней Азіи онѣ предназначались главнымъ обра-

Après avoir parlé des monuments funéraires de forme conique passons maintenant aux tombeaux à coupole ou à koumbez comme disent les indigènes, si répandus dans cette partie de la steppe qui touche au Syr-Daria et dans tout le Turkestan. L'influence arabe ou persane se fait ici sensiblement sentir; on sait que les édifices à coupoles étaient en grand

зомъ для мавзолеевъ, хотя еще въ XIV в. Тимуромъ и его преемниками были воздвигнуты въ видѣ мечетей. Но между тѣмъ какъ въ странахъ, расположенныхъ за Сыръ-Дарьей, главное архитектурное украшеніе мавзолеевъ составляетъ громадный входъ—порталъ килообразнаго вида, называемый «пиштакъ», какъ напр., хивинскій мазаръ Сеида Магомета Масруи близъ Шура-Хана (см. рис. 58),—на сѣверо-востокъ отъ нея такой грандіозный входъ встрѣчается рѣдко. Одинъ только памятникъ, извѣстный мнѣ, имѣетъ порталъ, представляющій видъ арки, но самъ по себѣ этотъ мавзолей по изящности, величію и красотѣ превосходитъ только что описанный во много разъ. Это—надгробный мавзолей «Кокъ-Кесене». Онъ находится въ пяти верстахъ на сѣверо-западъ отъ ж. д. станціи Тюмень-Арыка въ Перовскомъ уѣздѣ Сыръ-Дарьинской области (см. таб. XVIII рис. 60—61).

Куполъ состоитъ изъ кругообразныхъ рядовъ кирпичей, діаметръ которыхъ уменьшается по мѣрѣ того, какъ новый рядъ приближается къ замыкающему

honneur au temps des Sassanides. En Asie centrale la coupole était presque toujours réservée aux monuments funéraires, cependant certaines mosquées du XIV-me siècle construites par Tamerlan ou par ses successeurs ont été munies de coupoles. Mais tandis que dans les pays situés par-delà le Syr-Daria le porche ou *pichtak* aux dimensions anormales et fortement cintré forme le principal ornement architectural du mausolée (v. le monument funéraire de Seïd-Mahomet Masroui près de Choura-Khan dans l'oasis de Khiva fig. 58), au nord-est de ce fleuve un si grand porche ne se rencontre guère. Le seul qu'il nous fut donné de voir est le Kok-Kissenè, de beaucoup plus imposant que le mausolée précité; il est situé à cinq verstes de la station de Tumen-Aryk, district de Pérovsk, province du Syr-Daria (v. fig. 60—61).

La coupole est formée d'une série d'assises circulaires dont le diamètre décroît à mesure que l'ouvrage se rapproche de la clef de voûte. Mais

сводъ кирпичу. При чемъ куполъ можетъ быть болѣе или менѣе выпуклый и тогда получается разнообразіе формъ, напоминающихъ то стогъ, то опрокинутый котелъ или блюдце, тюбетейку и т. п. Къ такой категоріи подходитъ мазаръ Баскара въ Казалинскомъ уѣздѣ Сыръ-Дарьинской области. Стѣны его необыкновенной толщины, сложены изъ жженаго кирпича. Маленькая дверь служитъ входомъ въ памятникъ, лишенный какого либо другого отверстія (см. рис. 64). Къ нимъ же можно отнести могилу Токсамбая около Иргиза Тургайской области, которая сдѣлана изъ одного воздушнаго кирпича (см. рис. 55 съ фотогр. В. Калинина.

Болѣе изысканнымъ стилемъ отличается мавзолей богатой киргизской семьи Джалимбета, теперь уже обратившійся отчасти въ развалины, который былъ построенъ въ 1858 г. на правомъ берегу рѣки Эмбы немного выше Эмбенскаго укрѣпленія въ Темирскомъ уѣздѣ Уральской области. Этотъ памятникъ весь изъ обожженаго кирпича и содержитъ внутри три большихъ могилы и нѣсколько маленькихъ. Для постройла coupole peut être plus ou moins renflée; de là toute une variété de formes dont quelques-unes rappellent un bol, un chaudron renversés, une toque de tartare, une meule de foin, etc. A cette catégorie de monuments se rattache l'un des tombeaux de Bascara dans le district de Kazalinsk, province du Syr-Daria. Les murs entièrement faits de briques sont d'une épaisseur peu commune; une porte minuscule sert d'entrée au monument dépourvu de toute autre ouverture (v. fig. 64). Dans le même genre est le mausolée de Tokçambaï près d'Irghiz, prov. de Tourgaï (fig. 55) celui-ci entièrement fait de briques crues.

D'un style plus recherché est le tombeau aujourd'hui en ruines du riche Kirghize Djalimbett qui s'élève sur les bords de l'Emba, un peu au-dessus du fort de même nom dans le district de Témir, province d'Ouralsk. Ce monument fait de briques cuites renferme plusieurs tombes. Il fut édifié en 1858. Pour le construire on fit venir du Turkestan une dizaine de Sartes (des Karakalpacs

ки памятника наняты были сарты (по другимъ свѣдѣніямъ каракалпаки) за 60 барановъ и 16 лошадей (см. рис. 62 съ фотографическаго снимка г. Скалова).

Въ такомъ же родѣ, повидимому, была могила Кизылъ-Тамъ, судя по тѣмъ скуднымъ развалинамъ, которыя удалось недавно снять (см. рис. 63). Ярко-красный цвѣтъ жженыхъ кирпичей и далъ ей названіе Кизылъ-Тамъ, что означаетъ «красная могила». Она расположена къ сѣверу отъ Актюбинска Тургайской обл., на высокомъ мѣстѣ долины Жаксы-Каргала на Косъ-Истекѣ. Внутри были продѣланы ниши въ стѣнѣ (см. рис. 63). Поэтичная, очень распространенная среди киргизъ легенда, и ветхость самаго памятника увеличиваютъ интересъ къ нему*). Еще нѣсколько лѣтъ и отъ памятника не останется и слѣда, переселенцы не замедлятъ растаскать послѣдніе кирпичи для постройки своихъ печей.

*) См. содержаніе этой легенды въ моемъ трудѣ „Древности киргизской степи и Оренб. края".

disent certains) auxquels pour tout salaire il fut donné seize chevaux et soixante moutons (v. fig. 62).

Le Kizil-Tam aujourd'hui détruit devait se rapprocher du monument précité si l'on en juge par les ruines qu'il nous fut donné de photographier il y a quelques années (v. fig. 63). La couleur rouge des briques lui fit donner le nom de Kizil-Tam. Il est situé au nord d'Aktioubinsk dans la vallée supérieure du Jakci-Kargala sur une hauteur dominant le Koss-Istek. L'intérieur du mausolée était orné de niches. Une gracieuse légende très répandue chez les Kirghizes donne à ce monument un intérêt toujours croissant*). Encore quelques années et les dernières briques qui marquent encore l'emplacement de ce beau spécimen d'architecture locale trouveront leur utilité dans les mains du colon.

*) V. légende du Kizil-Tam dans mon ouvrage „Antiquités de la steppe des Kirghizes et du pays d' Orenbourg".

Чудный памятникъ съ куполомъ, нѣкогда облицованный красивымъ кирпичемъ, покрытый глазурью голубого цвѣта виднѣется на возвышенности Болгасына въ Иргизскомъ уѣздѣ Тургайской области. Эмалированные кирпичи были прикрѣплены другъ къ другу и къ стѣнѣ цементомъ, который сохранилъ отпечатокъ или слѣды полосъ и неровности оборотной стороны кирпича. На ребрахъ нѣкоторыхъ кирпичей видны швы, которые подверглись дѣйствію огня, такъ какъ эмаль стекла на бока, прежде чѣмъ посадили кирпичи въ печку. Съ четырехъ сторонъ стѣны пробиты маленькія отверстія. Крыша плоская въ видѣ террасы; надъ центральной ея частью возвышается рубчатый тамбуръ поддерживающій куполъ (см. рис. 59).

Этотъ памятникъ въ общихъ чертахъ напоминаетъ мавзолеи Туркестана, эпохи Тимуридовъ. Онъ очень почитается киргизами и въ настоящее время служитъ, мѣстомъ богомолья для женъ кочевниковъ, которыя ѣздятъ туда молиться, проводя ночь въ мазарѣ, желая избавиться отъ безплодія.

Superbe est le tombeau à coupole qu'on aperçoit encore de nos jours sur les hauteurs de Bolgassine dans le district d'Irghiz, province de Tourgaï. Des briques émaillées, de couleur uniformément bleue, qui autrefois servaient de revêtement extérieur à la coupole il ne reste plus de traces; seul le mortier a gardé l'empreinte des stries et des rugosités de la face inférieure de la brique. Sur la tranche de certaines briques on voit des bavures qui ont subi la cuisson, l'émail ayant coulé sur les côtés avant la mise au four. Les murs sont percés de petites ouvertures sur chacun des côtés; le toit est en forme de terrasse; en son milieu s'élève un tambour cannelé supportant la coupole (v. fig. 59).

Ce monument dans son ensemble rappelle les mausolées du Turkestan de l'époque Timouride. Très vénéré des Kirghizes il est annuellement visité par de nombreux pélerins principalement par les femmes des nomades qui viennent y prier la nuit pour devenir fécondes.

Къ памятникамъ того-же типа подходитъ мавзолей Сунакъ или Суганакъ-Ата. Онъ расположенъ на краю этого обширнаго некрополя того-же имени, окруженнаго со всѣхъ сторонъ вѣковымъ саксауловымъ лѣсомъ. По словамъ мѣстнаго *чираки* (отчельникъ) этотъ мавзолей содержитъ въ себѣ останки святого Алла-Умей Хасамутдина Сахибинхая, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Сунакъ-Ата. Онъ весь построенъ изъ жженаго кирпича, имѣетъ видъ четыреугольника, надъ которымъ воздвигнутъ куполъ съ маленькимъ отверстіемъ на сѣверной сторонѣ. Ходъ съ западной стороны черезъ маленькую пристройку въ видѣ передней съ площадкой (см. рис. 65); у дверей поставленъ длинный шестъ, увѣшанный прядями конскихъ волосъ и разными лоскутами.

Внутренность мавзолея представляетъ нѣкоторый интересъ. Тамъ можно видѣть надъ гробницей, которая покрыта бѣлымъ покрываломъ, нѣсколько роговъ горнаго барана, куски хорошо сохранившагося изразца въ видѣ ex-voto*), а также священное

A ce genre de monuments se rattache le mausolée du saint très vénéré de Sounak ou Souganak qui s'élève à l'une des extrémités de l'immense nécropole de même nom entourée de tous côtés d'un bois de saxaoul plusieurs fois séculaire. Si l'on en croit le tchiraktchi (ermite) ce mausolée contiendrait les restes du saint Alla-Umeï-Hassamoutdine Sahibinhaï, plus connu sous le nom de Sounak-Ata. Il est entièrement construit en briques cuites. Sur les murs de forme carrée s'élève la coupole percée d'une ouverture, côté nord. L'entrée est à l'ouest et donne sur un couloir tenant lieu de vestibule (v. fig.65). Dans l'un des angles extérieurs près de l'entrée on voit une perche à laquelle de pieux pélerins ont suspendu des ex-votos: morceaux d'étoffe blanche, crins de chevaux etc.

L'intérieur du mausolée n'offre pas moins d'intérêt. Sur le sarcophage que recouvre un drap blanc on peut voir des cornes de bélier sauvage, des morceaux de briques émaillées, offrandes de quelque pieux no-

знамя изъ чернаго шелка съ арабскими надписями, привезенное изъ Мекки. Здѣсь же на стѣнѣ гробницы виднѣется листъ бумаги, исписанный арабскими письменами. На священную могилу ежедневно стекается масса паломниковъ (см. рис. 66).

Во многихъ случаяхъ куполъ какъ бы прячется за передній фасадъ мазара, который значительно приподнятъ. Онъ представляетъ изъ себя ровную горизонтальную линію, однообразіе которой иногда нарушается ажурными украшеніями, шишками или столбами. Такимъ является мазаръ одного бывшаго киргизскаго правителя въ Хоръ-Хутѣ или Хорхутѣ Перовскаго уѣзда Сыръ-Дарьинской обл. Этотъ памятникъ сложенъ изъ саманнаго кирпича. Передняя стѣна прикрѣплена столбами изъ того-же кирпича. Ихъ верхушка заканчивается шишками (см. рис. 67). Въ передней стѣнѣ выложена рама въ видѣ двери стрѣльчатой формы, въ которой продѣлана другая дверь. Но что особенно оригинальнаго въ этомъ памятникѣ, это разноцвѣтные рисунки, которые вид-

*) Нерѣдко киргизы кладутъ на могилу своихъ умершихъ родственниковъ, подобные старинные изразцы или кирпичи почитаемые ими.

made*) et un étendard sacré de soie noire couvert d'inscriptions arabes, apporté de la Mecque. A l'un des murs est accrochée une liasse de papiers sur lesquels a été décrite la vie du saint (v. fig. 66). Ce tombeau attire tous les ans une foule de pélerins.

Il arrive souvent que la coupole disparaît derrière la ligne frontale sensiblement surélevée. La sévérité des lignes est parfois interrompue par des ornements ajourés, des tourelles, des pointes etc. Tel nous apparaît le mausolée d'un ancien chef kirghize de Khor-Khoutt ou Khorkhoutt, district de Pérovsk, province du Syr-Daria. La façade de ce monument entièrement fait de briques crues, est renforcée de pylones surmontés de pointes ou de tourelles (v. fig. 67). Dans le mur de façade est encastrée une fausse porte ogivale dans laquelle une seconde porte a été pratiquée. Mais ce qui fait l'originalité du monument ce sont les fresques qu'on

*) Il n'est pas rare de trouver des morceaux de céramique ou de brique émaillés sur les tombes de parents ou amis vénérés des nomades.

ны на внутренней стѣнѣ мавзолея, при чемъ красная и синяя краска преобладаютъ. Я насчиталъ больше ста рисунковъ лошадей, верблюдовъ и барановъ, многіе изъ нихъ уже стерлись. Интереснѣе всего то, что жизнь покойнаго вопреки магометанскому закону воспроизведена художникомъ до мельчайшихъ подробностей. Сцены изъ пастушеской жизни представляютъ покойнаго, то верхомъ на лошади, то на верблюдѣ, то окруженнаго своими сородичами. Въ верхней части на широкой цвѣтной полосѣ, заканчивающейся двумя линіями, тянется караванъ. Справа на лѣво: два нара (одногорбые верблюды), группа верблюдовъ и лошадей, всадникъ, можетъ быть самъ покойный, который съ уздечкой въ рукѣ говоритъ съ женщиной (быть можетъ съ женой). Рядомъ съ нею стоятъ нѣсколько дѣтей. Оба они одѣты по киргизски, какъ и вся свита, состоящая изъ всадниковъ, всего человѣкъ двадцать. Позади нихъ видна длинная линія верблюдовъ. Вторая полоса, покрытая геометрическими рисунками, отдѣляетъ первую отъ третьей, болѣе широкой, на которой видно значительное число лошадей, привязанныхъ къ кольямъ. Гос-

aperçoit sur le mur intérieur et qui sont une anomalie frappante du monde musulman. Non seulement les animaux mais aussi la figure humaine est ici représentée. La vie du défunt est reproduite sur les murs du tombeau jusque dans ses moindres détails. Des scènes de la vie pastorale représentent le défunt parmi ses gens et ses troupeaux. Sur la partie supérieure on distingue sur une large bande de couleur limitée par deux lignes, une caravane qui défile; c'est de gauche à droite: deux dromadaires, un groupe de chameaux et de chevaux, un cavalier, le défunt peut-être, qui la bride au bras parle avec une femme, tous deux vêtus comme les Kirghizes, et toute un suite de cavaliers, une vingtaine en tout. Derrière eux on voit encore une longue file de chameaux. Une deuxième bande couverte de dessins géométriques sépare la première d'une troisième, celle-ci plus large, où se voit un nombre considérable de chevaux attachés à des piquets. Les couleurs dominantes sont le

подствующіе цвѣта-это красный, синій, черный и желтый. На одной изъ боковыхъ стѣнъ мавзолея замѣтны отрывки надписей арабскими буквами, которыя отчасти стерлись.

Фрески такого рода были замѣчены на стѣнахъ киргизскихъ могилъ Уральской области, расположенныхъ на берегахъ рѣки Илека, въ ста верстахъ къ югу отъ Оренбурга около озера Тузъ-Куля и въ 10 верстахъ отъ поселка Линевскаго. Какъ видно изъ сообщенія помѣщеннаго въ «Извѣстіяхъ общества археол. ист. и этногр. при Имп. Казанскомъ Университетѣ» Т. XI вып. 4, внутри нѣкоторыхъ изъ этихъ деревянныхъ мавзолеевъ по стѣнамъ расписаны аттрибуты кочевника: кибитка, лошадь, верблюдъ, баранъ и принадлежности домашняго обихода*). Рисунки принадлежатъ рукѣ киргизскихъ художниковъ и имѣютъ весьма отдаленное сходство съ тѣми предметами или животными, которыхъ хотѣлъ онъ изобразить.

*) Авторъ этого сообщенія, появившагося также и въ „Оренбургскомъ краѣ“ за 1893 № 57, не говоритъ однако, представлены ли были человѣческія фигуры на этихъ фрескахъ.

rouge, le bleu, le noir et le jaune. Sur l'un des côtés on remarque des fragments d'écriture dont les caractères arabes sont en partie détruits ou effacés.

Des fresques de ce genre furent signalées dans des tombeaux kirghizes de la province d'Ouralsk sur les bords de l'Ilek à cent verstes au sud d'Orenbourg près du lac Touz-Koul. Les monuments funéraires étaient en bois et rappelaient extérieurement les zimovki*) des Kirghizes. Tous étaient munis de portes et de fenêtres. Les murs intérieurs de ces monuments étaient couverts de peintures parmi lesquelles on distinguait des tentes, des chevaux, des chameaux, des moutons et des objets faisant partie du mobilier des nomades**). Les peintures sont l'œuvre de quelque artiste kirghize; la plupart n'ont qu'une faible ressemblance avec les personnages qu'il a voulu représenter.

*) La zimovka est une sorte de construction en terre servant à l'hivernage des nomades.

**) L'auteur de cette communication parue dans le journal „Orenbourski Kraï“ de l'année 1893 № 57 ne dit pas si sur la fresque la figure humaine se trouvait représentée.

На фрескахъ, которыми украшались внутреннія стѣны нѣкоторыхъ мавзолеевъ, въ степяхъ прилегающихъ къ Каспійскому морю, а въ частности въ степяхъ Мангишлака, г. Иванинъ замѣтилъ много рисунковъ, гдѣ возпроизведены предметы, употребляемые въ обиходѣ кочевниковъ: пики, молоты, ружья, сабли и т. п. Эти рисунки—лишь отдаленное эхо фресокъ, которыми украшались могилы въ древности и они рѣдко встрѣчаются въ надгробныхъ сооруженіяхъ кочевниковъ киргизскихъ степей; тѣмъ не менѣе однѣ и тѣже побужденія могли породить одни и тѣже мотивы. Я счелъ нужнымъ упомянуть здѣсь о нихъ.

Но вернемся теперь къ надгробнымъ памятникамъ съ куполами. Изъ всѣхъ мазаровъ такого типа, которые мнѣ удалось видѣть въ киргизскихъ степяхъ, самые внушительные это Сунакскіе, расположенные позади саксауловскаго лѣса въ пустынной мѣстности въ южной части Перовскаго уѣзда на границѣ съ Чимкентскомъ въ Сыръ-Дарьинской области. Огромными размѣрами своихъ могилъ и развалинъ Сунакскій некрополъ производитъ силь-

Sur les fresques qui ornaient les murs intérieurs de certains tombeaux des steppes avoisinant la mer Caspienne et en particulier au Manguichlak M. Ivanine remarqua quantité de dessins où se trouvaient reproduits des objets usités par les nomades: piques, marteaux, fusils, sabres etc. Ces peintures, lointain écho des fresques qui ornaient les tombeaux dans l'antiquité se rencontrent rarement dans les monuments funéraires de la steppe des Kirghizes aussi ai-je cru bon de les signaler ici.

De tous les monuments funéraires à coupole qu'il m'a été donné de voir dans la steppe des Kirghizes il n'en est pas de plus imposants que ceux de Sounak. Surgissant derrière un bois de saxaoul, dans un pays désert la nécropole de Sounak fait impression par les proportions inusitées de ses tombeaux et de ses ruines. Plus qu'ailleurs on sent ici l'influence des maitres dont la puissance créatrice valut à Samarcande son ancienne

ное впечатлѣніе. Болѣе чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, чувствуется здѣсь вліяніе учителей, производительное могущество которыхъ доставило мертвому Самарканду его прежнее величіе. Со всѣхъ сторонъ, куда только достигаетъ взглядъ человѣка, видны куполы, треснувшія ограды, уголъ развалившихся стѣнъ, руины могилъ, кирпичи, которые опять пойдутъ на постройку новыхъ надгробныхъ памятниковъ. А тамъ вдали, по направленію къ Тюменъ-Арыку, выступаетъ другой памятникъ, не менѣе грандіозныхъ размѣровъ, о которомъ выше было говорено—это Кокъ-Кесене, какъ выдающійся часовой огромнаго Сунакскаго некрополя, гигантскій остовъ котораго, видимый на далекомъ разстояніи, гордо поднимается, точно выросшій изъ саксауловаго лѣса, который его со всѣхъ сторонъ окружаетъ. Мѣстами еще видны лакированные кирпичи однообразно синяго цвѣта, которыми раньше былъ облицованъ богатый мавзолей. Своей архитектурой этотъ памятникъ напоминаетъ пышныя постройки Тамерлана (см. рис. 60—61). Внутри купола имѣется, повидимому, арабская надпись,

splendeur. De quelque côté que les regards se portent ce ne sont que coupoles, enceintes lézardées, pans de murs écroulés, ruines de tombeaux dont les briques trouveront leur emploi dans l'édification de nouveaux mausolées. Et la-bas, dans la direction de Tiumèn-Aryk, un autre monument aux proportions non moins grandioses s'élève: c'est le Kok-Kussenè, sentinelle avancée de l'immense nécropole de Sounak dont l'ossature géante, visible de fort loin émerge fièrement au-dessus des saxaouls qui l'enserrent. Par endroits on voit encore des briques de couleur uniformément bleue et qui sont un dernier vestige du revêtement extérieur de l'édifice. Par son architecture ce mausolée rappelle les somptueux monuments élevés par Tamerlan (fig. 60—61). A l'intérieur, sur le pourtour de la coupole, on voit des inscriptions en partie détruites mais probablement arabes qui se répètent cinq ou 6 fois. Sur le caveau disposé sous la coupole a

трудно разбираемая, которая повторяется вокругъ купола пять или шесть разъ. Надъ гробницей прикрѣплено знамя эмблема святыхъ.

И такъ, въ этомъ царствѣ могилъ, которое представляетъ изъ себя кладбище Сунака, преобладаютъ мавзолеи съ однимъ и даже съ двумя куполами, всѣцѣло сложенные изъ хорошаго жженаго кирпича (см. табл. XXIV рис. 71).

Къ мавзолеямъ съ двумя куполами, изъ которыхъ одинъ яицеобразный, принадлежитъ памятникъ богатаго киргиза Тургайской Области (см. рис. 69) Онъ сложенъ изъ хорошого кирпича. Въ обоихъ куполахъ виднѣются узкія отверстія. Снаружи длинныя стороны этого мавзолея украшены фальшивыми дверьми, верхняя часть которыхъ напоминаетъ египетскую стрѣльчатую арку.

Иногда стѣны передняго фасада оживляются геометрическими фигурами составленными изъ ловко скомбинированныхъ кирпичей, иногда разноцвѣтныхъ Монотонность верхней части стѣны нарушается шиш-

été fixé un étendard, insigne vénéré des bienheureux.

Dans cette immense nécropole de Sounak les mausolées à simple coupole sont en majorité mais il en est à double coupole, l'une généralement plus petite, le tout fait de briques cuites (v. fig. 71).

A cette catégorie de monuments funéraires il faut rattacher celui d'un riche Kirghize de la province de Tourgaï entièrement en brique cuite; l'une des coupoles, comme on peut le voir, a l'aspect ovoïde (v. fig. 69). Les deux coupoles ont été percées d'une petite ouverture. Les murs extérieurs du mausolée sont ornés de fausses portes dont la partie supérieure rappelle l'arc ogival égyptien.

Parfois les murs de façade s'agrémentent de dessins géométriques tirés de la juxtaposition savamment combinée des briques, quelquefois émaillées. La sévérité des lignes est souvent atténuée par des motifs dé-

ками или ажурными минаретами. Невысокій куполъ прячется за фронтономъ и не виденъ съ передняго фасада зданія. Въ такомъ родѣ мусульманская святыня «Ауліе-Ата» (см. рис. 70), отъ которой получилъ свое названіе городъ того-же имени одного изъ уѣздовъ Сыръ-Дарьинской области. По преданію эта могила содержитъ останки одного уйгурскаго или карлукскаго князя, который первый изъ древнихъ турокъ принялъ Исламъ; этотъ памятникъ выстроенъ изъ однихъ китайскихъ кирпичей съ двумя ажурными минаретами изъ глазированныхъ кирпичей по бокамъ; несмотря на невзгоды времени онъ еще сохранилъ свою грандіозность. Фасадъ его слегка скрадывается деревьями. Эта часть наиболѣе сохранившаяся и наиболѣе интересная. Нѣкоторые изъ рисунковъ передней стѣны имѣютъ видъ креста, особенность, присущая порядочному числу киргизскихъ могилъ. Извѣстно, что г. Пантусовъ, путешествуя по сосѣдству съ русско-китайской границей Пржевальскаго уѣзда Семирѣченской обл., находилъ каракиргизскія могилы, на которыхъ онъ замѣтилъ украшенія въ формѣ креста. Такія же

coratifs: pointes, tourelles, minarets ajourés. La coupole disparaît le plus souvent derrière la ligne frontale généralement surélevée. Tel nous apparaît le monument funéraire du bienheureux Aouliè-Ata (v. fig 70) qui a donné naissance au bourg de même nom, chef-lieu de district de la province du Syr-Daria. Si l'on en croit la légende ce mausolée contiendrait la dépouille d'un prince ouïgoure ou karlouk qui le premier d'entre tous les anciens Turcs serait passé à l'islam. Entièrement construit en briques chinoises, l'édifice, malgré les injures du temps, ne manque pas de grandeur. La ligne frontale est dans sa partie extrême flanquée de deux minarets ajourés entièrement recouverts de briques vernissées. La façade légèrement cachée par les arbres est la partie la plus intéressante et la mieux conservée. Certains de ses dessins ont l'aspect d'une croix, particularité qui se retrouve sur nombre de monuments funéraires kirghizes. M-r Pantoussoff voyageant dans le voisinage de la

самыя украшенія находятся въ громадномъ числѣ на могилахъ каракиргизовъ по рѣкѣ Кокшалу на китайской территоріи. Большинство изъ нихъ съ куполами или кумбезами, какъ ихъ также называютъ въ этихъ мѣстахъ. Иные надмогильные памятники, принадлежатъ по мнѣнію автора замѣтки бѣднымъ каракиргизамъ и состоятъ, какъ видно изъ рисунка, приложеннаго къ статьѣ, и который мы здѣсь воспроизводимъ, изъ двухъ плитъ имѣющихъ форму правильнаго прямоугольника, верхняя меньшая по размѣрамъ, чѣмъ нижняя. На надгробіи виднѣется глинобитная круглая подушка съ изображеніемъ креста на лицевой ее сторонѣ (см. таб. XXVI рис. 73).

Изъ наиболѣе типичныхъ мавзолеевъ съ куполами на тамбурахъ слѣдуетъ указать на памятникъ, воздвигнутый надъ могилой Байтака Уральскаго уѣзда. Куполъ концеобразной формы приподнятъ надъ многограннымъ барабаномъ. На каждой граненой сторонѣ сдѣ-

frontière russo-chinoise, district de Prjévalsk, province des Sept-Rivières, trouva des tombeaux karakirghizes sur lesquels il remarqua des ornements en forme de croix. Ces mêmes motifs se retrouvent, en plus grand nombre, sur les tombeaux de la vallée du Kokchalou en territoire chinois. La plupart de ces monuments funéraires sont à coupole. Quelques-uns que nous reproduisons ici fig. 73. sont formés de deux dalles rectangulaires dont l'une d'elles, la dalle supérieure est plus petite que la dalle inférieure. Le monument est surmonté d'un ornement longitudinal en forme de cylindre rappelant un oreiller. Sur l'une des faces on aperçoit une croix, signe distinctif de la tribu.

Parmi les monuments à coupole offrant un intérêt architectural il convient encore de citer le mausolée de Baïtak dans le district d'Ouralsk. La partie supérieure en forme de cône se trouve surélevée par un tambour à plusieurs faces sur chacune

ланы фальшивыя стрѣльчатыя окна, снабженныя двойной рамой (см. таб. XXII рис. 68). Все это покоится на четырехъугольной оградѣ съ стрѣльчатой дверью.

Такой же видъ представляетъ изъ себя многогранный мавзолей святого Шейхантаура въ Ташкентѣ. Но здѣсь грани барабана совпадаютъ съ гранями куполообразной верхушки (см. таб. XXVII рис. 76). Рядомъ съ мавзолеемъ виднѣются священныя сухіи деревья, очень почитаемыя туземцами.

Не менѣе интересенъ и надгробный памятникъ «Кисене» (см. рис. 72). Этотъ памятникъ лучшій изъ произведеній туземной архитектуры; онъ построенъ на земляхъ Оренбургскихъ казаковъ Велико-Петровской станицы Верхнеуральскаго уѣзда въ 40 верстахъ отъ уѣзднаго города Троицка. Зданіе «Кисене», много разъ описанное, было посѣщено впервые въ 1771 г. г. Рычковымъ и нѣсколько лѣтъ позднѣе г. Палласомъ, который и далъ его подробное описаніе въ своихъ путевыхъ запис-

desquelles ont été ménagées des fausses fenêtres de forme ogivale munies d'un double encadrement (v. fig. 68). Le tout repose sur une enceinte quadrangulaire percée d'une porte ogivale.

Même conception de l'artiste dans le mausolée à facettes du bienheureux Cheik-an-Taour à Tachkent, mais ici les facettes du tambour correspondent à celles de la coupole (v. fig. 76). A côté du mausolée on voit des arbres au tronc desséché mais qui étant sacrés, sont l'objet d'un vrai culte de la part des indigènes.

Non mois intéressant est le monument funéraire que nous reproduisons ci-dessous et qui porte le nom de Kissené (v. fig. 72). Ce mausolée, l'un des plus beaux spécimens de l'architecture des nomades de la steppe kirghize est situé sur le territoire des Cosaques d'Orenbourg dans la stanitza de Véliko-Pétrovskaïa district de Verkhné-Ouralsk. Ce monument maintes fois décrit fut visité en 1771 par Rytchkoff et

кахъ. Граненый куполъ опирается тоже на граненый барабанъ, углы котораго закруглены у своего начала. Все покоится на стѣнахъ ограды, чувствительно пострадавшей отъ времени. Арка входа портала, составленная изъ соединенія стрѣльчатой и подковообразной арки, имѣетъ форму поперечнаго разрѣза корпуса судна, повернутаго килемъ вверхъ. Эта форма портала, наиболѣе характерная для магометанской Индіи и Персіи, заслуживаетъ вниманія. Построенная въ глубинѣ стѣны наподобіе ниши, она снабжена отверстіемъ, которое даетъ доступъ въ памятникъ.

Такой же громадный порталъ, составляющій главное архитектурное украшеніе нѣкоторыхъ памятниковъ, встрѣчается также въ Вѣрненскомъ уѣздѣ въ могилахъ Безмайнакскаго плато въ уроч. Суокъ-Тюбе-Кейсыкъ-Мола (см. рис. 77).

Очень своеобразный памятникъ Кызъ-Мола расположенъ

quelques années plus tard par Pallas qui en a donné une description très détaillée dans ses notes de voyage. La coupole en forme de pyramide octogonale s'appuie sur un tambour également octogonal mais dont les arêtes sont arrondies à la naissance. Le tout repose sur les murs d'enceinte sensiblement atteints par l'injure du temps. Le porche fortement cintré rappelle la quille d'un navire. Cette forme, l'une des plus caractéristiques de l'Inde musulmane mérite d'être signalée. Ménagé dans l'épaisseur du mur à la façon des niches, le porche est percé d'une ouverture qui donne accès au monument.

Des porches aux dimensions colossales forment l'ornementation principale de certains monuments funéraires du dictrict de Vierny comme ceux de Suok-Tubè-Keïssyk dans les steppes du plateau de Bezmaïné (v. fig. 77).

D'une construction peu commune est le monument de Kiss-Molah près

около горы Базаръ-Бай по близости отъ верховья рѣки Туе-Тасъ, которая впадаетъ въ Илекъ около ж. д. станціи Чашканъ. Преданіе гласитъ, что нѣкогда въ этой области кочевалъ богатый киргизъ изъ дальнихъ мѣстъ киргизской степи, у котораго въ это время умерла дочь. Здѣсь онъ ее и похоронилъ. Памятникъ изготовленъ на мѣстѣ ея родины и привезенъ впослѣдствіи. Онъ состоитъ изъ монолита въ видѣ прямоугольника параллелепипеда, поставленнаго узкой стороной на пьедесталъ. Въ верхней сторонѣ этого монолита сдѣланъ глубокій вырѣзъ во всю длину, причемъ стороны вырѣза обращены выпуклостью вверхъ (см. р. 74)*). Пьедесталъ состоитъ изъ двухъ плитъ, нижняя имѣетъ форму правильнаго прямоугольника, а верхняя имѣетъ съ двухъ узкихъ сторонъ вырѣзы такой же формы, какъ описанный вырѣзъ на монолитѣ. На одномъ изъ боковъ виднѣются три фигуры въ видѣ елки, нацарапанныя ножемъ или остроконечнымъ орудіемъ, сдѣланныя повидимому позднѣе.

*) Это сообщеніе записано со словъ Д. Н. Соколова, а рисунокъ также исполненъ по его указаніямъ.

du mont Bazar-Baï dans la vallée supérieure du Tueh-Tass, affluent de l'Ilek, district d'Aktioubinsk. Si l'on en croit la légende, un riche Kirghize venu de fort loin aurait campé dans cette contrée et ayant eu la douleur de perdre sa fille, il lui aurait élevé le tombeau que l'on voit de nos jours. Les pierres du monument auraient été apportées déjà prêtes du pays d'origine. Le monument se compose d'un monolithe dont la forme est celle d'un parallélipipède qui repose sur un piédestal. La partie supérieure du monolithe porte dans toute sa longueur une profonde entaille dont les deux côtés sont renflés vers le haut (v. fig. 74*). Le piédestal se compose de deux marches rectangulaires. La marche supérieure porte également une entaille. Sur l'un des côtés du monolithe on voit trois figures en forme de pins, faites apparemment au couteau ou avec tout autre instrument tranchant mais à une époque postérieure.

*) Cette communication a été écrite sous la dictée de M. Sokoloff; le dessin que nous reproduisons ici a été exécuté d'après ses indications.

Памятникъ Кызъ-Мола поставленъ по словамъ киргизъ уже нѣсколько поколѣній тому назадъ.

Большая часть памятниковъ, особенно тѣхъ, которые построены на могилѣ святыхъ, породили массу легендъ, гдѣ ярко отражается психологія кочевниковъ. Изъ самыхъ извѣстныхъ слѣдуетъ отмѣтить легенду, такъ часто описываемую, о Козу-Керпечъ и Баянъ-Слу, надгробный памятникъ которымъ возвышается въ Семирѣченской области (см. таб. XIV рис. 53), легенду о Кызылъ-Тамъ, о Кызъ-Мола, объ Айтолконъ-Тамъ въ Актюбинскомъ уѣздѣ Тургайской области, о Хобланда въ Уральскомъ уѣздѣ, о Хорхутъ-Ата, Хоросанъ-Ата и Кармакчи-Ата въ Перовскомъ уѣздѣ Сыръ-Дарьинской области, о Ляйли-Мяжнунъ въ Верхнеуральскомъ уѣздѣ Оренбургской губ. и т. д. (см. въ моемъ трудѣ «Древности киргизской степи и Оренбургскаго края» вып. XXII Оренб. Уч. Арх. Ком.).

Надгробные степные памятники служатъ предметомъ насто-

Au dire des Kirghizes ce monument aurait été élevé depuis plusieurs générations.

La plupart des monuments funéraires, et plus particulièrement ceux qui ont été édifiés sur la tombe d'un saint, ont donné naissance à une quantité de légendes où se reflète nettement la psycologie du nomade. Parmi les plus connues il convient de citer la légende si souvent décrite de Kozou-Kerpetch et de Bayan-Slou dont le monument funéraire s'élève dans la province des Sept-Rivières (v. fig. 53), la légende de Kiss-Molah, d'Aïtolkun-Tam et celle du Kizyl-Tam au nord d'Aktioubinsk, de Khoblanda dans le district d'Ouralsk, de Khorkhoutt-Ata, de Khorossan-Ata, de Karmaktchi-Ata dans la province du Syr-Daria, de Liaïli-Miajnoun dans le gouvernent d'Orenbourg etc. (v. mon ouvrage „Antiquités de la steppe des Kirghizes et du pays d'Orenbourg".

Les monuments funéraires des steppes sont de la part des Kirghi-

ящаго религіознаго почитанія со стороны киргизъ. Они не только никогда не касаются могилъ какого нибудь рода, враждебнаго ему, но даже проѣзжая мимо нихъ этотъ суевѣрный кочевникъ спускается съ лошади, начинаетъ читать краткую молитву духу святого, патрону могилы. Удаляясь, онъ не преминетъ оставить что нибудь въ даръ святому. Этимъ-то и объясняется такое грададное число прядей волосъ отъ лошадиныхъ гривъ, привязанныхъ къ жердямъ, которыя стоятъ обыкновенно у входа въ памятникъ.

Что же касается до клочковъ матерій, тоже столь многочисленныхъ, они видимо отрываются кочевниками отъ собственной одежды. Извѣстно, что вывѣшиваніе тряпокъ, клочьевъ волосъ и прочихъ предметовъ на могилахъ или на деревьяхъ, вблизи священныхъ мѣстъ, имѣетъ символическое значеніе. Этотъ обычай распространенъ во всѣхъ странахъ земного шара. (См. рис. 58, 65. 70, 76).

Иногда случается, что какой нибудь отшельникъ, «чиракчи»,

zes l'objet d'un véritable culte. Non seulement il ne touche jamais aux sépultures à quelque tribu, amie ou ennemie qu'elle appartienne, mais passant devant l'un de ces monuments le superstitieux nomade descend de sa monture et s'en vient adresser une courte prière au génie protecteur du tombeau. Avant de s'éloigner il ne manque pas de laisser son offrande votive. Ceci explique la quantité de loques, de crins de chevaux attachés aux perches qu'on voit à l'entrée du monument. Les bouts de chiffon sont généralement prélevés sur l'étoffe de ses hardes.

La présence de pareils objets sur la tombe de quelqu'un ou sur les arbres voisins de lieux saints a une réelle signification symbolique. On sait que cette coutume est répandue sur tous les points du globe (v. fig. 58, 65, 70, 76).

Il arrive parfois qu'un solitaire voulant s'attirer la bienveillance des

желая привлечь приношенія вѣрныхъ и почесть, которую воздаютъ святымъ послѣ смерти, пристроится около памятника какого нибудь «ауліе» (святого), часто даже въ его мавзолеѣ. Трогательное состраданіе и благодѣянія кочевниковъ всегда поддерживаютъ жизнь такого пустынника.

hommes et les honneurs qu'on rend aux saints après la mort, vient se fixer auprès du mausolée de quelque „aoulieh" (saint), parfois dans le mausolée même. La charité touchante du nomade pourvoit toujours à la subsistance de l'ermite.

Въ связи съ описаніемъ надгробныхъ памятниковъ не лишне будетъ ознакомиться и съ обрядами, которые сопровождали въ разное время и въ различныхъ мѣстахъ погребеніе въ нихъ киргизскихъ покойниковъ.

Avant de terminer il n'est pas sans intérêt de rappeler les diverses cérémonies funèbres qui a diverses époques et en différents lieux ont accompagné la mise au tombeau des Kirghizes.

Похоронные обряды

КИРГИЗЪ

съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней

Cérémonies funèbres

des Kirghizes

depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours.

У киргизъ похоронные обряды похожи на обряды татаръ или сартовъ, ихъ сородичей по исламу; однако нѣкоторыя детали варіируютъ у разныхъ племенъ. Это объясняется тѣмъ, что киргизы, какъ и всѣ тюркскія племена, въ очень отдаленное время отъ насъ исповѣдывали шаманство. Впослѣдствіи воспринимая мусульманство, они не вполнѣ могли отказаться отъ нѣкоторыхъ обрядовъ, присущихъ прежней ихъ религіи; эти обряды, какъ отголоски, все еще сохранились до нашихъ дней.

Такъ, по смерти кого нибудь разсылаются по всѣмъ направленіямъ всадники сообщить

Les cérémonies funèbres des Kirghizes se rapprochent de celles des Sartes ou des Tartares leurs congénères musulmans, cependant certains détails, variables très souvent de tribu à tribu, méritent d'être signalés. Ces différences s'expliquent si l'on tient compte de ce que les Kirghizes, comme du reste toutes les tribus turques, professaient autrefois le chamanisme. Par la suite, lorsque ces peuples passèrent à l'islamisme ils ne purent se défaire de certaines pratiques, base de leur ancienne religion; quelques-unes, lointain écho du passé, ont survécu jusqu'à nos jours.

A la mort d'un membre de la tribu, des courriers sont envoyés dans toutes les directions pour faire

печальную новость роднымъ или друзьямъ покойнаго; изъ окрестныхъ ауловъ приглашаются муллы, которые съ поспѣшностью являются въ кибитку умершаго для чтенія положенныхъ молитвъ и корана.

Человѣка, умершаго вечеромъ, хоронятъ утромъ, умершаго ночью или утромъ, хоронятъ въ наступившій день. Вообще хоронятъ, какъ только всѣ близкіе собрались на обрядъ погребенія, однако не позже полсутокъ.

У каракиргизъ замужняя дочь приходитъ на похороны съ мужемъ и свекромъ. Если они живутъ далеко, то являются черезъ мѣсяцъ. Ихъ лошадей привязываютъ посторонніе люди изъ аула покойнаго.

Въ день смерти, жена надѣваетъ черную одежду, а дочь надѣваетъ бѣлую одежду и красную шапку. По другимъ свѣдѣніямъ плачущая по мужѣ надѣваетъ на голову черный

savoir la triste nouvelle aux parents et amis du défunt; des aouls (campements) voisins on fait venir les mullahs qui se rendent aussitôt à la tente du mort pour y lire les prières d'usage et le Coran.

Si la personne est morte le soir on l'enterre généralement le lendemain matin; si elle est morte la nuit ou le matin, on l'enterre ce même jour après que les plus proches ont eu le temps d'arriver.

Chez les Karakirghizes la fille du défunt, si elle est mariée est tenue d'assister aux funérailles en compagnie du mari et du beau-père, mais si le campement est par trop éloigné ils peuvent différer leur voyage d'un mois; à cet effet, des gens étrangers à l'aoul préparent leurs chevaux.

Le jour du décès la veuve met un costume noir et les filles, s'il y en a, un costume de couleur blanche avec, sur la tête, une toque rouge. Dans certaines tribus, la femme pleurant

платокъ (кара-яцлыкъ), плачущая по другомъ человѣкѣ, напр. по сынѣ, покрываетъ себѣ голову бѣлымъ платкомъ.

У китайскихъ киргизъ Тарбагатайскаго округа, когда умретъ мужчина, ставятъ высоко у передняго угла юрты сѣдло. Халатъ и одежды умершаго прицѣпляютъ къ лукѣ сѣдла, прицѣпляютъ одежду за воротникъ, прицѣпляютъ, если есть, и поясъ, на переднюю луку сѣдла, на воротникъ одежды надѣваютъ шапку.

Если умретъ юноша, то къ копью на подобіе знамени привязываютъ красную ленту. Древко копья стоитъ въ юртѣ, въ переднемъ углѣ; а конецъ копья съ лентою возвышается надъ юртою.

Если умретъ женщина, то сѣдло кладутъ на спину верблюда; сѣдло покрываютъ сверху одеждою и платкомъ. Этого верблюда ведетъ за поводъ, если есть дочь, а если ея нѣтъ, то ведетъ невѣстка.

Во многихъ мѣстахъ киргизскихъ степей, какъ сообщаетъ, Алтынсаринъ, существуетъ слѣ-

un autre homme, le fils par exemple, se couvre la tête d'un mouchoir blanc.

A la mort d'un homme les Kirghizes du district chinois de Tarbagataï exposent une selle à l'entrée de la hutte. A l'arçon de la selle on suspend les habits du défunt y compris sa ceinture et son bonnet.

Si le défunt est encore jeune on attache un ruban rouge à la crinière du cheval. Une pique, surmontée d'un ruban de même couleur, est placée à l'entrée de la hutte, la hampe à l'intérieur.

A la mort d'une femme on place une selle sur le dos d'un chameau; sur la selle on dépose les habits de la défunte qu'on recouvre d'un morceau d'étoffe; le soin de conduire le chameau est confié à la fille de la défunte ou à sa bru.

Dans certaines parties de la steppe kirghize, l'ancienne coutume de planter une pique à l'entrée de la

дующій древній обычай: какъ только умираетъ киргизъ, въ юртѣ его тотчасъ-же устанавливаютъ особымъ образомъ его *найзу* или пику, а именно, ставятъ ее въ вертикальномъ положеніи и при томъ такъ, чтобы острый конецъ ея выходилъ черезъ крышу юрты наружу; на этотъ конецъ навязываютъ особый флагъ, цвѣта краснаго или чернаго или бѣлаго, смотря по тому, какого возраста былъ умершій, молодой, или среднихъ лѣтъ, или старикъ. Въ такомъ положеніи найзу оставляютъ годъ или болѣе до особыхъ поминокъ по умершемъ, во время которыхъ при соблюденіи особыхъ обрядовъ найзу переламываютъ и затѣмъ втыкаютъ въ могилу умершаго.

Обычай ломать и сгибать оружіе и орудія, предназначенныя для помѣщенія въ могилу, часто встрѣчается у первобытныхъ племенъ всѣхъ странъ. По мнѣнію Анучина одной изъ причинъ этого обычая является повѣрье, что только согнутые или сломанные предметы будутъ годны для употребленія покойникамъ на томъ свѣтѣ. Въ основаніи этого повѣрья лежитъ анимизмъ неодушевленныхъ предметовъ.

tente est encore assez usitée. Parlant des cérémonies funèbres des Kirghizes de la province du Syr-Daria M. Altinsarine dit que la hampe de la *naïza* (pique) doit être plantée à l'intérieur de la tente tandis que le bout de la pique doit se trouver à l'extérieur. Un petit drapeau de couleur rouge, noire ou blanche, selon l'âge du défunt, flotte au bout de la pique. Une année durant on laisse la pique ainsi plantée surmontée du drapeau. Le jour anniversaire de la commémoration du mort on enlève la pique d'après les rites, on en brise la hampe et on va la déposer sur la tombe du défunt

La coutume de tordre ou de briser les armes destinées à être déposées sur ou dans les tombes était très répandue chez les peuples primitifs de tous les pays. D'après M. Anoutchine, cette coutume s'explique entre autres, par le fait que seuls les objets tordus ou brisés peuvent être employés dans l'autre monde; cette croyance est basée sur l'animisme des objets inanimés.

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Тургайской и Уральской обл. женщины, не имѣя права видѣть лицо покойнаго, запираются въ кибиткѣ, поставленной рядомъ съ кибиткой умершаго. Это ограниченіе не существуетъ въ Казалинскомъ и Перовскомъ уѣздахъ Сыръ-Дарьинской обл., гдѣ женщины, приставленныя къ трупу для причитаній, безпрестанно его спрашиваютъ о причинѣ, по которой онъ ихъ покинулъ.

Причитанія, чаще всего слишкомъ крикливыя и шумныя, общій обычай у киргизъ. Въ горѣ жена покойника начинаетъ рвать себѣ волосы, царапать лицо, испуская ужасные вопли, но не всѣ вдовы умѣютъ это. Поэтому на похороны приглашаютъ плакальщицъ (*йилауккеръ хатынъ*). Плакальщица никогда не сидитъ на землѣ, а на постели или на чемъ нибудь другомъ. Она подпираетъ себѣ обѣими руками бока и наклоняется туловищемъ впередъ.

У каракиргизъ плакальщица должна сидѣть на землѣ, спиной къ двери; на пологнутой лѣвой ногѣ лежитъ лѣвая рука; правая ея нога поставлена ступ-

Dans certains districts des provinces d'Ouralsk et de Tourgaï les femmes n'ayant pas le droit de voir le visage du mort sont confinées dans une tente spéciale, élevée à la hâte, à côté de celle du défunt. Cet ostracisme n'existe pas dans les districts de Kazalinsk et de Pérovsk, province du Syr-Daria où les femmes admises à pleurer à côté du mort, interrogent sans cesse ce dernier sur les raisons qu'il a eues de les quitter.

Les lamentations, le plus souvent exagérées, sont d'un usage général chez les Kirghizes. Dans sa douleur la femme du mort va jusqu'à s'arracher les cheveux et se couvrir le visage d'égratignures en poussant des hurlements affreux. Les pleurs et les lamentations faisant partie des rites sont de rigueur, aussi les veuves qui ne pourraient accomplir dignement ce cérémonial font appel aux pleureuses. Ces dernières, *iilaouker-kattyn*, ne doivent pas s'asseoir à même sur la terre*), mais bien sur un tapis, sur un lit etc., tout en ob-

*) L'inverse a lieu chez les Karakirghizes.

нею на землю. На колѣнѣ правой ноги находится локоть правой руки, подпирающей щеку. Плачъ ея касается дѣятельности, ремесла и богатства покойнаго.

По сообщенію А. Диваева лѣтъ двѣсти тому назадъ, когда умиралъ бѣлобородый старикъ, то собирались дѣти его и прочіе люди; всѣ они имѣли въ рукахъ палки, и опершись на нихъ, плакали, желая выразить этимъ глубокую скорбь по умершему. Необходимо здѣсь подчеркнуть этотъ фактъ и сопоставить его съ этрусскимъ атрибутомъ lituus, о которомъ я упоминалъ въ моемъ этюдѣ о бабахъ (см. «Древности киргизской степи и Оренбургскаго края» стр. 313). Этотъ аттрибутъ въ видѣ изогнутой палки встрѣчается на первобытныхъ скульптурахъ департамента Гаръ во Франціи и Розенбергъ въ Германіи. Въ настоящее время молодымъ людямъ и дѣтямъ киргизы строго воспрещаютъ опираться о палку и въ такихъ слу-

servant une pose bien définie: sur la jambe gauche repliée, la pleureuse tient sa main gauche; sur le genou droit s'appuie le coude de la main droite; celui-ci sert de support au menton qui s'emboîte dans la paume de la main. Dans ses lamentations la pleureuse rappelle les qualités et les richesses du défunt.

M. Divaeff parlant des Kirghizes d'il y a deux cents ans rappelle l'étrange coutume qu'avait ce peuple, à la mort d'un vieillard, de porter un bâton sur lequel on s'appuyait en pleurant. C'était une façon de témoigner sa douleur aux morts. Il est bon de souligner ce fait et de le rapprocher du *lituus* étrusque dont je parlais dans mon étude sur les babas et autres sculptures primitives (v. mon ouvrage „Antiquités de la steppe des Kirghizes et du pays d'Orenbourg p. 313). Cet attribut en forme de bâton recourbé se retrouve sur quelques statues primitives de France (Collorgues et d'Allemagne (Rosenberg). De nos

чаяхъ съ сердцемъ прикрикиваютъ на нихъ «брось, не дѣлай того, что предвѣщаетъ недоброе». Жена во время плача расплетала свои косы и распускала ихъ на плечи, потомъ царапала себѣ лицо до тѣхъ поръ, пока не струилась кровь.

По сильно распространенному обычаю въ Эмбенской волости Темирскаго уѣзда Уральской области всякаго киргиза, умершаго въ зимовкѣ, нужно немедленно перенести въ кибитку, обратнаго случая никогда не встрѣчается (по Леваневскому).

Покойника сначала обмываютъ, а затѣмъ наряжаютъ въ лучшее платье или пеленаютъ въ холстъ. У китайскихъ киргизъ, какъ сообщаетъ Катановъ, люди, которые обмываютъ покойнаго, не прикасаются къ трупу голыми руками и дѣлаютъ изъ бязи рукавицы и надѣваютъ ихъ на руки. Воду льютъ на трупъ сквозь бязь. Эту бязь беретъ себѣ человѣкъ, который

Jours cette coutume est rigoureusement proscrite et s'il arrive que quelqu'un l'oublie, le premier qui s'en aperçoit s'empresse de prévenir l'auteur de l'infraction à l'usage en criant: „laisse ton bâton, ne fais pas ce qui augure un mauvais présage". Durant les lamentations, la veuve laissait flotter ses cheveux sur les épaules et s'égratignait le visage.

D'autre part, M. Levanevski parlant des Kirghizes de la province d'Ouralsk signale une coutume très répandue dans le volost de l'Emba: lorsqu'un Kirghize meurt dans sa *zimovka**) l'usage veut qu'on l'emporte aussitôt dans une *kibitka***) élevée à la hâte; le contraire n'a jamais lieu.

Le corps une fois lavé, on procède à la toilette du mort; ceci fait on lui donne ses meilleurs habits ou bien on l'enroule dans un suaire. M. Katanoff parlant des Kirghizes de Chine, dit que les personnes ayant pris part à la toilette du mort, reçoivent les habits de ce dernier préala-

*) hutte en terre, maison pour l'hivernage.
**) Tente de nomade.

обмывалъ трупъ; одежду покойника отдаютъ мыть; но мытье это не должно производиться до появленія первыхъ звѣздъ.

По сообщенію Торгая у киргизъ рода Ошакты Сыръ-Дарьинской обл. немедленно послѣ обмыванія къ трупу подводятъ съ правой стороны верблюда и перекидываютъ поводъ черезъ трупъ муллѣ, сидящему по другую сторону, говоря ему: «мы тебя назначили для очищенія отъ грѣховъ по молитвѣ (*намазнингъ кафаратига сени койдыкъ*); берешь ли ты на себя грѣхи усопшаго по неисполненію (каза) имъ пятикратной молитвы? Мулла три раза отвѣчаетъ, что беретъ, и получаетъ верблюда или лошадь. Этотъ обрядъ можетъ быть совершенъ сначала съ верблюдомъ, потомъ съ лошадью, съ быкомъ, наконецъ съ бараномъ. За неимѣніемъ муллы, этотъ обрядъ называемый «дауръ», совершаетъ родственникъ.

blement lavés selon les rites; le lavage ne doit pas s'effectuer avant l'apparition des premières étoiles. Les préposés au lavage du mort n'ont garde de toucher le corps. A cet effet ils mettent des mitaines qui leur recouvrent une partie de l'avant-bras. L'eau est versée sur le cadavre à travers un tamis de toile.

D'après M. Torgay les Kirghizes de la tribu d'Ochakti, dans la province du Syr-Daria ont coutume d'amener un chameau près du cadavre, (côté droit). A la gauche de ce dernier est assis un mullah. L'homme ayant amené le chameau lance au mullah par dessus le cadavre la bride de l'animal en disant: „Nous t'avons appelé pour que tu laves ses péchés par la prière *namazning kafaratiqa seni koïdyk*; veux-tu prendre sur toi les péchés du mort? Trois fois de suite le mullah répète qu'il les prend et il reçoit alors le chameau. Cette cérémonie qui porte nom de *daour* peut également se faire avec un cheval, un bœuf

Въ Семипалатинской области, по сообщенію Катанова, покойника-киргиза завертываютъ въ особаго рода саванъ, называемый *ахретъ*. Послѣдній состоитъ изъ нѣсколькихъ простынь,— трехъ для мужчины и пяти или семи для женщины—сшитыхъ изъ тонкой, бѣлой ташкентской ткани; изъ той же матеріи приготовляются длинныя завязки, которыми и затягиваютъ ахретъ надъ головой, въ таліи и ступняхъ покойника; руки покойника всегда вытянуты вдоль тѣла.

Но вотъ умершій уже положенъ на телѣгу или же его несутъ друзья до мѣста его послѣдняго вѣчнаго пристанища, гдѣ уже приготовлена могила. Въ другихъ мѣстахъ, какъ сообщаетъ Н. И. Гродековъ, напр., у киргизъ Сыръ-Ларьинской обл. покойника обыкновенно несутъ на носилкахъ изъ *кереге*—(рѣшетки юрты), если могила близка. Если же могила далеко, то везутъ на верблюдѣ.

Гробовъ киргизы не дѣлаютъ, а хоронятъ въ одномъ лишь саванѣ. Передъ преданіемъ трупа

un mouton ou tout autre animal.

Dans la province de Sémipalatinsk le défunt est enroulé dans une sorte de suaire appelé *akhrett* entièrement fait d'étoffe de couleur blanche préparée à Tachkent. Il est formé de plusieurs draps superposés: trois pour les hommes et cinq ou six pour les femmes. Une sorte de ceinture faite de cette même étoffe blanche est passée autour de la taille, de la tête et des pieds du mort; les bras sont disposés le long du corps.

Mais voici que le mort déposé sur un char ou bien hissé sur le dos d'un chameau est conduit au lieu ou doit se faire l'inhumation. Si la tombe n'est pas éloignée, le mort y est porté par ses amis. Certaines tribus et plus particulièrement les Kirghizes du Syr-Daria emploient de préférence le *keregue* (partie de l'ossature de la tente) qu'on abandonne ensuite sur la tombe.

Les cercueils n'étant point en usage on se contente d'un simple suaire. Avant de descendre le corps

землѣ у киргизъ Перовскаго уѣзда Сыръ-Дарьинской обл. по сообщ. Гродекова читается молитва (*искатъ пидья, дауръ, даурайлантырады*); дарятъ скотъ муллamъ для распредѣленія между собою; даютъ также одному изъ присутствующихъ бѣдныхъ, который называется *мустахикъ*.

Для могилы киргизы обыкновенно выбираютъ возвышенную, холмистую мѣстность, по близости старыхъ могилъ, на краю какого-нибудь кургана или даже на самомъ курганѣ (см. рис. 6 на таб. I). По свѣдѣніямъ Алтынсарина они также обращаютъ вниманіе при выборѣ мѣста для погребенія усопшаго и на то, чтобы могила была близъ воды, дабы проѣзжіе находили по ней источникъ для утоленія жажды.

Могила приготовляется особеннымъ образомъ: сначала выкапываютъ неглубокій ровъ отъ 1 метра до 1 м. 50 сант. самое большее. Съ одной стороны, особенно на сѣверѣ и западѣ киргизскихъ степей, дѣлается ниша, въ которую и кладется покой-

dans la fosse, les Kirghizes du district de Pérovsk, province du Syr-Daria lisent la prière suivante: *iskat, pidia daoui aylantyrady* ils donnent ensuite des bestiaux aux mullahs et à un pauvre Kirghize qu'ils désignent sous le nom de *moustahik* (d'après M. Grodekoff).

Les cimetières kirghizes sont généralement situés sur des lieux élevés; les tombes sont creusées dans le voisinage immédiat d'anciennes sépultures, au pied d'un tumulus parfois sur le tumulus même (v. fig. 6—planche I). M. Altinsarine dit que l'on tient compte aussi de la proximité de l'eau afin que les nomades qui viennent visiter les tombes puissent trouver un lieu où se désaltérer

La tombe est préparée d'une façon particulière. On creuse d'abord une fosse peu profonde d'un mètre à 1 m. 50 tout au plus. Sur l'un des côtés, principalement dans les provinces du nord et de l'ouest du pays kirghize, on pratique une niche

ный съ головой и лицомъ, обращеннымъ къ Меккѣ. Впрочемъ, относительно положенія мертваго тѣла въ могилѣ Палласъ замѣчаетъ, что голова покойника обыкновенно лежитъ къ сѣверу, а Харузинъ говоритъ, что когда онъ путешествовалъ по степямъ киргизской Букеевской орды, то проѣзжая мимо двухъ могилъ, спросилъ киргиза, какъ у нихъ кладутъ мертваго, тотъ ему отвѣтилъ «ноги на востокъ, а голова на западъ», слѣдовательно лицо на югъ. Нѣкоторые придаютъ покойнику сидячее положеніе, лицомъ тоже къ Меккѣ. Ни одного предмета нельзя класть въ могилу. Закрывши нишу досками, камнемъ или чѣмъ-либо другимъ, наполняютъ ровъ сѣномъ, кустами и наконецъ землей; тѣло должно быть какъ можно болѣе изолировано отъ земли. Киргизы Букеевской орды, которые кочуютъ около Каспійскаго моря между Волгой иУраломъ, всячески стараются закрыть герметически нишу, доводя свою предосторожность до замазыванія кирпичей глиной, образующихъ перегородку между рвомъ и нишей. Киргизы Большой орды Сыръ-Дар. и Семирѣч. обл. довольствуются простымъ рвомъ, покрытымъ доска-

où le mort est déposé la tête et le visage tournés vers la Mecque. Certaines tribus donnent au mort une position assise, face à la Mecque. Aucun objet ne doit être déposé dans la tombe. Après avoir fermé la niche au moyen de planches, de pierres ou autres matériaux on comble la fosse de foin, de roseaux et ensuite de terre. Les Kirghizes de la Horde-Intérieure ou de Boukeï qui campent dans les parages de la mer Caspienne entre le Volga et l'Oural, n'ont garde de fermer hermétiquement la niche, poussant leur précaution jusqu'à enduire de glaise les jointures des briques formant cloison entre la fosse et la niche. Les Kirghizes de la Grande-Horde, des provinces du Syr-Daria et des Sept-Rivières se contentent d'une simple fosse recouverte de planches ou de roseaux; sur cette sorte de toiture on étend une légère couche de terre glaise. Comme la fosse n'est pas comblée, lorsque la toiture s'effondre on voit apparaître le cadavre, c'est pourquoi, nous dit Levchine,

ми, или кустами, образующими крышу, на которой находится легкій слой глины. Въ незаполненномъ пространствѣ рва, когда крыша рушится, виденъ трупъ. Въ тѣхъ именно видахъ, объясняетъ Левшинъ, и дѣлается ниша съ боку могилы, чтобы земля, которая насыпается на главную яму, не давила покойника. Съ тою же цѣлью иногда дѣлаютъ въ могилѣ срубъ или плетень и накрываютъ его досками, а потомъ сыплютъ землю.

Въ древніе времена, какъ замѣчаетъ Харузинъ, рядомъ съ трупомъ клали разные предметы: ратную сбрую, ножъ, брусокъ, огниво, кремень, шило, иголку, нитки, сухія жилы и пр. Случалось даже, что съ покойникомъ хоронили лучшую его лошадь. Этотъ обычай былъ очень распространенъ еще въ концѣ XVIII вѣка и въ началѣ XIX в. по ту сторону Урала.

По окончаніи погребенія мулла читаетъ короткую молитву и родственники приступаютъ къ раздачѣ подарковъ присутствующимъ; эти подарки всегда соотвѣтствуютъ положенію присутствующаго. Въ видѣ подар-

on pratique une niche sur l'un des côtés de la fosse pour que la terre en s'affaissant ne vienne écraser le cadavre. C'est pour la même raison que parfois on établit une sorte de charpente à l'intérieur de la fosse. Sur la partie supérieure on dispose quelques planches servant de toiture à la tombe et on recouvre le tout de terre.

Les anciens Kirghizes, nous dit Kharouzine, déposaient divers objets à côté du cadavre: couteaux, pierres à aiguiser, silex, briquets, poinçons, sabres, etc; la sépulture de l'homme et du cheval était aussi très usitée chez les Kirghizes, elle était encore assez répandue dans les steppes avoisinant l'Oural à la fin du XVIII-e et au commencement du XIX-ème siècle.

L'inhumation terminée le mullah psalmodie une courte prière et les parents du mort procèdent à la distribution des cadeaux-votifs aux assistants. Ces souvenirs sont toujours de menus objets, monnaies, mor-

ковъ употребляются разные предметы обихода, монеты, куски матеріи, которые впродолженіи жизни покойникъ сохранялъ нарочно для своихъ похоронъ. Платья умершаго дѣлятся между лицами, которыя занимались трупомъ покойника.

На могилѣ мужчинъ особенно въ Сыръ-Дарьинской области и въ южныхъ частяхъ Тургайской втыкаютъ обломокъ пики или просто колъ, на который насаживаютъ черепъ любимой лошади. (См. рис. 75).

Значеніе этого обычая, который мы встрѣчаемъ у древнихъ народовъ довольно загадочно. Онъ очень распространенъ у нѣкоторыхъ современныхъ народовъ Россіи, Сибири, Туркестана и Америки т. напр. у чувашъ, у черемисовъ на могилѣ ставятъ колъ съ платками; у калмыковъ ставятъ 4 кола (2 въ головахъ, 2 въ ногахъ); у бурятъ на краю дороги воодружаютъ 3 сосновые столба съ колокольчиками на верху въ воспоминаніе объ умершемъ шаманѣ. У остяковъ на могилахъ ставятъ шесты съ оленьими

ceaux d'étoffe généralement, que sa vie durant, le défunt a intentionnellement cachés pour le jour des funérailles. Les habits du mort sont donnés en partage aux personnes ayant pris part à sa toilette.

Sur les tombes masculines principalement dans la province du Syr-Daria et dans les districts méridionaux de celle de Tourgaï, on plante un tronçon de pique ou simplement une perche à laquelle on fixe une tête de cheval (v. fig. 75).

La signification de cet usage que nous trouvons chez quelques peuples de l'antiquité est assez énigmatique. De nos jours encore il est assez répandu chez quelques peuples de Russie, de Sibérie, du Turkestan et d'Amérique même. Les Tchouvatches, les Tchérémisses plantent des piquets munis de mouchoirs au dessus des tombes. Les Kalmouks élèvent 4 pieux (2 à la tête et 2 aux pieds du mort). Les Bouriates plantent 3 poteaux de sapin surmontés

головами, у нѣкоторыхъ племенъ китайскаго Туркестана и Тибета главнымъ образомъ у жителей береговъ рѣки Тарима и озера Лобъ-Норо, къ шестамъ привязываютъ хвосты яки или тряпки, у гиляковъ стрѣлы или оружіе а у американскихъ озаговъ скальпы непріятелей. Весьма возможно, что палки, шесты, столбы и т. п. предназначаются для того, чтобы душа умершаго могла на нихъ отдохнуть во время ея странствованія.

Обычай оставлять на могилѣ почитаемыхъ людей голову животныхъ примѣняется почти во всѣхъ странахъ свѣта и главнымъ образомъ въ Азіи. Прежде чѣмъ отправиться въ далекое путешествіе, мусульмане Средней Азіи приносятъ въ обѣтъ умершему родственнику барана или быка и если путешествіе или предпріятіе увѣнчается успѣхомъ голова животнаго съ рогами привѣшиваются на могилѣ. Кир-

de clochettes au bord d'un chemin en souvenir de leur chaman défunt. Les Ostiaks plantent de longues perches surmontées de têtes de rennes sur la tombe de leurs morts; les habitants des rives du Tarim et du Lob-Nor (Chine) attachent à ces perches des queues de yaks sauvages, les Giliaks y attachent des flèches ou autres armes; enfin certaines tribus indiennes d'Amérique y fixaient autrefois le scalp de leurs ennemis. Tout fait supposer que le bâton, la perche ou le poteau élevé sur quelque tombe est un lieu de séjour destiné à l'âme du mort qui vient s'y reposer pendant ses pérégrinations.

La coutume, de déposer sur les tombes d'hommes vénérés la tête d'un animal est très répandue dans les différentes parties du monde et plus particulièrement en Asie. Avant de partir en voyage le musulman d'Asie centrale offre en sacrifice à un parent décédé un mouton, plus rarement un bœuf. Si le voyage s'effectue selon le désir de l'intéressé

гизы, которые часто ѣдятъ лошадей, привѣшиваютъ на могилѣ или вблизи священныхъ мѣстъ головы этихъ животныхъ или головы барановъ и верблюдовъ.

Иногда, хотя и рѣдко, киргизы вывѣшиваютъ голову лошади у стѣнъ зимовки, тогда это означаетъ, что хозяинъ готовъ оказать хорошій пріемъ всякому, кто войдетъ. Вывѣшанныя на деревьяхъ, на заборахъ или посаженныя на колъ среди полей головы играютъ роль духа-покровителя жатвы, а у башкиръ предохраняютъ отъ дурного глаза. Въ моей поѣздкѣ на берегу Арыса въ Чимкентскомъ уѣздѣ Сыръ-Дарьинской обл. много разъ приходилось мнѣ встрѣчать такія головы среди полей или на могилахъ. Посаженныя на видное мѣсто, онѣ замѣчаются иногда изъ очень далека.

Съ другой стороны Палласъ говоря о киргизскихъ могилахъ, которыя онъ видѣлъ за Троицкомъ въ Оренбургской губ. пишетъ, что при каждой изъ нихъ съ сѣверной стороны, къ которо-

la tête de l'animal est déposée sur le tombeau en guise d'ex—voto. Les Kirghizes, très friands du cheval préfèrent aux autres animaux la tête de ce dernier, parfois celle du mouton, plus rarement la tête du chameau.

Il arrive parfois que les Kirghizes décorent leur habitation, extérieurement, d'une tête de cheval; cela indique qu'on est prêt à recevoir le passant et à lui faire bon accueil. Suspendue à un arbre, fixée à une haie ou plantée dans un champ la tête de cheval joue le rôle d'esprit protecteur des récoltes. Durant mes voyages sur les bords de l'Arys, district de Tchimkent, prov. du Syr-Daria, je remarquai souvent des champs et des tombeaux gardés par ces têtes symboliques qui placées bien en évidence sont visibles de fort loin. Chez les Bachkirs la tête de cheval est un préservatif contre le mauvais œil.

De son côté, Pallas, parlant des tombeaux kirghizes qu'il visita dans le dictrict de Troïtzk, gouvernement d'Orenbourg dit que sur l'un des

рой мертвецъ обращенъ головою, водруженъ березовый колъ, или копье (иногда и два), связанныя лоскутьями, либо ленгами, и сіе послѣднее знаменованіе приличествуетъ мужскому только полу; надъ нѣкоторыми могилами земля крѣпко прибита и насыпанный курганъ покрытъ изрядными изъ тонкаго камышеннаго тростника сшитыми рогожами; окресть многихъ на подобіе оплота вкопаны по двѣ рѣшетки отъ старыхъ шалашей; на другихъ положены старыя сѣдла, деревянныя блюда и пр. Почти на каждой воткнута рукояткою въ землю лопата, а около кольевъ и рѣшетокъ обвиты или волосянные кушаки или канаты изъ лошадинаго и верблюжьяго волоса; на одной изъ сихъ могилъ лежалъ съ крышкою опрокинутой гробъ, имѣющій подобіе небольшой лодки, но въ немъ примѣчательно положенъ былъ младенецъ; на другой, которая казалось быть знатнѣйшею прочихъ, лежали носилки и два тонкія въ сажень вышины колеса изъ каракалпацкой колесницы, служившія можетъ быть для привозу къ сему мѣсту мертваго трупа».

На могилахъ женщинъ, киргизы обыкновенно кладутъ де-

côtés du monument, là où doit se trouver la tête du mort on avait planté un pieu, deux parfois auxquels avaient été suspendus des morceaux d'étoffe ou de ruban; ces tombes étaient exclusivement masculines. Sur quelques tombes on avait élevé un petit tertre recouvert de roseaux ou de mottes de terre; d'autres étaient entourées d'une palissade où se voyaient des cordes faites de crins tressés ou de poils de chameaux. Le sol était jonché d'objets ayant appartenu au défunt: écuelles en bois, selles, etc; sur une tombe, Pallas remarqua un cercueil renversé dont la forme rappelait une barque; à l'intérieur se trouvait un corps d'enfant; sur une autre tombe on voyait une civière et deux roues de char karakalpac ayant servi peut-être au transport du défunt à son lieu de sépulture. Cette coutume est de nos jours encore très usitée dans les steppes kirghizes.

Les sépultures féminines sont généralement accompagnées d'une sorte

ревянный предметъ вродѣ колышка, называемый «*ваканъ*», употребляемый вообще для установки кибитки. На могилахъ дѣвушекъ кладутъ «*уукъ*», родъ изогнутой палки, составляющій часть крыши кибитки. На могилѣ дѣтей кладутъ люльку.

Путешественникъ Рычковъ отмѣчаетъ также обычай, которые имѣли еще киргизы въ 1771 году, ставя иногда на могилы грубыя изображенія человѣка, а по Харузину животнаго, и передъ ними совершали особаго рода жертвоприношенія.

Еще въ 1832 году А. Левшинъ видѣлъ переживаніе этого обычая, ставить каменныя бабы надъ могилами. Такъ напр. авторъ пишетъ: «до истеченія года плачъ и рыданія ежедневно возобновляются по утрамъ и вечеромъ передъ куклою или болваномъ, который будучи одѣтъ въ платье покойника, служитъ плачущимъ его изображеніемъ».

Надъ могилами киргизы строятъ разнаго рода памятники,

d'objet en bois appelé *vakan* dont se servent les femmes kirghizes pour fixer la tente; sur les tombes des jeunes filles on dépose un bâton recourbé appelé *ououk* pris à l'ossature de la tente; enfin sur les tombes des petits enfants on dépose un berceau.

L'explorateur Rytchkoff raconte qu'en 1771 les Kirghizes avaient encore coutume de placer sur les tombes de grossières statues rappelant la figure humaine, parfois même, (d'après Kharouzine) des figures d'animaux auxquelles on apportait des offrandes.

Un peu plus tard, en 1832 Levchine signale encore cette coutume qu'il décrit de la façon suivante: jusqu'à ce que l'année soit écoulée, les pleurs et les lamentations sont constamment d'usage; soir et matin les parents du mort accomplissent leurs rites devant une poupée ou *bolvane* revêtue des habits du défunt qu'elle est sensé représenter.

Les tombes kirghizes sont généralement surmontées de monuments

какъ видно изъ описанія 2-ой части и изъ прилагаемыхъ таблицъ и рисунковъ въ концѣ этого труда.

funèbres ainsi qu'on peut le voir par la description qui en est faite dans la deuxième partie de ce travail et par les figures qui accompagnent le texte.

Совершивъ обрядъ погребенія, всѣ возвращаются домой. Приближаясь къ аулу, всѣ разомъ съ крикомъ пускаютъ лошадей во весь опоръ съ такою быстротою, что многіе падаютъ съ лошадей и разбиваютъ себѣ головы. Затѣмъ съ плачемъ слѣзаютъ съ лошадей, здороваются другъ съ другомъ и затихаютъ. Послѣ этого всѣ садятся и читаютъ коранъ. Мулла, который читаетъ коранъ, опять получаетъ подарокъ.

Après avoir accompli le cérémonial des funérailles chacun rentre au campement. A mesure qu'on approche les cavaliers accélèrent la marche jusqu'à ce que, s'étant rejoints ils ne lancent leurs montures à bride abattue vers la tente du mort en poussant de grands cris. Il arrive souvent que dans ce tournoi de vitesse plus d'un roule dans la steppe le crâne fracassé. Arrivés devant la tente ils se saluent réciproquement et tout en pleurs commencent la lecture du Coran. La prière finie le mullah reçoit encore une offrande.

Въ древнія времена мѣсто, гдѣ обмывали покойника, засыпалось или выжигалось, а юрта переносилась на другое мѣсто. Лошаль покойника, на которой онъ ѣздилъ при жизни, покрывали черной попоной и отрѣзали ей хвостъ. Этимъ киргизы

Autrefois il était d'usage soit de recouvrir de terre l'emplacement où l'on avait lavé le cadavre, soit d'y allumer un feu purificateur; la tente du défunt était déplacée et son cheval favori auquel on coupait la

хотѣли выразить, что и лошадь должна горевать по своемъ хозяинѣ. На годовыхъ поминкахъ умершаго эту лошадь зарѣзывали.

queue à sa racine était recouvert d'une housse noire. Par cela même nous voyons que le cheval devait non seulement porter le deuil pour le maître mais qu'il devait aussi souffrir. Un an plus tard, en commémoration du maître, le cheval était mis à mort.

Въ Сыръ-Дарьинской обл. гости-киргизы, возвращающіеся съ похоронъ, называются «*сюякчи*», въ отличіе отъ обыкновенныхъ путниковъ «*юлаучи*».

Dans la province du Syr-Daria les Kirghizes revenant des funérailles portent le nom de *siuiaktchi* pour les distinguer du simple voyageur qui porte le nom de *ioulaoutchi*.

Въ Перовскомъ уѣздѣ, сюякчи приносятъ съ собою на похоронный пиръ по сосуду «сава» съ кумысомъ. Передъ уходомъ имъ кладутъ въ пустые сосуды лошадиное сало, со словами: «чтобы ваши сосуды не вернулись пустыми» (*саванызъ куру кайтпасынъ*).

Dans le district de Pérovsk le siuiaktchi se rendant aux funérailles n'a garde d'oublier son *sava* (outre) remplie de *koumis* (lait de jument). Avant de repartir, les parents du mort leur emplissent leurs savas de graisse de cheval en disant: *sava'nguiz kourou kaïtpassyne* (que vos savas ne soient pas vides en rentrant chez vous).

На угощеніе народа на похоронахъ родственники богатаго человѣка тратятъ очень мно-

Les funérailles sont toujours très coûteuses; les riches Kirghizes dépensent sans compter, les pauvres sacri-

го, бѣдные меньше, но совершенно обойти этотъ обычай не могутъ изъ стыда передъ народомъ. Богатые раздаютъ подарки, устраиваютъ «байгу» (скачки).

fient tout leur avoir pour se conformer à l'usage et surtout pour ne pas perdre l'estime de leurs concitoyens. Après le festin et la répartition des offrandes les riches organisent des courses qui portent le nom de *baïga*.

Впродолженіе трехъ или пяти дней ничего не варятъ въ юртѣ, гдѣ былъ покойникъ. Сосѣди снабжаютъ ихъ пищею. Если хотятъ варить, то должны перенести кибитку, хотя бы на небольшое разстояніе.

Trois jours durant, quelquefois cinq, on ne prépare aucun repas dans la tente du défunt; les voisins pourvoient à la nourriture de la famille du mort, cependant cette prescription peut ne pas être suivie si l'on déplace la tente.

Въ Семипалатинской обл. по сообщенію Зеланда люди близкіе, родные покойника, не брѣютъ головы до сорокового дня со смерти, а женщины снимаютъ кольца и браслеты.

Dans certains districts de la province de Sémipalatinsk, écrit M. Zéland, les hommes, proches parents du défunt, ne rasent point la tête les quarante premiers jours qui suivent le décès; les femmes durant ce temps, ne portent ni bagues ni bracelets.

Черезъ семь дней послѣ погребенія родители и друзья покойника собираются и справляютъ въ честь его поминки: лошади, бараны рѣжутся для

Sept jours après l'inhumation, parents et amis se réunissent et commémorent le souvenir du mort par des festins: moutons, chevaux sont

этого случая, а кумысъ, любимый напитокъ кочевника, льется рѣкою. У богатыхъ эти поминки повторяются въ 20 день, въ 40 день, и кончаются только по прошествіи года. По окончаніи поминокъ голова любимой лошади умершаго кладется на надгробный памятникъ или втыкается на шестъ, иногда вмѣстѣ съ хвостомъ животнаго. (См. рис. 75).

По сообщенію Катанова, пока не исполнится годъ, близкіе родственники не выдаютъ взрослыхъ дочерей замужъ. Жена и дочь впродолженіе года не выходятъ на улицу иначе какъ съ закрытымъ лицомъ.

Впродолженіе 40 дней зажигаютъ свѣтильники въ переднемъ углу у огня. Если есть хозяйка, то зажигаетъ она; если ея нѣтъ, то зажигаетъ дочь ея.

При перекочевкѣ къ хвосту коня привязываютъ красный лоскутокъ; на спину кладутъ задомъ на передъ сѣдло; сѣдло покрываютъ халатомъ; на воротникъ надѣваютъ шапку. Ружье и саблю умершаго кла-

égorgés et le koumuis, cette boisson si prisée du nomade, tirée du lait de leurs juments, coule à pleins bords. Chez les riches ces festins se répètent les vingtième et quarantième jour et prennent fin au bout d'un an. Le festin terminé, la tête du cheval préféré du mort est exposée sur le monument funéraire ou fixée à une perche avec, parfois, la queue de l'animal (v. fig. 75).

D'après M. Katanoff les filles du mort ou de ses proches parents ne peuvent se marier dans l'année qui suit le décès; pendant ce délai la veuve et ses filles ne peuvent sortir sans avoir le visage couvert.

Quarante jours durant la veuve ou sa fille allume journellement un lampadaire sur l'un des côtés du foyer.

Lorsque le campement se déplace on attache un bout d'étoffe rouge à la queue de l'un des chevaux du défunt; la selle intentionnellement mise à l'envers est recouverte d'un khalat (long paletot) auquel on a

дутъ по верхъ сѣдла и все это привязываютъ.

Трауръ «*кара салмакъ*» кончается черезъ годъ и тогда по умершемъ справляютъ поминки «*ас*», а затѣмъ обрядъ такъ назыв. «*кара-цалау найза*». Ибрагимовъ замѣчаетъ, что по женщинѣ совсѣмъ не бываетъ пышныхъ поминокъ.

Бѣдные, устраивая скромныя поминки «*кичкине-ас*», посылаютъ вѣстовщика «*шакыруши*» не раньше самаго дня поминокъ и приглашаютъ только на одинъ день. Въ этотъ день можетъ быть устроена байга, а до прихода скакуновъ — борьба. Пѣвецъ «*джирши*», приглашенный или явившійся самъ, поетъ не днемъ, а только вечеромъ и ночью.

Богатые оповѣщаютъ заранѣе и даютъ знать имя урочища, гдѣ будетъ находится аулъ; день *учакказу*, въ который предполагается «рыть очаги»; день *малсою*, въ который будутъ рѣзать скотъ; день *ас беру* или *батасыноку*, въ который будетъ угощеніе и молитва и наконецъ

fixé le bonnet du mort, son fusil et son sabre.

Le deuil «*kara-salmak*» prend fin ou bout de l'an. A cet effet les parents célèbrent une fête commémorative appelée „*as*“ suivie peu après d'une cérémonie appelée *kara tzalaounaïza*. Ces fêtes commémoratives si pompeuses pour les hommes sont, au dire d'Ibrahime, peu ou point remarquées pour les femmes. Les pauvres font un petit festin *kichkene as*; ils n'envoient des émissaires «*chaquirouchi*» que le jour de l'anniversaire et n'invitent que pour un jour. Après le festin on organise parfois des courses, «*baïga*» précédées de luttes. Le soir, un *djirchi* (chanteur) vient par sa présence donner plus d'éclat à la fête.

Les riches Kirghizes envoient leurs émissaires bien avant la date fixée pour la fête; ils font exactement connaitre en quel lieu se trouvera le campement, le jour *outchakaza*, où l'on creusera les fours, le jour *malza* où les animaux seront

день *атчабу*, день скачекъ. Каждый гость старается привезти лѣтомъ лучшій кумысъ. Родственники привозятъ подарки «*аза*». Для гостей ставятъ, въ 50—100 шагахъ отъ аула, кибитки, по одной для каждаго колѣна, такъ какъ изъ каждаго колѣна пріѣзжаютъ и ночуютъ только лучшіе люди. Не помѣстившіеся въ кибиткѣ входятъ поперемѣнно для угощенія. На поминкахъ въ кибиткѣ покойнаго развѣшиваются на веревкахъ всѣ его вещи: одежда, сѣдло, нагайка, оружіе, какъ принадлежность траура «*тулдобъ кайды*», а вдова сидитъ у постели, съ распущенными волосами, окруженная причитывающими женщинами. На могилѣ совершаются разнаго рода обряды. Такъ напр. князь Эристовъ, говоря о поминкахъ въ память хана Абулхаира бывшаго нѣкогда султаномъ киргизъ Малой Орды, пишетъ, что при совершеніи ежегодной тризны копье, находившееся на памятникѣ, вынималось; въ ямку клали снѣди и мяса, вѣшались новые лоскутья и копье ставилось опять на свое мѣсто.

Въ тотъ день, когда устраиваютъ поминки, не ломаютъ

égorgés, le jour *as berou* ou *batassinokou* jour du festin et des prières, enfin le jour *atchabou* ou jour des courses. Chaque invité apporte le plus possible de koumuis et les parents apportent des *aza* (offrandes). A 50 ou 100 pas du campement on élève des tentes pour les invités. Pendant toute la durée des fêtes les habits du défunt sont suspendus dans la tente à côté de sa selle, de son fouet, de son fusil etc. La veuve, les cheveux en désordre est assise au chevet de son lit entourée de pleureuses. Entre temps d'étranges rites s'accomplissent sur la tombe du défunt. L'un deux signalé par la prince Eristoff avait lieu une fois l'an sur la tombe du khan Aboul-Haïr, ancien sultan kirghize de la Petite Horde. Ce jour-là nous dit l'auteur, on enlevait la pique surmontant le monument funèbre du sultan et dans le creux où se trouvait la hampe on déposait des aliments votifs et de la viande. A la pique on attachait de nouveaux morceaux d'étoffe et on la

костей убитыхъ животныхъ. Кости съ мозгомъ и мясомъ отдаютъ тѣмъ, кто привезъ кумысъ; за каждую кожанную кадку (турсукъ) даютъ одну кость съ мозгомъ. Получивши кость, ее не ломаютъ. Костей въ огонь не бросаютъ.

Насколько поминки у киргизъ играютъ большую роль, видно изъ того, что происходитъ тогда въ память какого-нибудь родовитаго человѣка. Поминки дѣйствительно служатъ мѣстомъ сборища людей различныхъ родовъ, часто въ враждѣ между собою и тутъ иногда разрѣшаются разныя тяжбы, давніе споры, родовые счеты. Поминки справляются всѣми родными и родомъ покойнаго; на нихъ стекается много народа; у богатыхъ онѣ повторяются каждый годъ. Короткое описаніе грандіозныхъ поминокъ мы находимъ въ „Туркестанскихъ Вѣд." за 1893 г. № 14. Не безъинтересно будетъ привести здѣсь выдержку изъ этой статьи.

Вблизи мазара, пишетъ ав-

remettait à la place qu'elle occupait précédemment.

Les os des animaux égorgés le jour de la fête sont distribués à ceux des invités qui ont apporté du koumuis; ces os, en quelque sorte votifs, ne doivent pas être brisés ni jetés dans le feu.

Les fêtes commémoratives en l'honneur des morts jouent un rôle très important dans la vie des Kirghizes surtout lorsqu'il s'agit d'un homme très connu, d'un personnage riche d'un chef de tribu. L'endroit où se dérouleront les fêtes devient alors un lieu de rendez-vous où les représentants d'un grand nombre de tribus, très souvent ennemies, tiennent leurs assises, soumettent leurs doléances, règlent leurs différends. Les parents et autres membres de la tribu du défunt font les frais de la fête qui le plus souvent entraîne la ruine des héritiers. On peut juger de l'importance de ces fêtes par la courte description qu'en faisait en 1893 le journal du Turkestan dont nous donnons ci dessous un aperçu:

торъ статьи, въ урочищѣ Ташъ-Тюбе, въ верховьяхъ р. Акъ-Су, собралось на поминки до 12.000 человѣкъ... Многіе пришли поѣсть и повеселиться, а главное принять участіе въ устраиваемыхъ въ такихъ случаяхъ скачкахъ*). Сынъ достойно почтилъ память отца. Онъ самъ только лишь на одну ѣду истратилъ изъ отцовской кубышки 400 руб. денегъ да зарѣзалъ двухъ кобылъ и для плова привезъ 4 батмана риса... Вліятельные близкіе родственники выставили 100 юртъ и отъ каждой юрты по барану, а родовичи разставили 200 кибитокъ. Четыре дня поминали Сингербая, проводя время, то на его могилѣ въ молитвѣ, то за ѣдой. Въ промежуткахъ выѣзжали на соколиную охоту и дѣлали пробныя скачки....

Не менѣе характерны были

*) Въ стат. Аничкова говорится, что не смотря на скачки, которыя волнуютъ многихъ, киргизы смотрятъ на такія празднества, какъ на извѣстное священное дѣйствіе, а вовсе не какъ на спортъ.

A proximité du monument funéraire de Singherbaï au lieu dit *Tach-Tubè*, dans le bassin supérieur de l'Ak-Sou une foule de 12.000 personnes s'était rassemblée... La plupart y étaient venus non pas dans un but exclusivement rituel mais bien pour se gaver, s'amuser et jouir du spectacle qu'offrent toujours les courses*). On savait aussi que le fils du défunt avait voulu dignement fêter le souvenir du père et qu'un millier de francs avait été sacrifié pour le festin. Outre les moutons et les juments qui devaient être égorgés on avait fait de grands approvisionnements de riz pour le *plava* (mets national)... Les fêtes commémoratives en l'honneur de Singherbaï se prolongèrent quatre jours, durant lesquels ce ne fut que festins, courses et chasses au faucon. De temps à autre cependant, la foule se portait au tombeau du défunt pour y prier....

*) Tel n'est cependant pas l'avis de M. Anitchkoff. Les kirghizes, dit ce dernier, sont généralement pénétrés d'un très grand respect pour ces fêtes dont toutes les phases, festins, chasses, courses, jeux divers ont quelque chose de sacré.

поминки по богатому и уважаемому киргизу Кари-Баю рода Чумекей Казалинскаго уѣзда Сыръ-Дар. обл. Они справлялись на Куванѣ, верстахъ въ 60-ти отъ Казалинска, и хотя собраніе было многолюдное, но они прошли въ полномъ порядкѣ. Эти пышныя торжества, свидѣтелемъ которыхъ былъ И. В. Аничковъ, были прекрасно описаны этимъ послѣднимъ въ «Извѣстіяхъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Имп. Казанскомъ Университетѣ Т. XIV вып. 2.

Кромѣ общераспространенныхъ похоронныхъ обрядовъ среди киргизъ, о которыхъ было только что говорено, въ описаніяхъ жизни, нравовъ и обычаевъ кочевниковъ киргизскихъ степей, имѣются еще указанія и на нѣкоторыя другія формы погребенія:

По сообщенію англичанина Паркеръ у древнихъ киргизъ родственники покойнаго, три раза обходили вокругъ его тѣла и плакали, но не наносили себѣ ранъ. Затѣмъ трупъ сжигал-

Non moins brillantes furent les fêtes commémoratives organisées en l'honneur de Kara Baï, riche et vénéré Kirghize de la tribu Tchoumequeï dans la province du Syr-Daria. Elles se déroulèrent sur les bords du Kouvan-Daria à une soixantaine de verstes de Kazalinsk, au milieu d'une affluence énorme de Kirghizes et dans un ordre parfait. Ces fêtes très pompeuses dont fut témoin M. Anitchkoff, ont été admirablement décrites par ce dernier dans les travaux de la société d'archéologie, d'histoire et d'ethnographie de Kazan T. XIV № 2.

Mais outre les cérémonies funèbres dont il vient d'être parlé il existait autrefois et peut-être même encore de nos jours d'autres usages, d'autres formes de sépulture dont nous donnons ci-dessous un aperçu:

L'Anglais Parker dit que chez les anciens Kirghizes les parents du mort avaient coutume de défiler trois fois autour de son corps en versant des larmes sans toutefois se

ся, а кости погребались лишь по истеченіи года.

Не менѣе страненъ обычай вырывать покойниковъ изъ могилъ, чтобы собрать ихъ кости и отвезти на родину. Впрочемъ объ обычаѣ отдѣленія костей отъ мяса посредствомъ ножа у древнихъ тюркскихъ племенъ и народовъ упоминается у китайскихъ лѣтописцевъ, у арабовъ Нершахи и Табари и у нѣкоторыхъ путешественниковъ. Подобныя указанія имѣются у Иностранцева, Веселовскаго, Бартольда, барона Розенъ и пр. ученыхъ. Въ статьѣ Н. П. Остроумова, появивш. въ Протоколахъ Туркест. кружка за 1906 г., на стр. 38 говорится, что Афросимовъ, ѣздившій изъ Астрахани въ Хиву, замѣтилъ нѣсколькихъ киргизъ, занятыхъ отдѣленіемъ ножемъ мяса отъ костей умершаго. Кости, отдѣленныя отъ мяса, были тщательно положены въ мѣшокъ. На желаніе узнать цѣль этой столь отталкивающей работы, онъ отвѣтилъ, что умершій былъ уроженецъ Туманныхъ горъ, а скончался здѣсь и похороненъ на чужомъ для него кладбищѣ; киргизы эти были родственники и пріѣхали съ его родными для собиранія его ко-

faire de blessures. Le cadavre était ensuite incinéré et les ossements n'étaient inhumés qu'un an plus tard.

Non moins étrange l'usage qui consiste à exhumer les cadavres pour recueillir les ossements et les rapporter au pays natal. La coutume de séparer la chair des os au moyen du couteau était fort répandue parmi les anciennes peuplades turques ainsi qu'en témoignent les récits des chroniqueurs chinois et des historiens arabes Tabari et Nerchakhi. M. M. Inostrantzeff, Vesselovski Barthold, le baron Rosen et d'autres savants parlent également de cet usage. D'autre part M. Ostroumoff à la page 38 du Bulletin archéologique du Turkestan dit qu'un voyageur russe M. Aphrossimoff se rendant d'Astrakhan à Khiva remarqua sur sa route un groupe de Kirghizes occupé à nettoyer un cadavre en pleine décomposition. Les os séparés de la chair étaient soigneusement déposés dans un sac à portée du dépeceur. Ayant voulu savoir le but d'une si repoussante besogne il lui fut

стей, которыя они должны доставить къ его родителямъ. Умершій по ихъ словамъ не былъ еще оплаканъ своими родителями, женами и дѣтьми; по ихъ обычаю они должны совершить надъ нимъ обрядъ оплакиванія и тогда его кости похоронятъ близъ родного аула. Кости должны быть собраны и сложены по суставамъ, чтобы представляли полный остовъ человѣка. По принятому у киргизъ обычаю или ихъ закону умершаго человѣка нельзя хоронить на чужой сторонѣ, а должно привезти трупъ на родину. Разсказавъ это, они добавили: «Теперь, когда мы привеземъ его кости домой къ его семейству, родители обязаны подарить намъ за это каждому по лошади и даримыя лошади должны быть покрыты коврами или шелковыми халатами».

répondu que les parents du mort n'ayant pu, en raison de leur éloignement assister à son inhumation ils leur avaient confié le soin d'exhumer le cadavre et d'en rapporter les ossements au pays natal. Le mort n'avait pas été pleuré par ses parents qui voulaient à tout prix accomplir ce dernir devoir et déposer ses restes dans le voisinage de l'aoul (campement), l'usage kirghize n'admettant pas l'inhumation en pays étranger. Les os devaient être recueillis soigneusement de façon à ce que le squelette fût complet. Ayant dit cela les Kirghizes ne manquèrent pas d'ajouter: „Et maintenant, lorsque nous remettrons les ossements à la famille du défunt on devra, en récompense de nos services, nous donner un cheval richement harnaché, couvert de tapis et de khalats.

Нѣчто подобное сообщается Н. И. Гродековымъ; въ Перовскомъ уѣздѣ путникъ умершій въ дорогѣ, хоронится проходящими съ краткою молитвою. Если родственники найдутъ трупъ своего сочлена уже разложившимся,

Nous trouvons quelque chose de semblable dans l'ouvrage de Grodékoff. Dans le district de Pérovsk dit cet auteur, le voyageur qui meurt en chemin est inhumé par les passants après une courte prière. Si

то соскабливаютъ ножемъ мясо, собираютъ кости въ мѣшокъ, привозятъ ихъ домой, моютъ, завертываютъ въ саванъ и хоронятъ по обряду.

Наконецъ не такъ давно Левшинъ сообщалъ, что богатыхъ людей, умирающихъ зимою, въ нѣкоторыхъ поколѣніяхъ киргизъ Средней и Большой Орды вмѣсто погребенія вѣшаютъ на деревьяхъ, обвернувъ въ войлокъ или въ полотно; весною же отвозятъ ихъ въ г. Туркестанъ и хоронятъ тамъ близъ гроба киргизскаго пророка Ходжи Ахмета.

I. K.

l'un de ses parents ou quelque membre de sa tribu retrouve sa tombe, le corps est exhumé, les os sont débarrassés de leur chair au moyen d'un grattage au couteau, ils sont ensuite mis dans un sac et emportés au pays natal. Les ossements une fois lavés, sont enroulés dans un suaire et inhumés selon les rites.

Signalons encore une coutume fort usitée au dernier siècle chez quelques tribus kirghizes de la Grande Horde et de la Horde Centrale. S'il arrive, nous dit Levchine, qu'un riche Kirghize meure en hiver, son corps préalablement cousu dans un suaire en toile ou en poil de chameau est suspendu à un arbre. Au printemps le cadavre est décroché et emporté à Turkestan où il est inhumé à côté du tombeau très vénéré du prophète kirghize Khodji-Akhmet.

Указатель источниковъ и трудовъ по вопросу о похоронахъ обрядахъ и поминкахъ киргизъ.

Алтынсаринъ Г. — Очеркъ обычаевъ при похоронахъ и поминкахъ у киргизъ Оренб. Вѣд. —Зап. Оренб. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. за 1870 г.

Аничковъ И. В.— Поѣздка на киргизскія поминки въ 1892 году—Изв. общ. Арх. Ист. Этн. Каз. унив. т. XIV вып. 2.

Благовидовъ—Русская земля, природа страны, населеніе и его промыслы. Спб. 1898.

Бартольдъ В. В.—Къ вопросу объ оссуаріяхъ Туркест. края въ Изв. Русск. ком. для изученія Ср. и Вост. Азіи № 8.

Воронцовъ К.—Формы погребенія у современныхъ и древ-

Liste des ouvrages consultés se rapportant aux cérémonies funèbres des Kirghizes.

Altinsarine—Aperçu des usages funèbres des Kirghizes d'Orenbourg paru dans le bull. de la soc. de Géogr. d'Orenbourg 1870.

Anitchkoff—Voyage de l'auteur à des fêtes commémoratives kirghizes en 1892, pub. dans le bull. de la soc. d'Arch. d'Hist. et d'Ethn. de l'Université de Kazan. T. XIV № 2.

Blagovidoff—Rouskaïa Zemlia—Saint-Pétersbourg 1898.

V. Barthold—La question des ossuaires du Turkestan (v. Bull. du comité russe p. l'étude de l'Asie centrale et orientale № 8.

Vorontseff—formes de sépulture chez les peuples contemporains

нихъ народовъ восточной Россіи. Изв. общ. Арх. Ист. и Этн. при Каз. ун. т. X вып. 4 за 1892 г.

Георги—Описаніе всѣхъ въ Росс. Госуд. обитающихъ народовъ. Спб. 1776—1777 г. 2-се изд. 1779 г. 7. I.

Гродековъ Н.—Киргизы и Каракиргизы Сыръ-Дарьинской обл. Ташкентъ 1889 г.

Диваевъ А.—Древне-киргизскіе похоронные обычаи—Изв. общ. Арх. Ист. и Этн. при Каз. Ун. Т. XIV вып. 2 за 1897 г.

Журналъ Коннозав. 1873 г. № 5.—Похороны у киргизъ.

Зеландъ—Записки Западно-Сибирск. отд. геогр общ. за 1885 г.

Іакинѳъ—Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена. Спб. 1851 г.

Ибрагимовъ И. Очерки быта киргизовъ—Древняя и Новая Россія 1877 г. № 9.

et anciens de la Russie orientale. (V. Bull. de la soc. d'Arch. d'Hist. et d'Ethn. de l'Université de Kazan. T. X. № 4. 1892.

Guéorgui—Description de tous les peuples habitant la Russie 1776—1777 2-e éd. 1779. Saint-Pétersbourg.

Grodékoff—Kirghizes et Karakirghizes de la province du Syr-Daria. Tachkent 1889.

Divaeff—Les usages funèbres des anciens Kirghizes (v. Bull. de la soc. d'Arch. d'Hist. et d'Ethn. de l'Université de Kazan. T. XIV № 2, 1897.

Journal des haras 1873 № 5—Les funérailles chez les Kirghizes.

Zéland—Zapiski de la soc. de géogr. de la Sibérie occidentale 1885.

Iakinf—Des peuples ayant habité l'Asie Centrale dans l'antiquité. Saint-Pétersbourg 1851.

Ibrahimoff—De quelques usages des Kirghizes—Ancienne et Nouvelle Russie 1877 № 9.

Иллюстр. Газ 1864 г. № 45 — Похороны у киргизъ.

Катановъ Н.—О погребальныхъ обычаяхъ у тюркскихъ племенъ съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней—Изв. общ. Арх. Ист. Этн. при Каз. Ун. Т. XII вып. 2 за 1894 г.

Казанцевъ И.—Описаніе киргизъ-кайсакъ. Спб. 1867 г.

Леваневскій М.- Очерки киргизскихъ степей (Эмбенск. у.) Тургайская Газета № 51—1896 г.

Левшинъ А.—Описаніе Киргизъ-Казачьихъ или Киргизъ-Кайсакскихъ ордъ и степей Спб. 1832 т.

Мейеръ Л.—Киргизская степь 1865 г.

Народы Россіи—Этногр. очерки—Изд. редакціей журнала Природа и Люди Т. II.

Остроумовъ Н. П. см. Протоколы Туркест. кружка люб. арх. за 1906 г.

Палласъ—Путешествіе по разнымъ провинціямъ Росс. имп. въ 1773 г.

Journal illustré 1864 № 45. Les funérailles chez les Kirghizes.

Katanoff—Des usages funèbres des tribus turques depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours (V. Bull. de la soc. d'Archéol. d'Hist. et d'Ethn. de l'Université de Kazan. T. XII № 2—1894.

Kazantzeff—Description des Kirghiz—Kaïssaks. S. Pét. 1867.

Lévanevski—Aperçu des steppes kirghizes du district de l'Emba—Journal de Tourgaï № 51—1896.

Levchine—Description des hordes et des steppes des Kirghiz-Kazaks ou Kirghiz-Kaissaks St. Pétersbourg 1832.

Meyer—La steppe des Kirghizes 1865.

Peuples de Russie—Ed. du journal „La Nature et les Hommes" T. II.

Ostroumoff (v. Bull. de la soc. arch. du Turkestan-année 1906).

Pallas—Voyage à travers les diverses provinces de l'empire russe en 1773.

Плотниковъ В. — Поминки (асъ). Этногр. очеркъ изъ быта зауральскихъ киргизъ.

Русскій Вѣстникъ за 1878 г. — Обычаи киргизовъ Семипалатинской области.

Рычковъ П.—Исторія Оренбургская 1730—1750. Изд. Орен. губ. Стат. Ком. 1896 г., также записки кап. Рычкова 1769—1770 2-ая часть.

Сибир. Листокъ за 1893 № 12.

Сѣверная Пчела за 1862 г. № 283 — Похороны у киргизъ.

Тобольска. Губ. Вѣд. 1871 г. № 5 — тоже.

Туркестанская Вѣд. за 1893 г. № 14.

Харузинъ Ал.—Степные очерки а также: Киргизы Букеевской орды.

Худабаевъ Кустанаевъ — ученикъ Ташк. учит. Сем.—Этногр. очерки киргизъ.

Plotnikoff—Fêtes commémoratives «*as*»—Usages et coutumes des Kirghizes avoisinant l'Oural.

Rousski—Viestnik, année 1878—Usages des Kirghizes de la province de Sémipalatinsk.

Rytchkoff—Histoire d'Orenbourg 1730—1750. Edit. du comité de statistique du gouv. d'Orenbourg. (V. aussi les Notes du capitaine Rytchkoff 1769—1770—2-e partie).

Sibirski Listok—ann. 1893 № 12.

Siévernaïa Ptchela-ann. 1862 № 283. Cérémonies funèbres des Kirghizes.

Journal officiel du gouvernement de Tobolsk 1871 № 5.

Journal officiel du Turkestan 1893 № 14.

Kharouzine—La steppe des Kirghizes et la Horde de Bouquei

Khoudabaeff—Koustanaeff. Etudes sur l'ethnographie des Kirghizes.

Замѣченныя опечатки.

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Надо:*
12	5 сверху	Павловскомъ	Павлодарскомъ
47	9 снизу	фунтамента	фундамента
48	15 »	карамакчи	Кармакчи
54	18 сверху	являегся	является
64	15 »	параллелеи-педа	параллелипи-педа
72	14 »	среднихъ	среднихъ
73	3 снизу	пологнутой	подогнутой
75	8 сверху	по ка	пока

Errata.

Page:	*Ligne:*	*Au lieu de:*	*Lisez:*
5	2-e d'en bas	chichan	chichkan
11	1-e »	parfo	parfois
20	2-e d'en haut	diffeve	diffère
21	11-e d'en bas	etrecouverts	et recouverts
22	10-e »	vraise mblablement	vraisemblablement
22	6-e »	fouillée	fouillée
23	2-e d'en haut	bord	bords
28	11-e »	l,avance	l'avance
34	11-e »	defend	défend
36	3-e d'en bas	stéle	stèle
46	6-e d'en haut	prierres	pierres
58	10-e »	Kussenè	Kissenè
62	12-e d'en bas	mois	moins
75	1-e d'en haut	Jours	jours

Труды

Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи.

Вып. 1. Указы Оренбургскимъ военнымъ губернаторамъ Императрицы Екатерины II (1764 г.) и Императора Павла I (1797—1800) 1889 г. Въ прод. нѣтъ.

Вып. II. *Н. Н. Ардашевъ*: «Къ 100—лѣтнему юбилею Оренбургской губерніи».—*Н. Г. Ивановъ*: «О задачахъ, дѣятельности и общественномъ значеніи Ученыхъ Архивныхъ Комиссій». Отчетъ Комиссіи за 1895—96 г. Цѣна выпуска 25 коп.

Вып. III. *С. Н. Севастьяновъ*: «Князь Г. С. Волконскій, какъ иниціаторъ памятника Неплюеву—Неплюевскаго Кадетскаго Корпуса».—*В. Водопьяновъ*: «Неудавшееся посольство въ Бухару поручика Гавердовскаго въ 1802 году».—*Д. Н. Соколовъ*: «Башкирское войско въ походѣ русскихъ противъ Наполеона».—*С. Н. Севастьяновъ*: «Къ лѣтописи холерной эпидеміи въ Оренбургѣ въ 1848 г.».—Цѣна выпуска 50 коп.

Вып. IV. Протоколы засѣданій Комиссіи за 1897 г. Отчетъ о дѣятельности Комиссіи за 1897 г.—*Д. Н. Соколовъ*: «Опытъ разбора одной Башкирской лѣтописи».—*М. Л. Юдинъ*: «Замѣтка о курганахъ».—*Его же*: «Прошеніе Оренбургскаго обывателя Императору Александру I».—*С. Н. Севастьяновъ*: «Нѣсколько старинныхъ пѣ-

сенъ».—*Д. Н. Соколовъ*: «Замѣтка о двухъ монетахъ Царя Михаила Ѳедоровича».—*Ф. М. Стариковъ*: «Свѣдѣнія о предметахъ старины въ станицахъ и поселкахъ III военнаго отдѣла Оренбургскаго казачьяго войска».—*А. В. Поповъ*: «Дневникъ раскоповъ, произведенныхъ лѣтомъ 1897 г.».—*Н. М. Гутьяръ*: «Къ біографіи И. С. Тургенева (письмо Тургенева къ Щепкину)».—Рескриптъ Имп. Павла I.—Цѣна выпуска 1 р.

Вып. V. Протоколы засѣданій Комиссіи и отчетъ за 1898 г.—*М. Л. Юдинъ*: «Матеріалы къ исторіи Оренбургскаго края».—*И. С. Шукшинцевъ*: «Изъ не изданныхъ произведеній Державина».—*Его же*: «Первая частная женская школа въ Оренбургѣ».—*С. Н. Севастьяновъ*: «Исторія Оренбургскаго казачьяго войска по начертаніямъ войсковой печати».—1890 годъ. Цѣна 80 коп.

Вып. VI. *И. С. Шукшинцевъ*: «Некрологъ Предсѣдателя Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи ген.-лейт. П. П. Биркъ».—*И. И. Архангельскій*: «Матеріалы къ исторіи города Троицка».—*И. С. Шукшинцевъ*: «Свѣдѣнія о курганахъ Оренбургской губерніи».—Протоколы засѣданій Комиссіи. Отчетъ о дѣятельности Комиссіи за 1899 г.—«Пушкинскіе дни въ Оренбургѣ».—Цѣна выпуска 1 р. 20 коп.

Вып. VII. *П. М. Чернавскій*:—«Оренбургская епархія въ прошломъ ея и настоящемъ».—Выпускъ первый, 1900 г.—Цѣна выпуска 2 р. 50 коп.

Вып. VIII. *А. И. Добросмысловъ*: «Башкирскій бунтъ въ 1735, 1736 и 1737 годахъ». 1900 г. Цѣна вып. 1 руб.

Отд. изданіе: Отзывъ Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи о книгѣ проф. Самоквасова «Архивное дѣло въ Россіи». 1902 г. Цѣна 25 коп.

Вып. IX. *М. Л. Юдинъ*: «Положеніе торговли съ Средне-Азіатскими ханствами до занятія Туркестанскаго края».—*А. И. Добросмысловъ*: «Заботы Императрицы Екатерины II о просвѣщеніи киргизовъ».—*И. С. Шукшинцевъ*: «Къ исторіи Пугачевскаго бунта (не изданные матеріалы).—*С. Н. Севастьяновъ*: «Біографическая замѣтка о

графѣ П. П. Сухтеленѣ, Оренбургскомъ военномъ губернаторѣ.—*И. И. Архангельскій*: «Матеріалы для исторіи г. Троицка. II. Основаніе въ г. Троицкѣ гимназіи. III. Казанскій женскій монастырь».—*Н. М. Чернавскій*: «Спасо-Преображенскій храмъ въ Оренбургѣ». - *Его же*: «Значеніе Спасо-Преображенскаго храма въ Оренбургѣ».—Отчетъ о дѣятельности Архивной Комиссіи въ 1900 г. Протоколы засѣданій за 1900 г.—*И. С. Шукшинцевъ*: Описаніе дѣлъ архива Комиссіи за 1779 г. (гражданскій отдѣлъ). 1900 г. Цѣна 75 коп.

Вып. X. *Н. М. Чернавскій*: «Оренбургская епархія въ прошломъ ея и настоящемъ», выпускъ второй, съ приложеніемъ портретовъ 6 главныхъ начальниковъ Оренбургскаго края и 9 архіереевъ Оренбургско-Уфимскихъ. 1902 г. Цѣна 6 руб. 75 коп.

Вып. XI. *А. П. Гра*: «Матеріалы по исторіи Оренбурга. Оренбургъ 40-хъ г.г. XIX столѣтія по описанію Базинера».—*И. С. Шукшинцевъ*: «Первые врачи изъ башкиръ въ Оренбургскомъ краѣ».—*Н. М. Чернавскій*: «Неудавшаяся попытка къ учрежденію женской общины въ с. Михайловскомъ Оренбургскаго уѣзда».—*А. П. Гра*: «Первая попытка устройства водопровода въ Оренбургѣ».—*Прот. І. П. Кречетовичъ*: «Къ исторіи открытія Самарской епархіи. Надѣленіе Самарскаго архіерейскаго дома мельницей, земельными угодьями и рыбными ловлями».—*И. И. Архангельскій*: «Василій Михайловичъ Пупышевъ, потомственный почетный гражданинъ г. Троицка».—*И. С. Шукшинцевъ*: «Волненія въ Башкиріи въ 1835 году».—*Его же*: «Филиппъ Діомидовичъ Нефедовъ.—*Д. Н. Соколовъ*: «Нѣсколько словъ памяти Вегенгейма фонъ-Кваленъ» — *Свящ. М. Я. Божуковъ*: «О рукописномъ сборникѣ, пожертвованномъ А. И. Мякутинымъ».—Отчетъ о дѣятельности Архивной Комиссіи за 1901 г.—Приложеніе къ отчету. «Описаніе дѣлъ гражд. отдѣл. архива Комиссіи» *И. С. Шукшинцевъ*. 1903 г. Цѣна 1 руб.

Вып. XII. *П. Н. Столпянскій*: «Оффиціальная и оффиціозная пресса въ Оренбургскомъ краѣ». *Его же*: «Исторія открытія и первые годы существованія первой

частной газеты въ г. Оренбургѣ».—*А. П. Гра*: «Научныя общества».—*И. С. Шукшинцевъ*: «Газета «Оренбургскій Край» — *А. В. Васильевъ*: «Тургайскія областныя вѣдомости и Тургайская газета».—*И. С. Шукшинцевъ*: «Другія періодическія изданія въ г. Оренбургѣ». —*А. В. Поповъ*: «Къ исторіи типографскаго искусства въ г. Оренбургѣ».—Г. *Е. Королевъ-Антошечкинъ*: (перепечатана) «Первая попытка изданія газеты въ Оренбургскомъ краѣ. — *Н. М. Чернавскій*: «Оренбургскія Епархіальныя Вѣдомости».—Цѣна 1 руб.

Вып. XIII. *Д. Н. Соколовъ*: «О башкирскихъ тамгахъ».—Цѣна 1 руб.

Вып. XIV. Отчетъ о дѣятельности Комиссіи за 1902 г.—*А. Л. Аниховскій*: «Древніе курганы-могильники въ Кустанайскомъ уѣздѣ Тургайской области».—*Его же*: Раскопка древнихъ кургановъ-могильниковъ въ Актюбинскомъ уѣздѣ.—И. *С. Шукшинцевъ*: «Попечительный комитетъ о бѣдныхъ въ г. Уфѣ».—*Его же*: «О введеніи въ судопроизводствѣ гласности. Историческая справка". — Отчетъ о состояніи Комиссіи за 1903 г.— *І. А. Кастанье*: «Погребальные обряды у калмыковъ и у ламаитовъ вообще».—*Его же*: «Отчетъ объ экспедиціи въ Актюбинскій уѣздъ лѣтомъ 1904 г.» — *А. В. Васильевъ*: «Путешествіе доктора Эверсмана въ Бухару». 1905 г. Цѣна вып.75 коп.

Вып. XV. Народный судъ обычнаго права киргизъ Малой орды. *Л. А. Словохотовъ*. Цѣна 1 руб.

Вып. XVI. Протоколы засѣданій Комиссіи за 1904 г. Приложенія къ нимъ: 1) Отчетъ о раскопкахъ кургановъ въ имѣніи Г. Биберштейна. *І. Кастанье*. 2) Замѣтка о словѣ «огнищанинъ». *А. Мякутинъ*.—Нѣсколько словъ по археологіи Тургайской и Уральской области. *А. Поповъ*.—Отчетъ о дѣятельности Архивной Комиссіи за 1904 г.—Раскопка кургана въ пос. Красногорскомъ. *А. Аниховскій*.—Продолженіе раскопки кургана около пос. Красногорскаго и др. раскопки. *Н. Макаренко*.—Событія въ Оренбургскомъ краѣ, подготовившія экспедицію въ Хиву 1839—1840 гг. *С. Севастьяновъ*.— О желѣзной дорогѣ между Каспійскимъ и Аральскимъ морями-

—*В. В. Григорьевъ.* Сооб. *И. Шукшинцевъ.*—Отчетъ о поѣздкѣ въ Туркестанъ. *І. Кастанье.*—Изслѣдованіе послѣднихъ кургановъ на Бердинской горѣ. *А. Поповъ.*—Обзоръ археологическихъ раскопокъ въ Оренб. губерніи и Киргизской степи. *А. Поповъ* и *І. Кастанье.*—Популяризація археологическихъ знаній во Франціи. *І. Кастанье.*—Отчетъ о дѣятельности Комиссіи и протоколы засѣданій за 1905 годъ. Приложеніе къ нимъ: «Проектъ закона объ охранѣ древностей». Списокъ членовъ Комиссіи за 1905 годъ. Цѣна 1 р.

Вып. XVII. Серебряная чаша музея Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи. *Н. Макаренко.*—Цѣна 75 к.

Вып. XVIII. Записки ген.-маіора *И. В. Чернова.* Ц. 1 р.

Вып. XIX. Отчетъ о состояніи и дѣятельности Архивной Комиссіи за 1906 годъ. *И. С. Шукшинцевъ.*—Протоколы засѣданій Архивной Комиссіи за 1906 г.— Владиміръ Николаевичъ Витевскій. *А. Рождествинъ.*—Ѳеофилъ Матвѣевичъ Самоцвѣтъ. *А. Гра.*—Очеркъ внутренняго устройства улуса Джучіева. В. Березина. Рефератъ *А. Попова.*—Отчетъ о раскопкахъ шести кургановъ въ Актюб. уѣздѣ лѣтомъ 1906 г. *І. Кастанье.*—Исторія Чингисхана и Тамерлана. Переводъ съ Джагатайскаго *А. Васильева* и *А. Балгимбаева.*—Григорій Ѳедоровичъ Генсъ. *С. Н. Севастьяновъ.*—Рукописи Г. Ѳ. Генса. *А. Поповъ.*—Описаніе Хивинскаго Ханства и дороги туда изъ Сарайчиковской крѣпости. В *Григорьева.* Сообщ. *А. Поповъ.*—Къ статьѣ о Башкирскихъ тамгахъ. *Д. Н. Соколовъ.*—Иванъ Ивановичъ Евфимовскій-Мировицкій. *А. Поповъ.*—Памяти Ив. Ив. Евфимовскаго-Мировицкаго. *Н. Г. Ивановъ.*—Изъ поѣздокъ по степи. (Наблюденія и замѣтки). *Д. Н. Соколовъ.*—Развалины Болгасынъ и Челкарская степь. *І. Кастанье.*—Описи казачьи 1795—1800 г.г. Составлены изъ дѣлъ Архива бывшаго Оренбургскаго Генералъ-Губернаторства. *И. С. Шукшинцевъ.* 1907 г. Цѣна 1 руб.

Отд. изд.—Отчетъ о состояніи и дѣятельности Архивной Комиссіи за 1907 г. Составилъ *П. А. Незнамовъ.*—Протоколы засѣданій за 1901 и 1907—г.г.

Тоже.—Отчетъ о дѣятельности и состояніи Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи за 1908 г. Состав. *П. А. Незнамовъ* —Протоколы засѣданій за 1908 г.

Вып. XX. Систематическая опись дѣлъ архива Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи. Указатель дѣламъ, касающимся народнаго просвѣщенія и промышленности Оренбургскаго Края. Сост *П. И. Столпянскій*. 1909 г. Ц. 50 к.

Вып. XXI. Холера 1829—33 годовъ въ Оренбургскомъ Краѣ. Историческое изслѣдованіе врача *А. В. Попова*. 1910 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вып. XXII. Древности Киргизской степи и Оренбургскаго Края съ рисунками *І. Кастанье*. 1910 г. Ц.—5 р.

Вып. XXIII. Памяти Владиміра Бонифатьевича Антоновича. *П. А. Незнамовъ*.—Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ. *П. А. Незнамовъ*.—Матеріалы къ біографіи д-ра Федора Петровича Гааза. *Н. Пѣтуховъ*.—Изъ прошлаго Оренбурга. *Н. Пѣтуховъ*.—На границѣ съ Хивою. Историческія миніатюры. *И. Ивановъ*.—Забытый въ Оренбургѣ день 29 марта 1774 г. *Р. Игнатьевъ*.—Мертвые города. Сунакъ-Ата, Бешъ-Тамъ, Кызылъ-кала. *І. Кастанье*.—Киргизское преданіе о Хабардіинѣ и о Токтамышѣ—ханѣ въ связи съ находкой мѣднаго котла. *І. Кастанье*. Съ примѣч. *Д. Соколова*.—Городищенскій скелетъ мамонта. *Д. Соколовъ и В. Быковъ*—О ложныхъ курганахъ. *А. Поповъ*.—Къ докладу г. Попова о ложныхъ курганахъ. *І. Кастанье*.—Сообщеніе объ археологическихъ находкахъ при работахъ на Маячныхъ каменоломняхъ близъ Оренбурга въ 1908 г. *А. Деревенсковъ*.—Къ докладу А. И. Деревенскова. А. *Поповъ*.—Отчетъ о раскопкахъ кургана въ Актюбинскомъ уѣздѣ лѣтомъ 1909 г. *І. Кастанье*.—Нѣсколько словъ о свастикѣ. *І. Кастанье*.- Исторія перваго опыта буренія въ г. Оренбургѣ артезіанскаго колодца. А. *Гра*.—Къ вопросу о значеніи каменныхъ бабъ. *Д. Соколовъ*.—О вскрытомъ переселенцами могильникѣ. *Д. Панковъ*.—О бронѣ, хранящейся въ музеѣ Архивной Комиссіи. А. *Поповъ*.—Письма гр. В. Л. Перовскаго къ Н. В. Балкашину изъ походовъ 1839 и 1853 г.г. Два письма В. В. Григорьева къ Н. В. Балкашину. Сообщ.

П. Цыпляевъ.—Рукописи С. Н. Севастьянова. Сообщ. *П. Цыпляевъ*—Памяти Н. А. Маслаковца. Н. *Григоровичъ*—Отчетъ о дѣятельности и состояніи Архивной Комиссіи. за 1909 г. Сост. *П. А. Незнамовъ.*—Протоколы засѣданій Архивной Комиссіи за 1909 г.—Цѣна 1 р. 50 к.

Вып. XXIV. Описаніе дѣлъ казачьяго отдѣла историческаго архива Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи. Сост. А. *Гра.* –ц. 1 р.

Вып. XXV. Юридическій бытъ Киргизовъ. А. И. *Мякутинъ.*—Отчетъ о дѣятельности и состояніи Архивной Комиссіи за 1910 г. Сост. *И. С. Шукшинцевъ.*—Протоколы засѣданій Комиссіи за 1910 г. - Приложенія къ протоколамъ: 1) Открытіе Америки въ XIV в. 2) О глиняныхъ кувшинчикахъ. 3) Нѣсколько словъ объ экспедиціи г. Пельо въ Китайскій Туркестанъ. *І. Кастанье.* 4) Свѣдѣнія по исторической географіи Оренбургскаго Края. *П. Райскій.* 5) Крѣпостные рабы крѣпостныхъ крестьянъ. 6) Документы о военно-плѣнныхъ французахъ 1812—13 гг. въ Оренбургской губерніи. *І Кастанье.* ц. 1 р.

Вып. XXVI. Надгробныя сооруженія киргизскихъ степей съ 28 таб. и 76 рис. Сост. *І. Кастанье* ц. 1 р. 50 к.

Travaux

de la Commission scientifique des Archives d'Orenbourg.

RUSSIE.

TOMES.

I. Ukazes de l'Impératrice Catherine II (1764) et de l'Empereur Paul Ier (1797—1808—1809) aux gouverneurs militaires d'Orenbourg.

II. Centième jubilé du gouvernement d'Orenbourg par M. Ardacheff.—Du but des Archives et de leur importance au point de vue social par N. Ivanoff. Compte—rendu de la Commission des Archives pour l'année 1895—1896.

III. Le prince Volkonsky comme initiateur du monument de Népluièff et de la fondation du corps de cadets „de Népluieff" par S. Sévastianoff.—Insuccès de l'ambassade du lieutenant Gaverdovsky à Boukhara 1803 par V. Vodopianoff.--Les régiments Bachkirs pendant la campagne des Russes contre Napoléon par D. Sokoloff.—Sur l'épidémie du choléra à Orenbourg 1848 par S. Sévastianoff.

IV. Compte—rendu des séances de la Commission des Archives pour l'année 1897 ainsi que des travaux de la dite commission.—Essai d'analyse d'un traité sur les Bachkirs par D. Sokoloff.—Note

sur les tumulus par M. Ioudine.—Demande adressée à l'Empereur Alexandre Ier par un habitant d'Orenbourg par M. Ioudine.—Chansons anciennes par. S. Sévastianoff.—Notes sur deux monnaies du tzar Michel Fédorovitch par D. Sokoloff.—Sur des objets antiques trouvés dans la 3ème section militaire des Cosaques d'Orenbourg par G. Starikoff.—Fouilles effectuées l'été de 1897 par A. Popoff.—Notes biographiques sur Tourgueneff par N. Gouthiar.—Rescrit de l'Empereur Paul Ier.

V. Compte—rendu des séances de la Commission des Archives 1898.—Documents pour servir à l'histoire du gouvernement d'Orenbourg par M. Ioudine. —Quelques mémoires non encore parus de Derjavine par I. Choukchintzeff.—Du même.—La première école privée de demoiselles à Orenbourg. — Pour l'histoire des Cosaques d'Orenbourg d'après l'effigie de leur sceau par Sévastianoff.

VI. Sur la mort du général Birk, président de la Commission des Archives d'Orenbourg par I. Choukchintzeff.—Documents pour l'histoire de la ville de Troïtzk par I Arkhangelsky.—Tumulus du gouvernement d'Orenbourg par I. Choukchintzeff.—Compte—rendu des travaux et des séances de la Commission des Archives pour l'année 1899. — Les fêtes de Pouchkine à Orenbourg.

VII. Le diocèse d'Orenbourg depuis ses origines jusqu'à nos jours par N. Tchernavsky.

VIII. L'insurrection des Bachkirs (1735—36—37). A. Dobrosmuisloff.

Sur le livre du professeur Samokvassoff „Travaux des Archives en Russie". Réponse de la Commission des Archives d'Orenbourg.

(Tirage à part).

IX. De l'état du commerce avec les khanats de l'Asie centrale avant l'occupation du Turkestan M. Ioudine. — De Catherine II dans son désir de

répandre l'instruction chez les Kirghizes par A. Dobrosmuisloff.—Sur le soulèvement de Pougatcheff par I. Choukchintzeff.—Notes biographiques sur le comte P. Soukhtélèn, ancien gouverneur d'Orenbourg. S. Sévastianoff.—Documents pour l'histoire de la ville de Troïtzk par I. Arkhangelsky.—Sur l'église de la Transfiguration du Sauveur à Orenbourg. Tchernavsky.—Compte—rendu des travaux et des séances de la commission des Archives pour l'année 1900. —Nomenclature des dossiers contenus aux Archives depuis 1779 jusqu'à l'année 1790 par I. Choukchintzeff.

X. Le diocèse d'Orenbourg depuis ses origines jusqu'à nos jours avec illustrations (tome II). Tchernavsky.

XI. Documents pour l'histoire d'Orenbourg. Orenbourg vers la moitié du XIX-e siècle d'après une description de Basiner. A. Gras.—Les premiers médecins bachkirs dans le gouv. d'Orenbourg par I. Choukchintzeff.—Essai de fondation de la communauté religieuse des femmes de Mikhaïlovsky (district d'Orenbourg). Tchernavsky. — Premier essai de conduite d'eau à Orenbourg. A. Gras.— Documents concernant la fondation du diocèse de Samara. Archiprêtre Kretchètovitch.—Notes sur A. Poupuicheff, citoyen honoraire de la ville de Troïtzk. I. Arkhangelsky.—Soulèvement en Bachkirie en 1835. I. Choukchintzeff.—Notes biographiques sur P. D. Néfèdoff. (Du même).—Quelques mots sur la vie de V. von Kvalen par D. Sokoloff.—D'un manuscrit offert par M. Miakoutine.—M. Bojoukoff.— Compte—rendu des travaux et des séances de la commission des Archives pour l'année 1901. — Nomenclature des documents contenus aux Archives par I. Choukchintzeff.

XII. Presse officielle et officieuse du gouvernement d'Orenbourg. Sur la fondation du premier journal paru à Orenbourg. P. Stolpiansky.—Les sociétés sa-

vantes. A. Gras.—Le journal du pays d'Orenbourg I. Choukchintzeff.—Journal officiel de la prov. de Tourgaï et „Journal de Tourgaï". A. Vassilieff.—Autres feuilles périodiques d'Orenbourg I. Choukchintzeff.—Historique de la typographie à Orenbourg. A. Popoff.—Essai de première impression de gazette dans le pays d' Orenbourg G. Koroleff-Antochetchkine.—Le journal du diocèse d'Orenbourg. Tchernavsky.

XIII. D. Sokoloff. Du timbre ou sceau (tamga) en usage chez les Bachkirs.

XIV. Compte-rendu des travaux et des séances de la Commission des Archives pour l'année 1902.—Anciens tombeaux-tumuli du district de Koustanaï (prov. de Tourgaï) A. Anikhovsky.—Fouilles d'anciens tombeaux tumuli dans le district d'Aktioubinsk (province de Tourgaï) A. Anikhovsky.—Comité de secours aux pauvres de la ville d'Oufa. De l'introduction de la publicité dans l'administration de la justice. Renseignements historiques I. Choukchintzeff.—Compte-rendu des travaux et des séances de la Commission des Archives pour l'année 1903.—Cérémonies funèbres en usage chez les Kalmouks et chez les lamaïtes en général par J. Castagné.—Mission archéologique dans le district d'Aktioubinsk (province de Tourgaï) l'été 1904 par J. Castagné.—Voyage du docteur Eversmann à Boukhara par A. Vassilieff.

XV. La justice populaire en matière de droit usuel chez les Kirghizes de la Petite-Horde par L. A. Slovokhotoff.

XVI. Compte-rendu des travaux et des séances de la commission des Archives pour l'année 1904. Appendices: 1) Fouilles des tumulus dans la propriété de Biberstein par J. Castagné; 2) Remarque sur le mot "ognischanine". A. Miakoutine.—Fouilles d'un tumulus à Krasnogorsk par A. Anikhovski.—Continuation des mêmes fouilles et nouvelles fouilles par N.

Makarenko — Evénements dans la contrée d'Orenbourg précédant la campagne de Khiva 1839—1840 en vue de sa préparation par S. Sévastianoff.—D'un chemin de fer entre la mer Caspienne et la mer d'Aral par I. Choukchintzeff.—Notes sur un voyage en Turkestan par J. Castagné. — Exploration des derniers tumulus situés sur le monticule de Berda A. Popoff.—Revue des fouilles effectuées dans le gouvernement d'Orenbourg et dans les steppes Kirghizes par A. Popoff et J. Castagné.—Popularisation des sciences archéologiques en France par J. Castagné.—Compte—rendu des travaux et des séances de la Commission pour l'année 1905 avec un projet de loi sur la garde des objets d'art et des édifices anciens.—Liste des membres de la Commission pour l'année 1905.

XVII. I. Makarenko. Notes sur une tasse en argent du Musée d'Orenbourg.

XVIII. Mémoires du général J. Tchernoff. (Edition posthume.

Tome XIX Compte—rendu de l'état et des travaux de la Commission des Archives pour l'année 1906 par I. Choukchintzeff. — Protocoles des séances de la Commission des Archives pour l'année 1906.

Vladimir Nicolaevitch Vitevsky, par A. Rojdestvine.

Théophile Matvéévitch Samozviett par A. Gras.

Précis de l'organisation intérieure de l'oulouss de Djoutchy par V. Bérésine, référé par A. Popoff.

Compte-rendu des fouilles de six tumulus dans le district d'Aktiubinsk exécutées en 1906 par J. Castagné.

Histoire de Djengis—Khan et de Tamerlan traduit du Djagathay par. A. Vassilieff et Balguimbaeff.

Grigory Théodorovitch Gens. par S. N. Sévastianoff. Manuscrit de G. Gens. A. Popoff.

Description du Khanat de Khiva et de la route

y conduisant de la forteresse de Saraïtchik par V. Grigorieff, référé par A. Popoff.

Notes relatives à l'article sur les sceaux (tamga) des Bachkirs par D. N. Sokoloff.

Ivan Ivanovitch Evfimovsky-Mirovitsky par A. Popoff. A la mémoire de I. I. Evfimovsky-Mirovitsky par N. G. Ivanoff.

Excursions dans la steppe (observations et remarques) par D. N. Sokoloff.—Ruines de Bolgassine et steppe de Tchelkar par J. Castagné.

Descriptions des documents relatifs aux Cosaques (1795—1800) d'après les documents conservés aux archives des anciens généraux—gouverneurs d'Orenbourg par I. Choukchintzeff.

Compte—rendu des travaux de la Commission des archives pour l'année 1907 par P. Neznamoff. Protocoles des séances de 1901 à 1907. Compte—rendu des travaux de la Commission des Archives pour l'année 1908 par P. Neznamoff—Protocoles des séances pour l'année 1908.

XX. P. Stolpianski—Classification des documents conservés aux archives d'Orenbourg. Index concernant l'instruction publique et l'industrie du pays d'Orenbourg. 1909.

XXI. A. Popoff—Historique et marche du choléra dans le pays d'Orenbourg de 1829 à 1833. (Ed. 1910).

XXII. J. Castagné—Antiquités de la steppe des Kirghizes et du pays d'Orenbourg avec figures dans le texte et 21 planches. 1910.

XXIII. P. Neznamoff—A la mémoire des archéologues V. Antonovitch et I. Zabiéline—N. Piétoukhoff—Matériaux pour la biographie du docteur Haas—Du même—Sur le passé d'Orenbourg—I. Ivanoff—A la frontière de Khiva. (Aperçu historique). R. Ignatieff—Date oubliée du 29 mars 1774 à Orenbourg—Villes mortes de Sounak—Ata de Bech-Tam et de (prov. du Syr-Daria par J. Castagné). Kyzyl-

Kala. Légende kirghize de Khabardine et du Khan Toqtamuich dans ses rapports avec la découverte dans les steppes d'un chaudron de cuivre par J. Castagné avec remarque de M. Sokoloff.—D. Sokoloff et V. Buikoff—Notes sur un squelette de mammouth trouvé à Goroditchensk—A. Popoff—Notes sur les faux tumulus—J. A. Castagné. Remarques sur le précédent article: faux tumulus et tumulus votifs—A. Derevenskoff—sur les objets archéologiques trouvés aux carrières de Maïak près d'Orenbourg en 1909 avec remarque du docteur A. Popoff.—Compte—rendu des fouilles d'un tumulus dans le district d'Aktioubinsk en 1909 par J. Castagné.—Du même—Quelques mots sur le swastika ou croix gammée—Historique sur la création de puits artésiens à Orenbourg par A. Gras.—D. Sokoloff.—De la question des babas—D. Pankoff. Sur les fouilles d'un ancien tombeau par les émigrants—A. Popoff. Notes sur les cuirasses conservées au musée d'Orenbourg—P. Tzirliaeff Lettre du Comte Pérovsk à Balkachine (campagnes de 1839 et de 1853. Deux lettres de V. Grigorieff à Balkachine. Manuscrits de S. Sévastianoff—N. Grigorovitch. En souvenir de N. Maslakoff—P. Neznamoff. Compte—rendu des travaux de la Commission des Archives pour l'année 1909—Protocoles des séances de la Commission des Archives pour l'année 1909.

XXIV. A. Gras—Liste des documents cosaques de la section historique des archives d'Orenbourg.

XXV. A. Miakoutiue.—Etat juridique des Kirghizes. I. Choukchintzeff. Compte—rendu des séances de la Commission pour l'année 1910—J. Castagné. De la découverte de l'Amérique au XIV-e siècle—Poterie primitive—Quelques mots sur la mission archéologique de M. Pelliot en Turkestan chinois—P. Raïski—Documents sur la géographie historique du pays d'Orenbourg Notes sur le servage—J. A. Castagné—

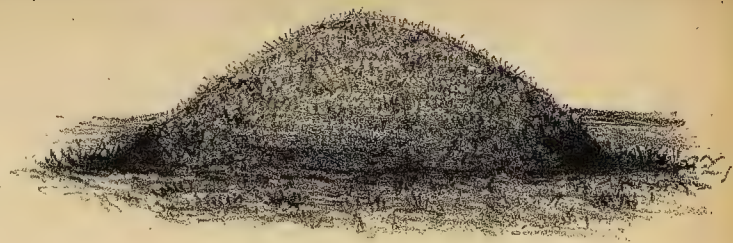
Documents sur les prisonniers français envoyés dans le gouvernement d'Orenbourg pendant la campagne de 1812—1813.

XXVI. J. Castagné.—Les monuments funéraires de la steppe des Kirghizes avec 28 planches et 77 figures.

Таблица I.

1.

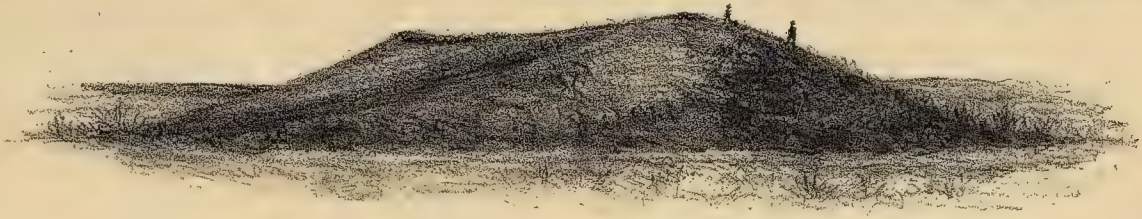
2.



3.

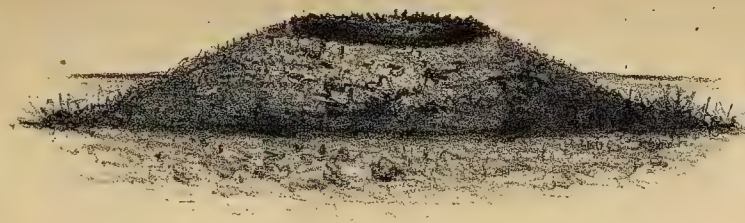
4.

5.



6.

7.



8.

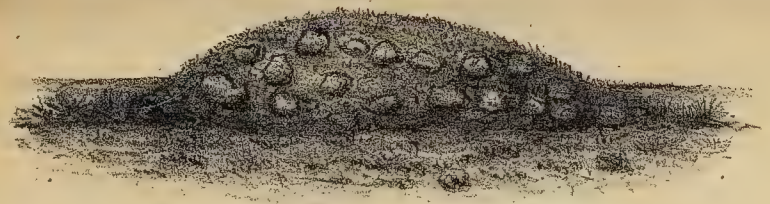
9.

10.

11.

12.

13.



14.

15.

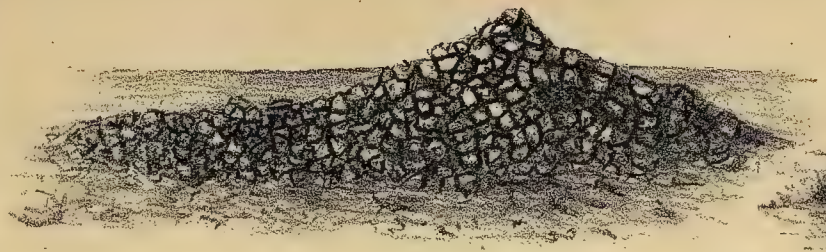
16.

17.

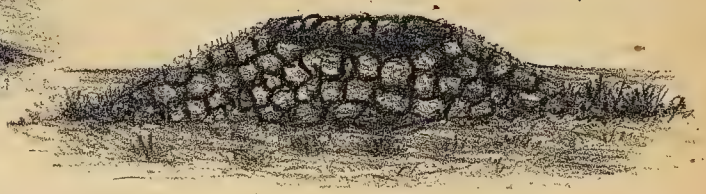
18.

Таблица IV.

19.



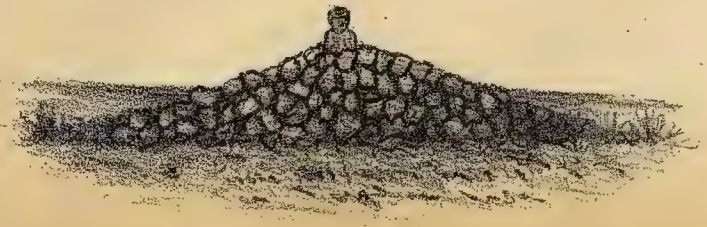
20.



21.

22.

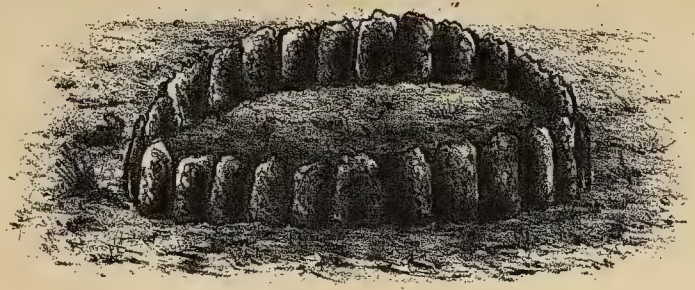
23.



24.

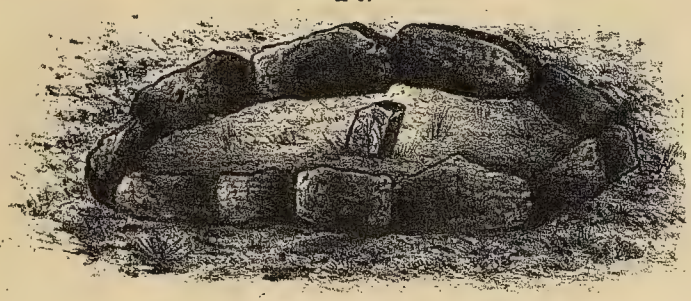
Таблица V.

25.



26.

27.



28.

29.

30

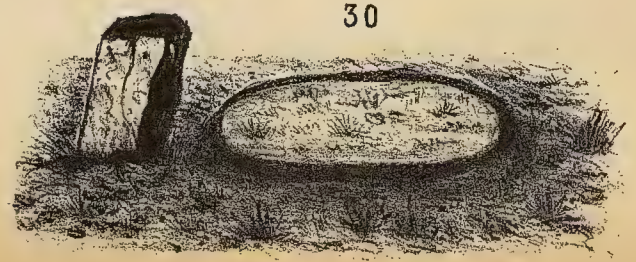


Таблица VI.

31

32.

Таблица VII.

33.

34.

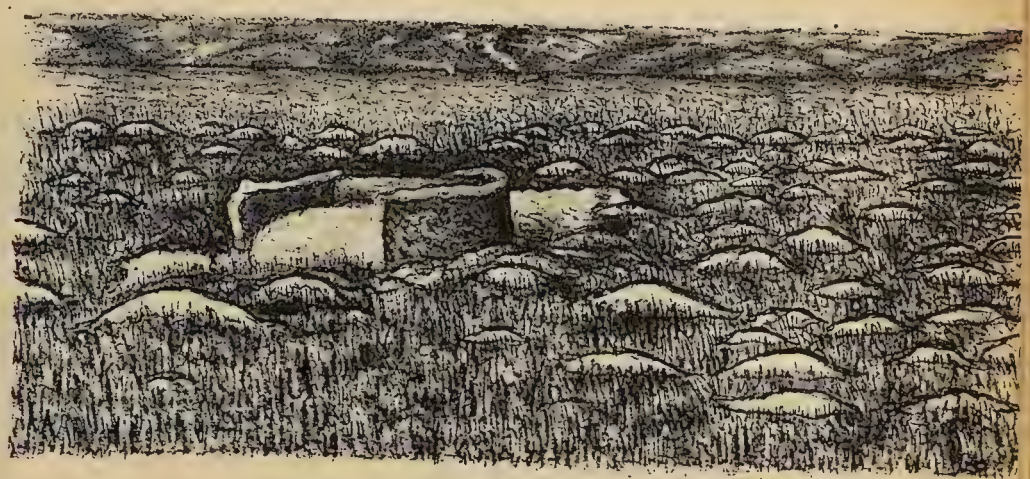


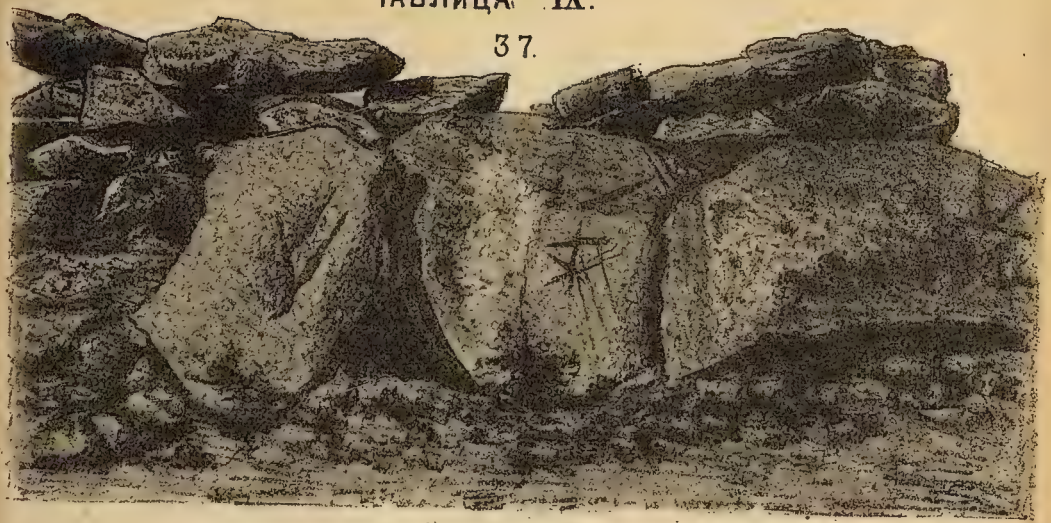
Таблица VIII.

35.

36.

Таблица IX.

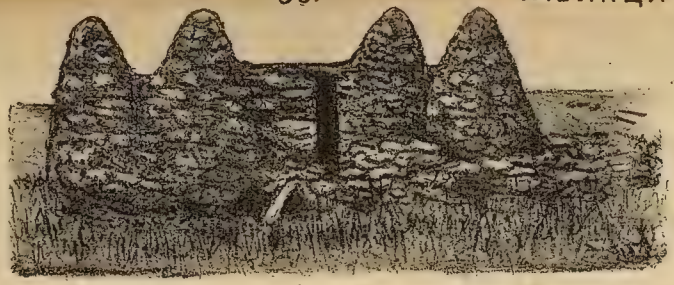
37.



38.

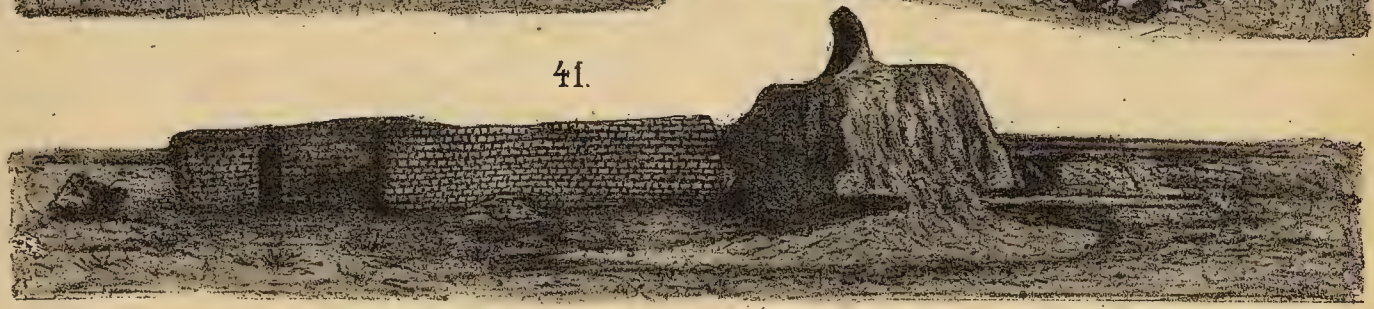
ТАБЛИЦА X.

39.



40.

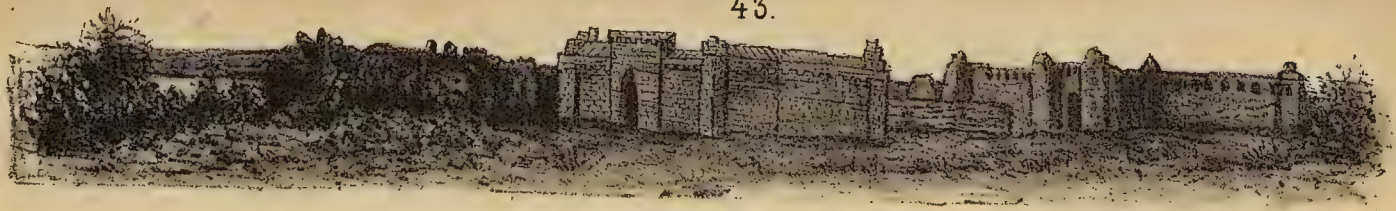
41.



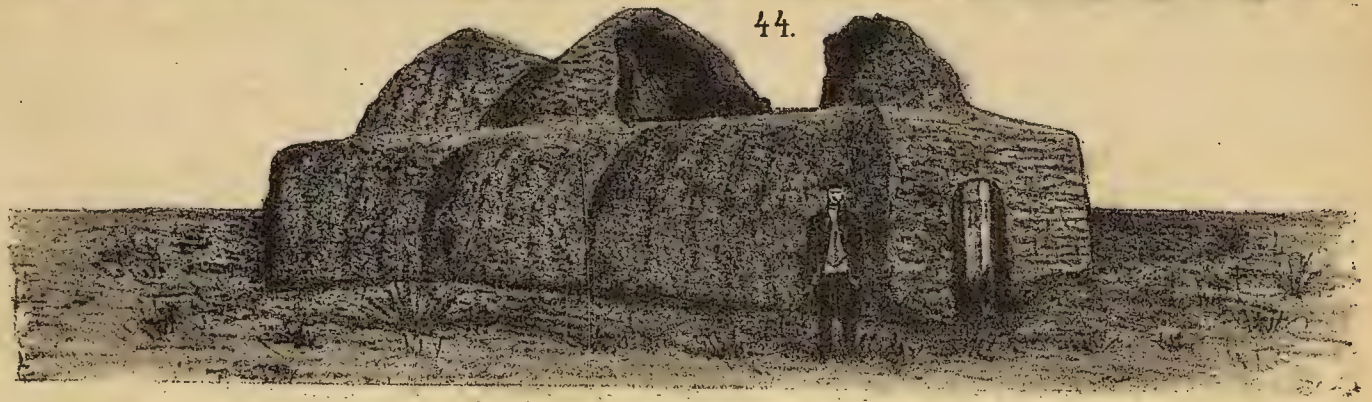
42.

Таблица XI.

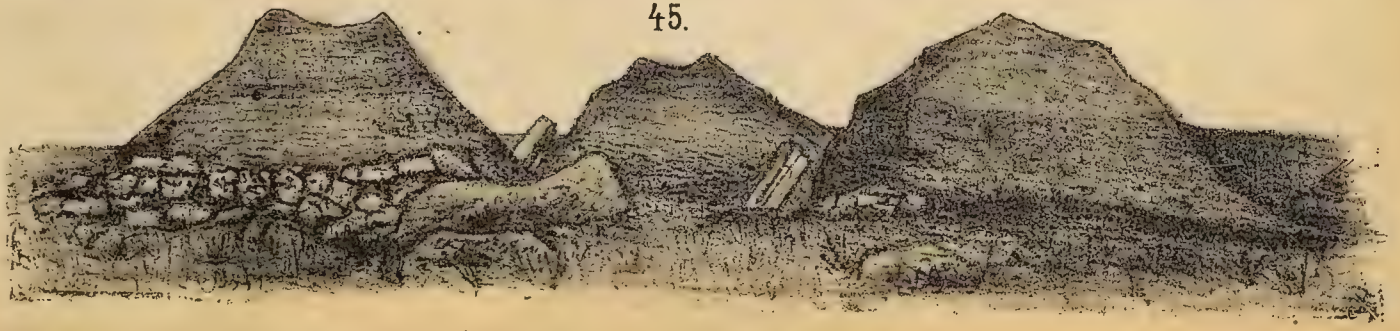
43.

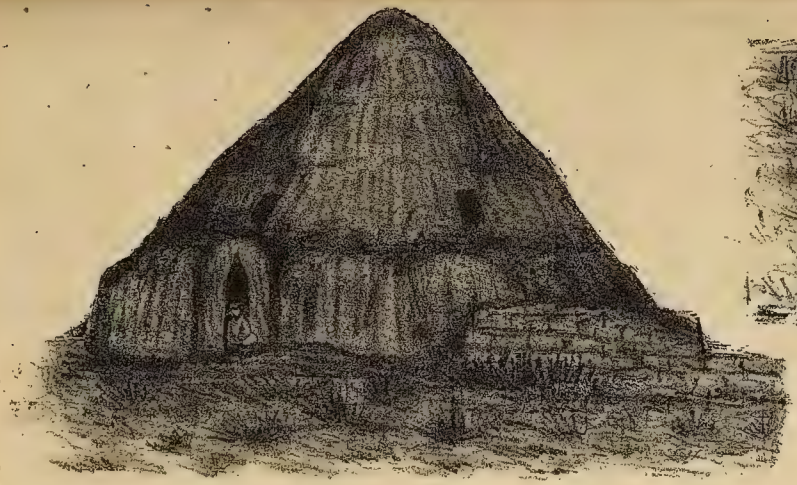


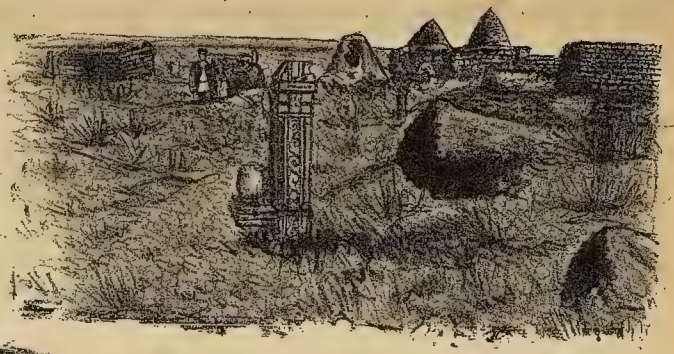
44.



45.







48.

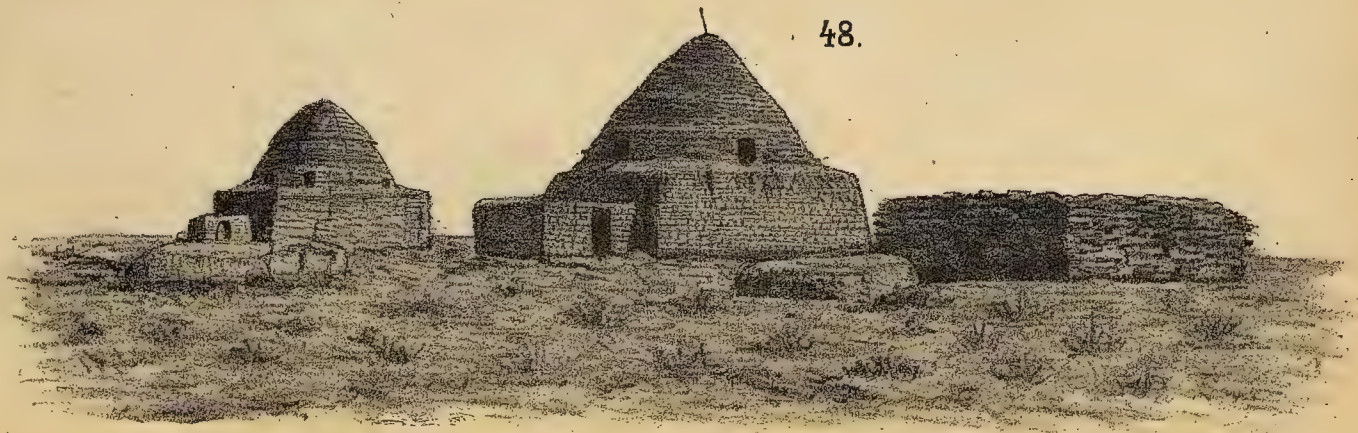
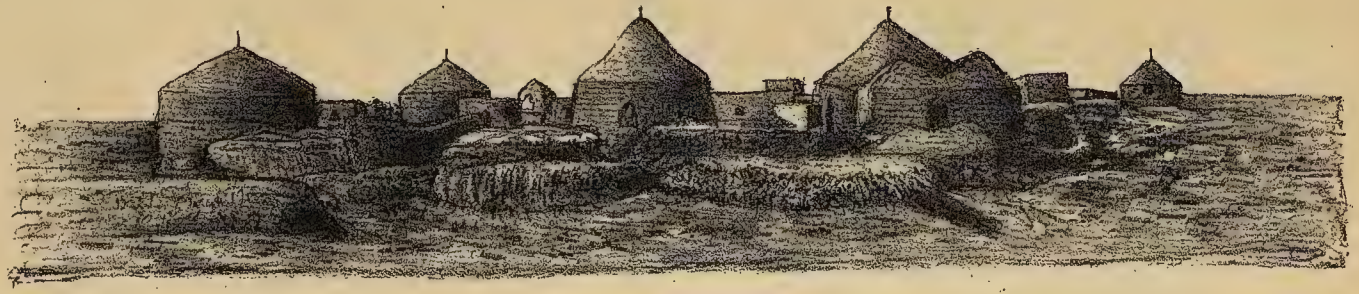


Таблица XIII.

49.



50.

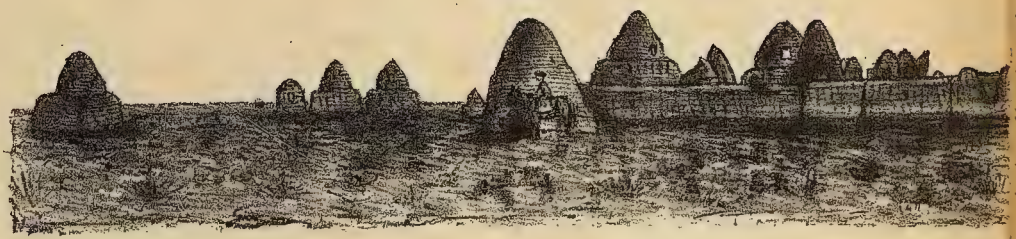
51.

52.

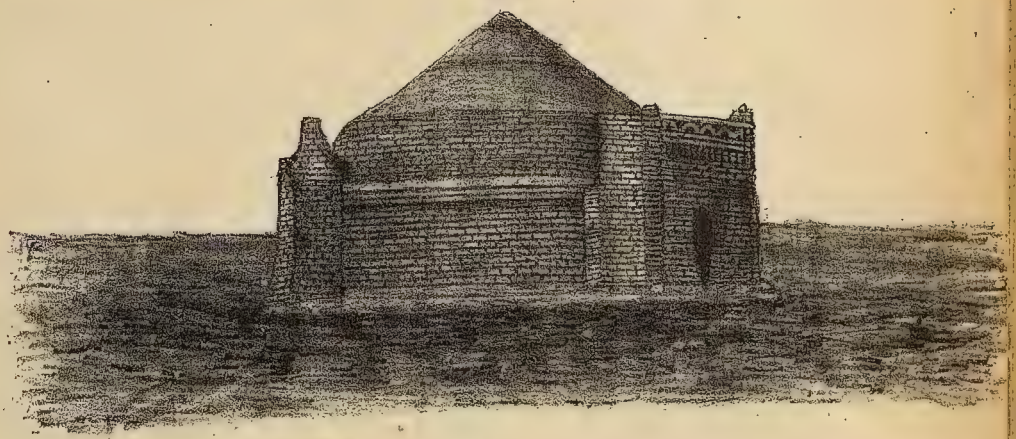
53.

Таблица XV.

54.



55.



56.

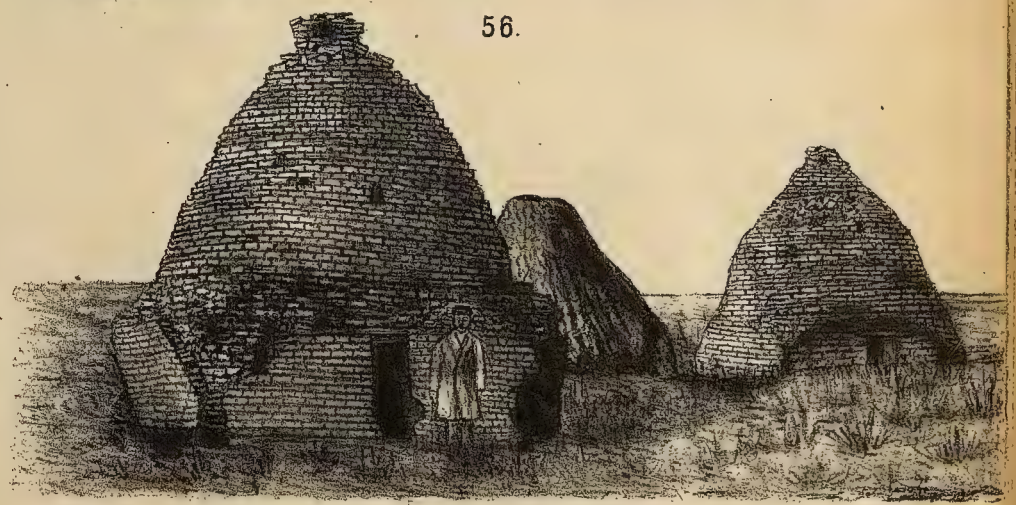
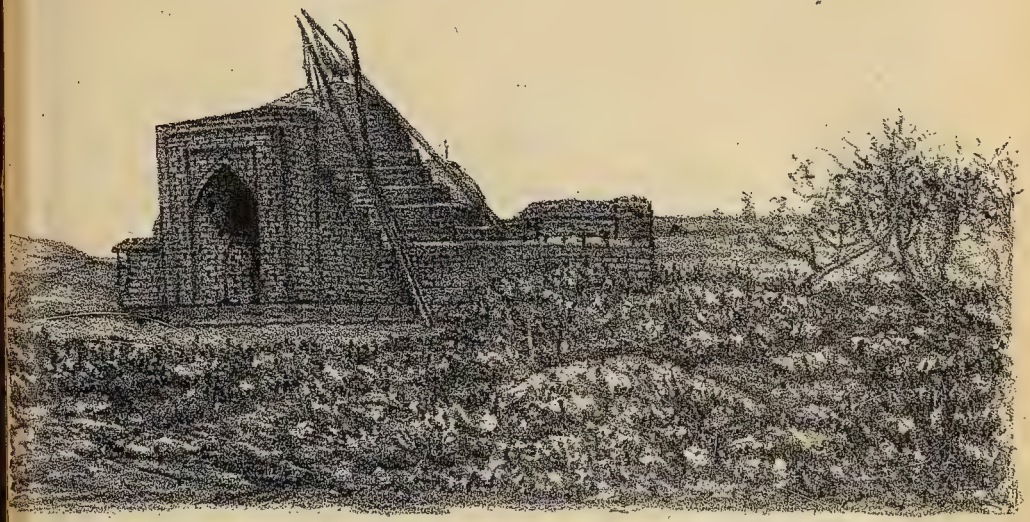


Таблица XVI.

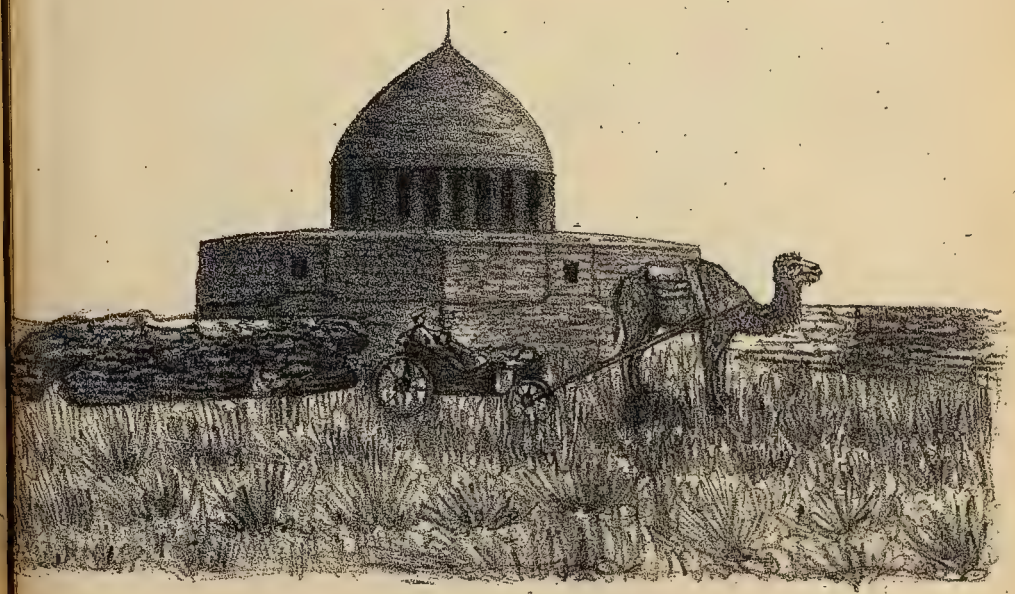
57.

Таблица XVII

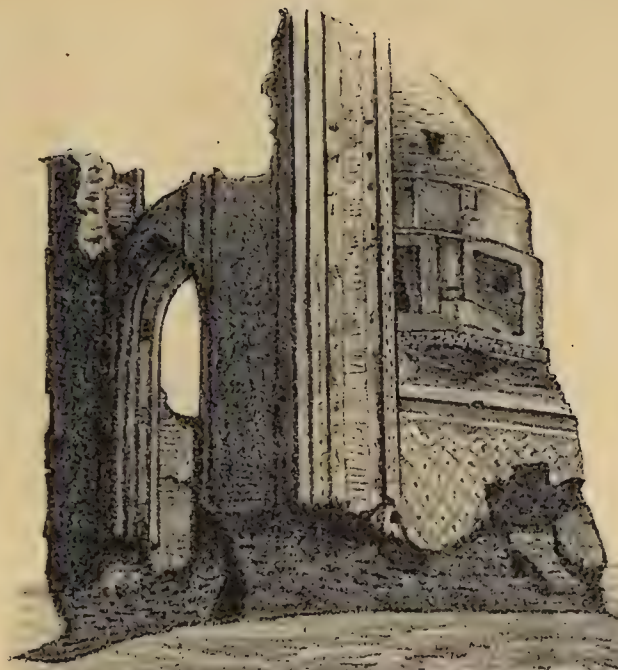
58.



59.



60.

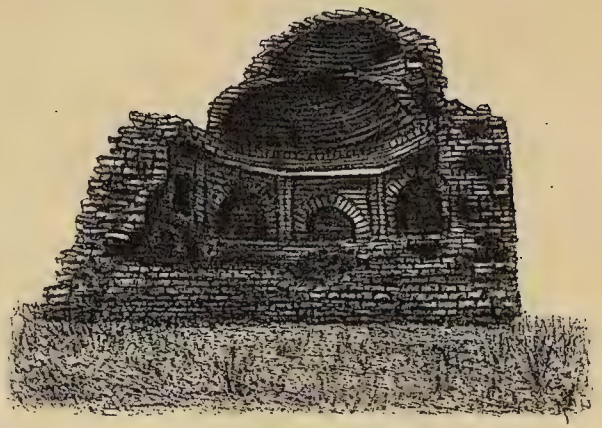


61.

Таблица XIX.

62

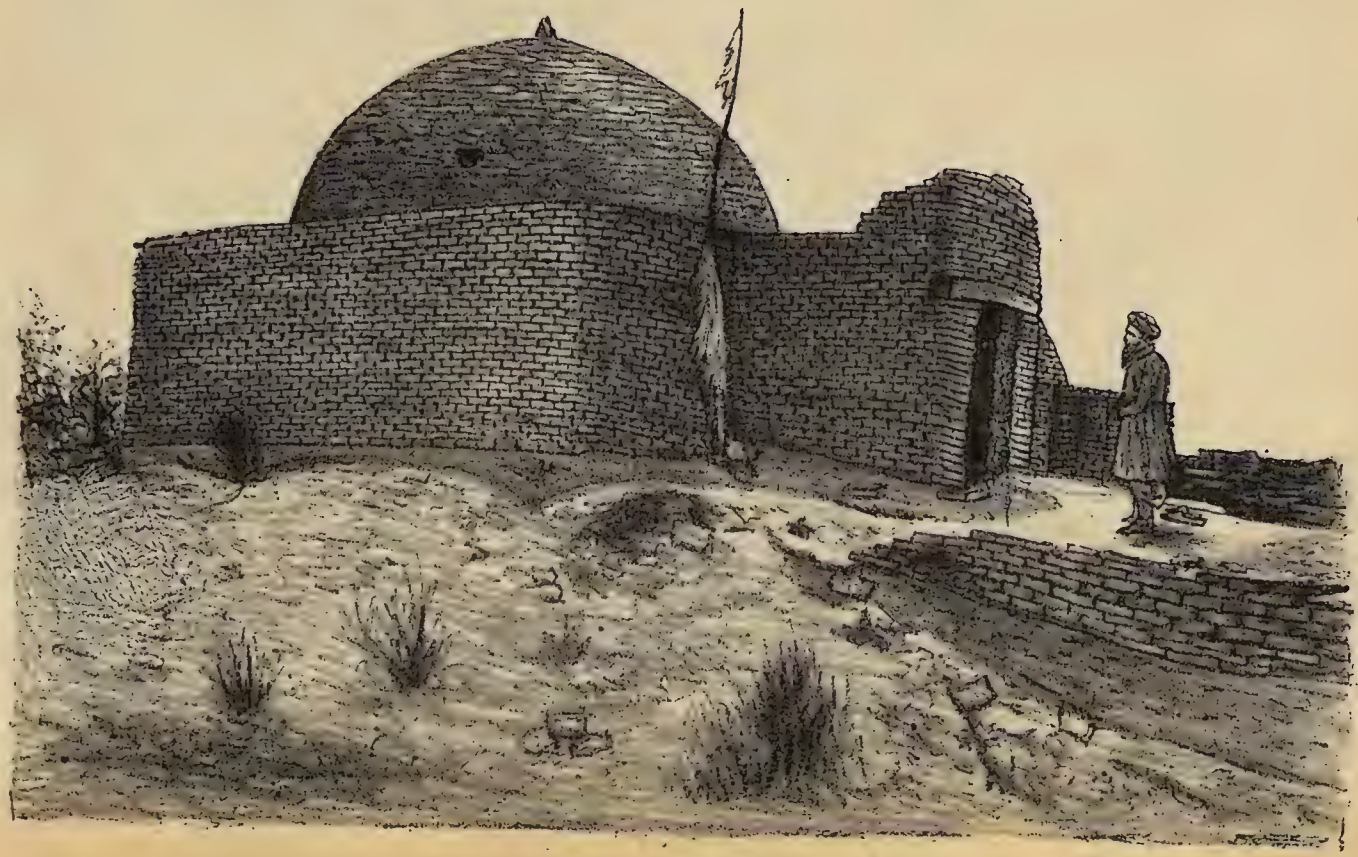
63.



64

Таблица XX.

65.



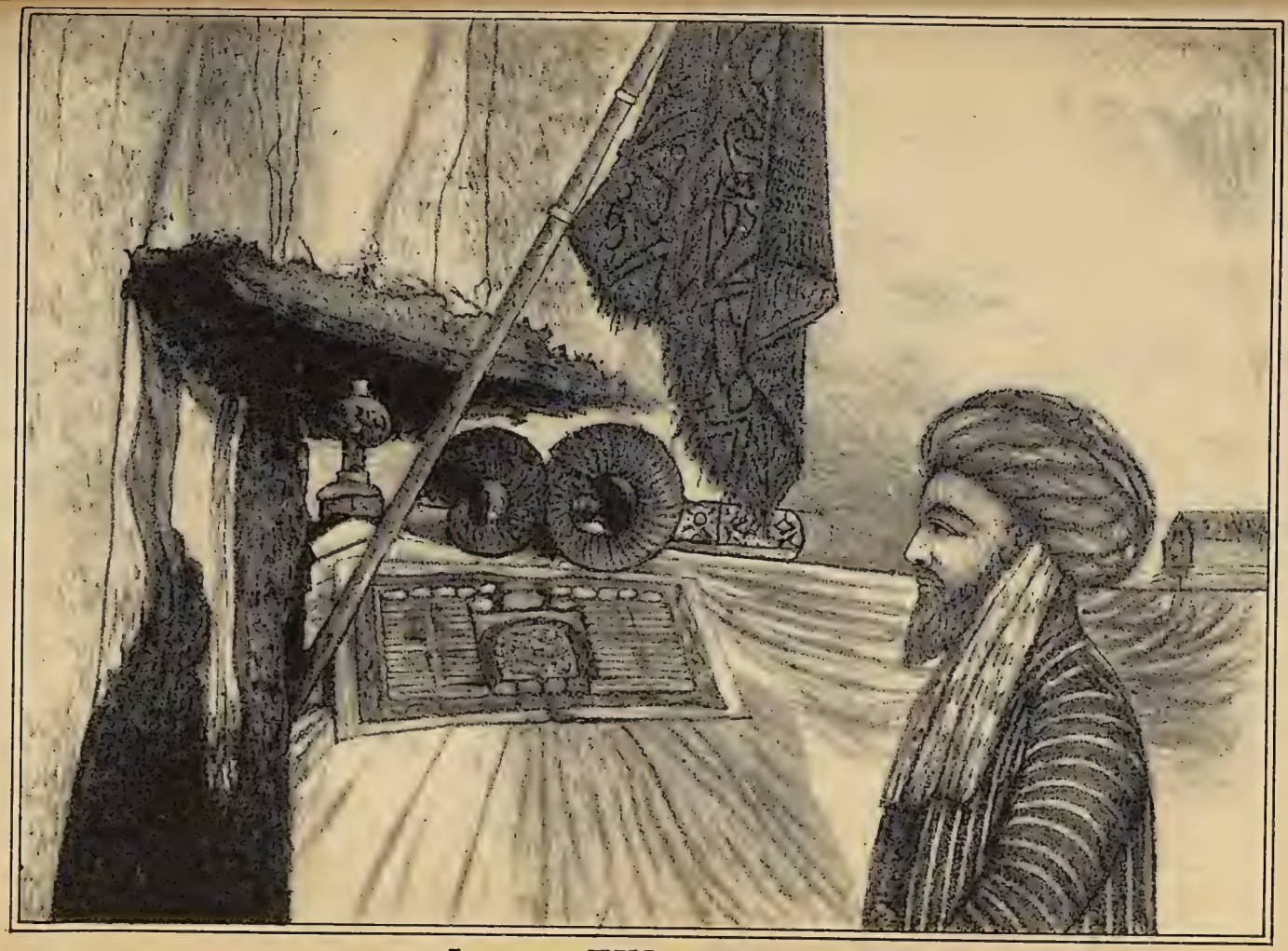
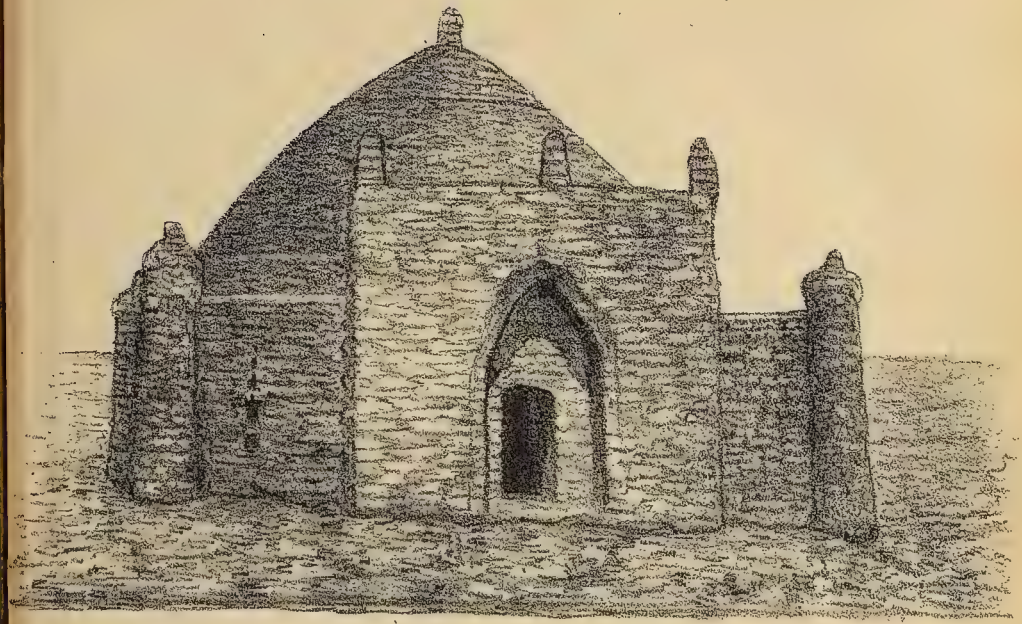


Таблица XXI рис. 66.

Таблица XXII.

67.



68.

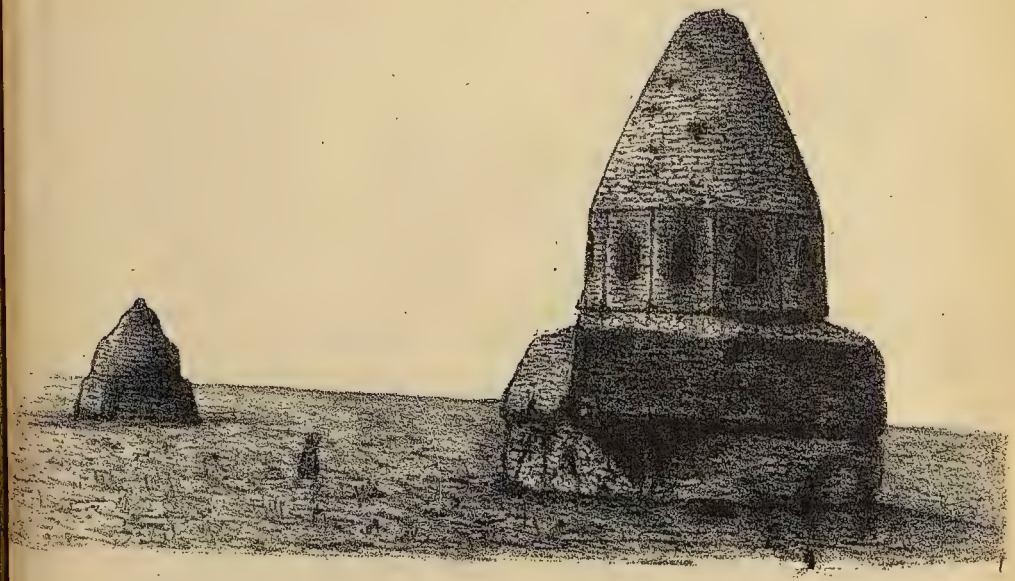
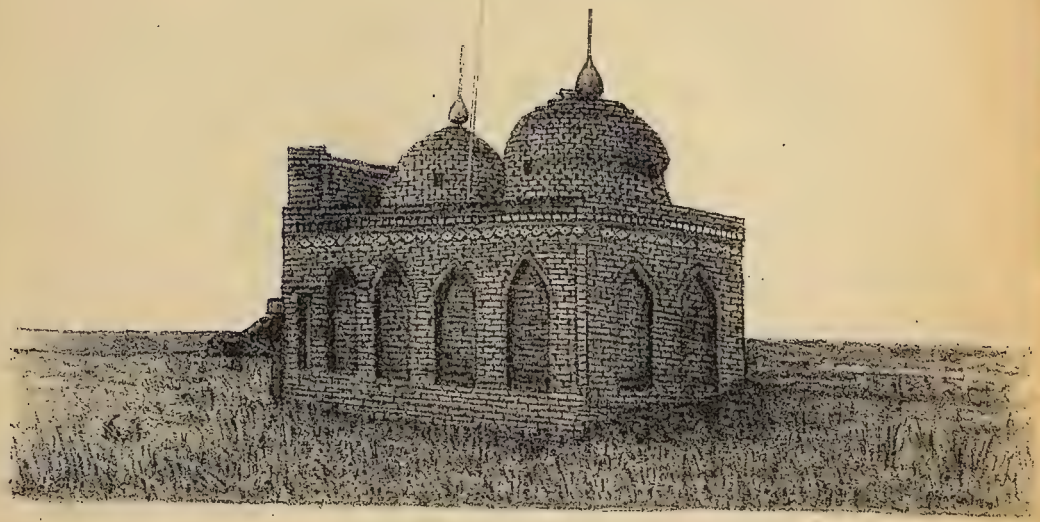


Таблица XXIII.

69.



70.

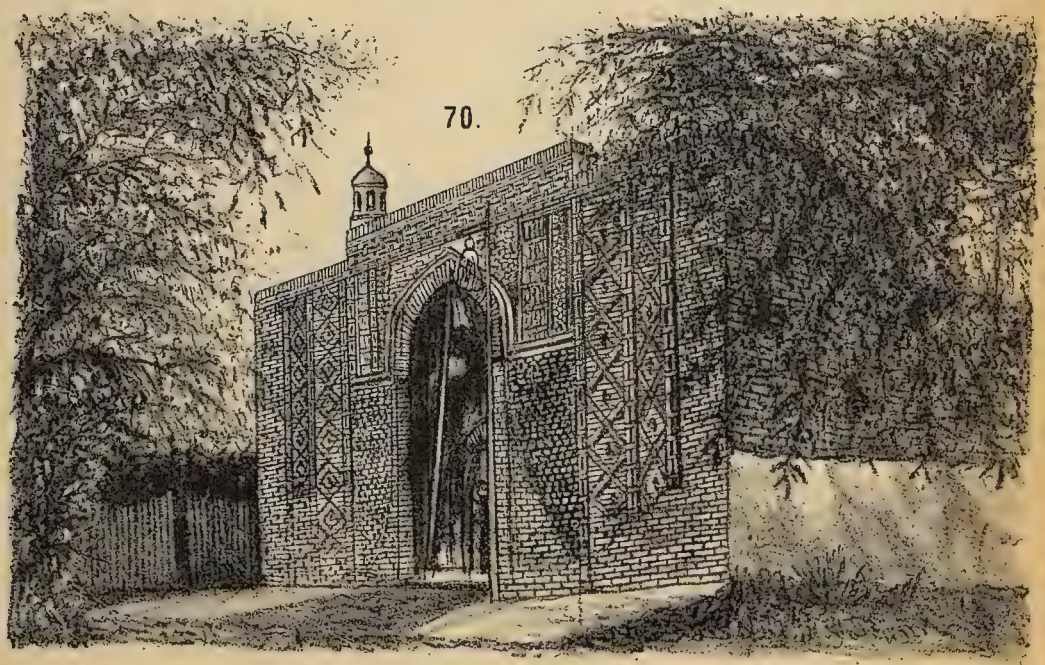


Таблица XXIV.

71.

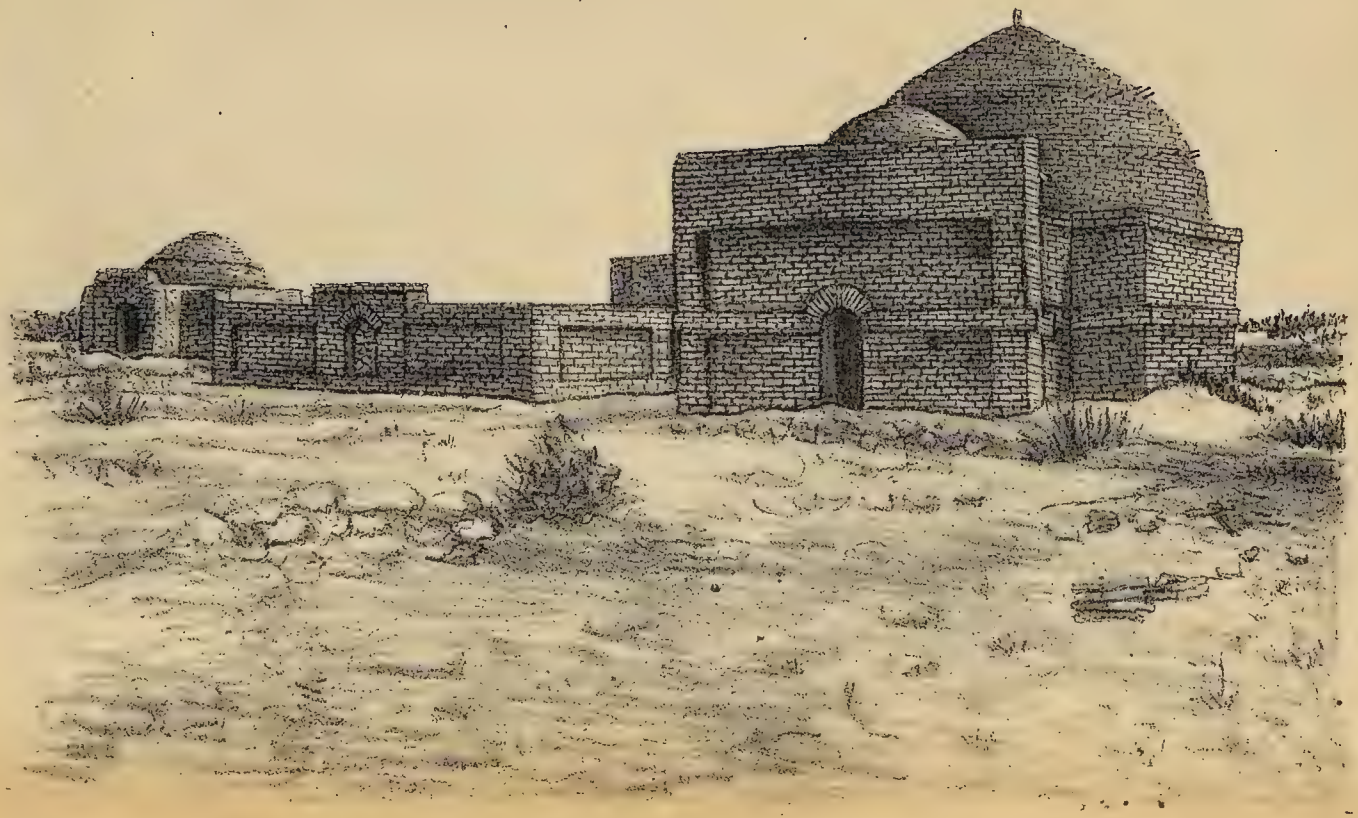
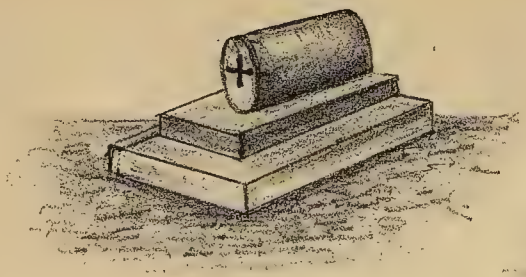


Таблица XXV.

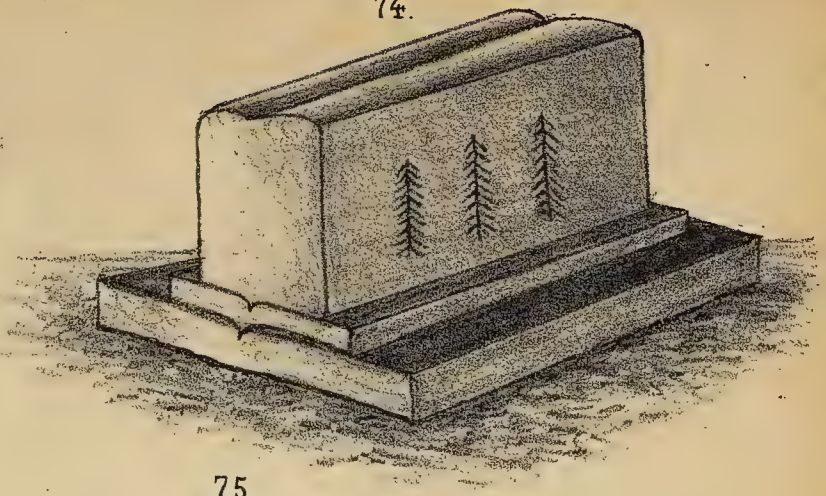
78.

Таблица XXVI.

73.



74.



75.

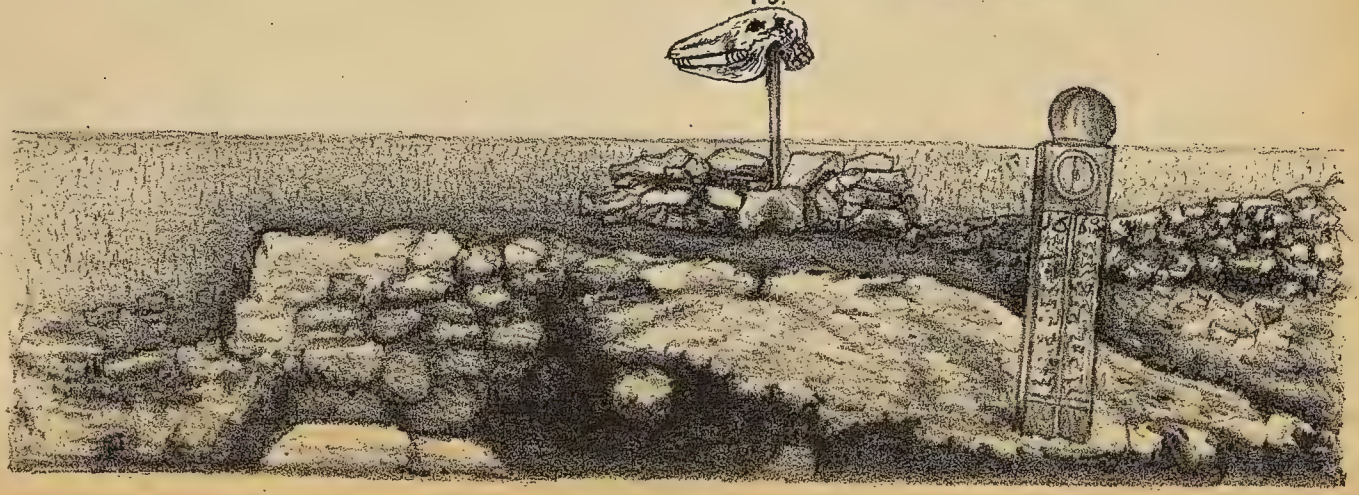
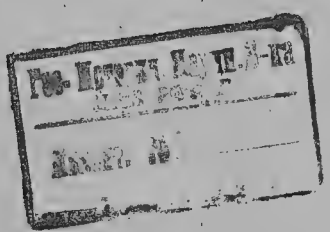


Таблица XXVII.

76.

Таблица XXVIII.

77.



ЦѢНА 1 руб. 50 К.